

2019-I
18+

Journal of Frontier Studies

ЖУРНАЛ
ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN: 2500-0225

18+

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

№1 (13)

2019

ISSN: 2500-0225

18+

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific E-Journal

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

№1 (13)

2019

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

2019, №1 (13)
Основан в 2016 г.

Журнал является периодическим изданием, выходящим четыре раза в год, не имеющим печатной версии. В журнале публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Журнал является рецензируемым научным изданием, посвященным проблемам фронта. Все статьи перед публикацией проходят экспертную оценку ведущих ученых.

Мы стремимся к тому, чтобы наш журнал выполнил бы важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые позволят не только аккумулировать новые достижения в этой области, но и послужат основой для новых открытий и озарений.

Учитывая тот факт, что изначально фронтальная теория родилась в США, мы посчитали необходимым предоставить нашу площадку для ученых из разных стран, поэтому вторым равноправным языком нашего журнала стал английский. А в редколлегии нашего журнала принимают активное участие не только отечественные, но и зарубежные ученые, так или иначе связанные с изучением данной проблемы.

Хотя предпочтение отдается гуманитарной направленности данной проблемы, однако, редакция журнала будет приветствовать и статьи научно-естественного характера, в той или иной степени имеющие отношение к научному фронту, так как, с нашей точки зрения, фронт является не только особым историческим локусом, но это еще и особая культурная парадигма, проявляющаяся в различных областях нашей жизни, определенная идея, находящая отклик в разных областях науки и человеческого бытия.

Наш журнал является рецензируемым научным изданием, и все статьи перед публикацией проходят экспертную оценку ведущих ученых.

Однако, это не означает, что статья, получившая критические замечания однозначно не будет опубликована в нашем журнале. В ряде случаев мы можем опубликовать ее с определенными оговорками или редакционными замечаниями. Мы будем стараться предоставлять

платформу для самых различных мнений и идей. И мы полагаем, что каждый ученый имеет право на высказывание и собственную точку зрения, даже если у членов редакции имеется отличное от авторского мнение.

Вместе с тем это не означает, что любая, присланная в редакцию статья, будет напечатана в нашем журнале. Любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами.

Все статьи публикуются в журнале бесплатно, но и гонорар авторам не выплачивается.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
- ISSN: 2500-0225
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 16 лет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Якушенко Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,

РЕДАКТОРЫ АНГЛИЙСКОЙ ВЕРСИИ

Саракаева Элина Алиевна, кандидат филологических наук, доцент, Хайнаньский университет, Хайкоу (КНР)

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры Философии и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР:

Алиев Растям Туктарович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Якушенков Сергей Николаевич, (Главный редактор), доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Алиев Растям Туктарович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Саракаева Элина Алиевна, к. филол. н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу, Китай

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры Философия и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»

Khodarkovsky Michael, Ph.D. in History, professor of Loyola University Chicago

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Федорова Мария Михайловна, доктор политических наук, ИФ РАН

Гринев Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП), профессор кафедры культурологии и социологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (СПбГПУ)

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Romaniello Matthew P., Ph.D. in History, associate Professor of History, University of Hawaii at Manoa; associate Editor «The Journal of World History»

Geraci Robert P., Ph.D. in History, associate Professor of Department of History of University of Virginia

Sunderland Willard, Ph.D. in History, Henry R. Winkler Professor of Modern History, Department of History, University of Cincinnati

КОНТАКТЫ:

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»

Адрес редакции: 414050, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2

Главный редактор:

Якушенков Сергей Николаевич
Email: editorialboard.jsf@gmail.com

Дирекция журнала:

Алиев Растям Туктарович
Email: rastaliev@gmail.com

Все статьи публикуются в авторской редакции. Мнение редколлегии журнала может не совпадать с мнением авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

Российский Фронтир

- Абрамов, В. К.**
Борьба за власть в Мордовии на рубеже 1980-1990 годов 9
- Такташева, Ф. А.**
Динамика этнического состава населения Сталинградской области в 1939 – 1959 гг.29
- Соколовский, И. Р.**
Картографирование русской аграрной колонизации Сибири XVII в.
.....43

Зарубежный Фронтир

- Кулаков, В. И.**
Равноплечные фибулы пруссов на Балтском пограничье57

Определяя себя и Чужого

- Авторханова, Д. М.**
Роль Чужого в формировании границ идентичности в Средние века71
- Манан, А. А.**
Зеркало Адама: фронтир в имперском воображении83
- Кирчанов, М. В.**
Русская проза в контекстах израильской идентичности: культурный фронтир или случай маргинального нациестроительства 102

Люди фронта

- Якушенков, С. Н.**
Жизнь, отданная Австралии: в память о Деборе Роуз 141

CONTENT

Russian Frontier

- Abramov, V. K.**
Struggle for Power in Mordovia at the Boundary Turn of the 1980-1990-ies 9
- Taktasheva, F. A.**
Development of the Ethnic Structure of the Population in the Stalingrad Region in 1939 – 1959s.....29
- Sokolovskii, I. R.**
The Mapping of the Russian Agrarian Colonization of Siberia XVII.....43

Foreign Frontier

- Kulakov, V. I.**
Scandinavian Fibulae of the Prussians on the Baltic Coast.....57

Identifying self and the Other

- Avtorkhanova, D. M.**
The Role of the Other in the Formation of the Borders of Identity in the Middle Ages71
- Manan, A. A.**
Adam's Mirror: the Frontier in the Imperial Imagination.....83
- Kyrchanoff, M. W.**
The Russian Prose in the Contexts of Israelile Identity: Cultural Frontier or the Case of Marginal Nation-building..... 102

People frontier

- Yakushenkov, S.N.**
The Life, Given to Australia: in Memoriam Deborah Bird Rose..... 141

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В МОРДОВИИ НА РУБЕЖЕ 1980-1990 ГОДОВ

Абрамов, В. К.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10001>

Абрамов Владимир Кузьмич, Межрегиональная общественная организация мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 33.

E-mail: abramovvk@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается борьба за власть в Мордовской автономии в конце 1980-х — начале 1990-х годов, проходившая между старыми коммунистическими местными лидерами, пытавшимися после отмены статьи Конституции СССР о руководящей роли Коммунистической партии в жизни страны укрепиться в законодательных органах, сначала в Верховном Совете республики, а затем в Государственном Собрании, и демократическими организациями, возникшими в ходе «Перестройки». Статья основана на архивных документах из фондов областного комитета КПСС, ВС Мордовии и воспоминаниях ключевых фигур данного исторического процесса — бывшего Председателя Верховного Совета и бывшего Президента Мордовии. Широко использованы материалы прессы, освещающей события данной политической борьбы.

Показано продвижение к власти главы «Демократической инициативы», методы деятельности его сторонников, причины падения авторитета и потери ими общественной поддержки, в результате чего прежние коммунистические лидеры восстановили свои позиции в законодательных и исполнительных структурах республики. Однако их стремление удержаться на «платформе социализма», в свою очередь ослабило эти структуры и привело к власти бывших коммунистических лидеров районного звена, которые отказались от попыток реанимировать коммунистический строй «в отдельно взятой республике» и быстро перешли к идеологии и практике рыночных отношений. В этой борьбе неожиданно большую значимость приобрели мордовские национальные общественные организации, с которыми т.н. демократические лидеры не смогли добиться сотрудничества, из-за недостатка опыта управления и недопонимания роли межнациональных, часто латентных отношений в многонациональной республике.

Ключевые слова

Мордовия, перестройка, демократическое и национальное движение, Верховный Совет, Президент, борьба за власть

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже 1980-х — 1990-х гг. Советский Союз переживал тяжелый экономический и политический кризис, закончившийся его распадом «как субъекта международного права и геополитической реальности» (Российская газета, 1991). Естественно, что все сферы этого кризиса в полной мере проявились в наиболее крупной его союзной республике — России и со своими особенностями в составляющих её автономных республиках и областях, в частности в Мордовии. Неблагоприятная социально-экономическая ситуация в конце 1980-х — начале 1990 гг. здесь усугубилась не только сложной политической обстановкой в центральных органах власти, но и противостоянием исполнительных и законодательных структур в самой автономии, что отразилось на политической, социальной и межнациональной сферах общественной жизни.

Историография данного процесса в республике отражена в работах Д. В. Доленко (1991), Е. П. Лезиной (2014), Г. В. Огриной (2013), С. В. Полутина (2000) и др., содержащих богатый фактологический материал, извлеченный, прежде всего, из публикаций прессы. Многие ведомственные документы, рассматриваемого периода тогда еще не были переданы в архивы или не представлены в открытых фондах. В настоящей статье поставлена цель дополнить работы, указанных авторов, за счет введения новых документов и воспоминаний главных оппонентов той политической борьбы.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методы исследования определяются характером и объемом данной работы: ведущим выбран традиционный для историков проблемно-хронологический метод, историко-сравнительный подход проявляется в прослеживании местных событий на общероссийском фоне.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Активизация демократического движения. Демократизация и гласность, объявленные руководством страны, вызвали в республике некоторое политическое оживление, преимущественно в среде интеллигенции. С 1988 г. прекратился рост, а с 1989 г. началось уменьшение численности мордовской областной организации КПСС, в

1990 г. из неё вышли 2250 чел. Одновременно шло сокращение комсомольской организации МАССР: за 1988-1989 г. — на 6%, за 1989-1990 г. — на 9 % (Огрина, 2013, стр. 14-15).

В 1988-1989 гг. стали создаваться общественные группы, из которых впоследствии наибольшее значение приобрели республиканские национальные мордовские и саранские городские, преимущественно русские, организации общедемократического направления. Среди последних выделялся клуб избирателей «Демократическая инициатива», с активными участниками В.Л. Авксентьевым, В.Ф. Еряшевым, Ю.В. Карасевым, В.М. Левашовым, В.П. Нарезным, А.В. Новиковым, Б.В. Савельевым, В.М. Трошкиным, Т.В. Тюриной, Г.Д. Чумаковым и др. (Абрамов, Воспоминания В. Д. Гуслияникова, записанные автором, 2018). Позднее на его базе оформилось движение «Демократическая Россия» лидером, которого стал старший научный сотрудник НПО «Силовой электроники» уроженец Воронежской области В. Д. Гуслияников, с 1961 года проживавший в Саранске.

В феврале 1990 г. после учреждения в Москве рядом кандидатов в депутаты ВС РСФСР и Моссовета избирательного блока «Демократическая Россия», он возглавил его мордовский филиал, которым было организовано несколько митингов-демонстраций под лозунгами: «Вся власть Советам, а не обкомам», «Долой номенклатуру и Березина», «Долой шестую статью Конституции СССР» и др. Первая демонстрация прошла 25 февраля в центре Саранска, затем, устраивались митинги в районах города и снова в центре. За участие в них были оштрафованы 13 человек (Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ)., Оп. 10. Д. 1154., Л. 143). Потом митинги прекратились, но блок «Демократическая Россия», заявив о себе, получил большинство в Саранском городском совете, а В.Д. Гуслияников, став народным депутатом Верховного Совета МАССР, образовал фракцию «Демократическая Россия», в которую вошли около 25 депутатов (В.В. Шустин, В.С. Иляскин, А.В. Лукшин, Ю.И. Машков и др.) из 175. В декабре 1990 г. на очередной сессии Верховного Совета Мордовии В.Д. Гуслияников был избран сопредседателем депутатской комиссии по расследованию злоупотреблений высших должностных лиц Мордовии, подвергся нападению по политическим мотивам, что также в немалой степени способствовало росту его популярности (Абрамов, Воспоминания В. Д. Гуслияникова, записанные автором, 2018). Следует подчеркнуть, что ни на одном митинге, никто не выступил в защиту коммунистов и обкома, в т. ч. из лекторской группы последнего, в которую тщательно

подбирали якобы идейных апологетов партии и щедро оплачивали их деятельность.

После изъятия из Конституции СССР статьи о руководящей и направляющей роли КПСС в жизни страны областной комитет партии юридически лишился власти, которая реально переходила к исполнительным и законодательным органам. Однако имея связи в Москве, сторонников в Верховном Совете и Совете Министров Мордовии руководители обкома стали переходить на другие высокие посты. В апреле 1990 г. А.И. Березин, оставаясь на посту 1-го секретаря МОК партии был избран Председателем Верховного Совета МАССР, бывший председатель ВС Н.М. Жочкин стал его первым заместителем, бывший секретарь обкома Н.В. Бирюков — вторым и т. д. На первые партийные посты стали выдвигаться деятели районного уровня (т.н. второго эшелона): осенью 1990 г. 1-м секретарем Мордовского рескома КПСС был избран В.А. Скопцов, вторым — Н.И. Меркушкин и т. д. (ЦГА РМ., Оп. 10. Д. 1156., Л. 26, 168-169).

Однако новая высокая должность не спасла А.И. Березина от ответа за прежние злоупотребления властью. В числе прочего ему стали припоминать избирательность в делах наказания и поощрения «своих и не своих» сотрудников.

Об одном из подобных случаев, демонстрирующих взаимоотношения внутри руководства автономией, написал бывший 2 секретарь Саранского горкома КПСС, а впоследствии губернатор Кировской области В.Н. Сергеенков:

«Соппротивление стилю работы Березина и его аппарата постепенно нарастало. Громом среди ясного неба прозвучало выступление на пленуме обкома председателя Саранского горсовета В.Н. Мартынова и эхом разнеслось по всей республике. Предгорисполкома бил республиканское руководство за провалы в экономике, лично Березина критиковал за некомпетентность, чиновничье верхоглядство и комчванство... Все понимали, что началась открытая борьба между Березиным и Мартыновым. Понимая, осознавали неравенство противоборствующих сил. Обычно бунтовщиков той поры гнали с должности с помощью проверенных приемов: проводили ревизии, организовывали проверки, фабриковали персональный компромат. В большом хозяйстве города подобных «блох» набрать было не трудно. Многие полагали, что для расправы над Мартыновым Березин использует именно этот метод. Но то, что предпринял взбешенный критиком глава республики, можно смело отнести к дьявольскому искусству, первооткрывателем которого в нашем Отечестве стал Николай Ежов, развязавший репрессии 1937

года. Девиз Ежова сводился к простой формуле: «Сначала оклеветать, потом растоптать».

Мартыновым занялась парткомиссия обкома. Она сфабриковала на него материалы, скорее, похожие на уголовное дело. Председателю горисполкома приписали изготовление анонимного письма антисоветского содержания на имя Брежнева и Генерального прокурора СССР. Техническое исполнение опуса вменили в вину дочери Мартынова, студентке Мордовского госуниверситета. Мартынов публично выразил недоверие председателю парткомиссии обкома Барсукову, который раздувал мыльный пузырь клеветы. Тогда вопреки всякой логике материал решили передать для расследования мне... Березин поручил мне лично завершить персональное дело Мартынова. Изложил он и технологию самой процедуры по дискредитации своего политического противника: я подписываю подготовленный парткомиссией документ со всеми формулировками и выводами, затем докладываю его на бюро горкома. Председателя горисполкома предполагалось исключить из партии, снять с работы и поручить прокуратуре возбудить против него уголовное дело. Жену Мартынова, сотрудницу Ленинского райкома КПСС, к этому времени уже освободили от работы. Дочь как соучастницу преступления, написавшую клеветническое письмо антисоветского содержания, ждало исключение из университета.

Содержание справки парткомиссии привело меня в ярость. Поражало своей откровенной надуманностью заключение почерковедческой экспертизы, подготовленное криминалистической лабораторией местного КГБ. Свои сомнения я высказал Березину и сообщил ему, что почерковедческий материал направляю в бюро судебной экспертизы при Министерстве юстиции РСФСР. Растерявшийся Березин просил не делать этого, не выносить сор из избы. Но я настоял на своем. Результаты экспертизы были получены на удивление быстро. Вина дочери Мартынова в них полностью отрицалась. Вскоре персональное дело сняли с рассмотрения. Мартынов остался в партии, и ему, чтобы замять конфликт, предложили солидный пост в крупной организации. Не тронули дочь, вернули на работу жену. Березин испугался прослыть мордовским Ежовым — слишком свежи были в памяти разоблачительные документы XX съезда КПСС о репрессиях 1937 года. При всей поспешности и надуманности эти решения сдерживали низменные инстинкты номенклатурных владык, дорвавшихся до вершин бесконтрольной власти. В Саранске все понимали, что расправа над Мартыновым не состоялась из-за принципиальной позиции секретаря горкома, и обыватели с нетерпением ждали выпадов против меня со

стороны Березина. Ход дальнейших событий подтвердил эти предположения, подвел их к той критической черте, за которой никакое примирение невозможно» (Сергеенков, 2012).

Разумеется, сигналы о подобных вещах постоянно шли в Москву, но в условиях брежневской системы управления особого эффекта не имели. Прощались даже очень серьезные его нарушения в отношении сотрудников, осмелившихся на критику. Изменения в высшем партийном руководстве и объявленная гласность способствовали тому, что деятельность руководства Мордовии наконец проверила Комиссия народного контроля СССР и Комитет партийного контроля. В ходе проверки выяснились многочисленные злоупотребления при распределении квартир, личных автомобилей, мест для гаражей, присвоении государственных средств при строительстве личных дач и т. д., в которых были задействованы сам А. И. Березин, а также его ближайшие сотрудники. Начали выявлять и более серьезные нарушения. Вот одно из них, отраженное в справке Комитета народного контроля СССР: «В 1988 г. член КПСС М. В. Баринов написал письмо в ЦК КПСС с сообщением о недостатках, которые, по его мнению, совершаются в Саранске и республике... Письмо из ЦК переслали в Мордовский обком КПСС. Автор был приглашен для беседы к первому секретарю обкома Березину А.И. и зав. отделом организационной и кадровой политике Машину Ю.И., которые настаивали на том, чтобы Баринов М.В. отказался от написанного. Но Баринов М.В. отказываться от написанного не стал. Тогда письмо было Машиним Ю.И. показано тем лицам, которые в нем по тем или иным причинам подвергались критике. Двое из них обратились с иском в Пролетарский районный суд города Саранска, который признал Баринова М. В. виновным по ч. 1 ст. 130 УК РСФСР (клевета), и назначил меру наказания в виде лишения свободы сроком на один год (хотя многие из них при настоящей проверке подтвердились), к тому же сам факт обращения с письмом в ЦК КПСС о злоупотреблениях должностных лиц состава преступления не образует... Вскоре после осуждения Баринова М.В. был осужден на два с половиной года по ст. 181 ч. 2 УК РСФСР (за дачу заведомо ложных показаний при производстве предварительного следствия, соединенную с обвинением в злоупотреблениях некоторых должностных лиц) его сын председатель колхоза «Челпановский» Атяшевского района Баринов Н.М. Через несколько месяцев по протесту Прокуратуры РСФСР судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила приговор и дело производством прекратила за отсутствием состава преступления... Со дня освобождения из мест лишения свободы прошло несколько месяцев,

но он не восстановлен, ни в партии, ни в должности. В защиту Барина Н.М. в разные инстанции обращались коммунисты колхоза, ветераны партии и труда, весь колхозный коллектив, но нужных мер так и не принято... Считали бы целесообразным настоящую записку направить для рассмотрения в КПК при ЦК КПСС... Ведущие инспектора: М. Фомин, В. Максимовский, Д. Михайлов».

Справка была передана в Комитет партийного контроля (с июля 1990 г. — Центральная контрольная комиссия КПСС), который провел собственное расследование и констатировал, что т. Барин М.В. «в основном правильно обращал внимание ЦК КПСС на факты нарушений партийных принципов работы с кадрами в обкоме КПСС, увода от ответственности скомпрометировавших себя руководителей». Что за свои критические сигналы в ЦК КПСС о беспринципном отношении Мордовского обкома партии к фактам нарушений и злоупотреблений, Пролетарским районным судом [председатель Л.Г. Гришина — В.А.] «он был осужден незаконно, без проверки, должным образом, указанных в его письме фактов, основываясь лишь на его фрагментах, полученных от прокурора республики В.А. Адушкина». С данным решением согласилась и коллегия Верховного Суда МАССР. Только по протесту Прокуратуры РСФСР президиум Верховного Суда МАССР отменил «эти неправомерные решения».

Еще до суда газета «Советская Мордовия» опубликовала статью «Нечистая сила», в которой порочились честь и достоинство М.В. Барина, он представлялся общественности как «клеветник», «плут» и «проходимец». Далее в справке ЦК КПСС следовало, что: «Случай незаконного осуждения человека, обратившегося с жалобой в ЦК КПСС, поправки его гражданских прав не получил должной оценки ни в партийных, ни в правоохранительных органах республики. За причиненный т. Барину моральный ущерб никто перед ним даже не извинился (ЦГА РМ., Оп. 10. Д. 1156. Л. 13-17, 18-20, 21-28)

Более конкретно о разбирательствах по этому делу рассказал и пояснил С.Ф. Сорокин, бывший в то время ответственным контролером Комитета партийного контроля: «Я не курировал тогда Мордовию, но с ситуацией знаком. Письмо, направленное М.В. Баринным в ЦК КПСС, переслали в мордовский обком и здесь ему инкриминировали клевету. Он был посажен в тюрьму, за что судья Л.Г. Гришанина получила квартиру, был посажен и его сын, оба уроженцы Атяшевского района. После осуждения М.В. и Н.М. Баринных, кто-то из этого района передал заявление непосредственно в Комитет партийного контроля, и оно попало в руки его руководителя — Б.К. Пуго, после чего начались проверки, выявившие в Мордовии многочисленные злоупотребления и нарушения.

Причастные к ним лица вызывались в Москву, некоторые были сняты с работы. Сам А.И. Березин на ЦКК КПСС был исключен из партии и подал заявление в Верховный Совет Мордовии с просьбой освободить его от должности председателя. Это был, кажется, единственный случай за всю историю СССР, когда первого секретаря обкома, а затем Председателя Верховного Совета исключили из партии с таким скандалом.

Что сказать о нем? Вначале, в качестве руководителя республики он был достаточно самокритичен и отвечал, предъявляемым требованиям. Добивался определенных результатов, пользовался авторитетом среди партийно- хозяйственного актива. Но он был у власти около двадцати лет и постепенно им была утрачена способность давать объективную оценку политической ситуации и даже окружающим его людям. Я бы сказал, развилась социальная слепота. Он различными способами стал избавляться от нежелательных для него, в т. ч. опытных сотрудников, в первую очередь тех, которые могли бы составить ему конкуренцию, в т. ч. по этой причине отправлял их на учебу или работу в Москву и другие города. Он уверился в своей незаменимости, очень тяжело переживал свое падение и мне его потом даже было жалко.

Но суровое наказание, конечно, было справедливым, ибо он допустил грубейшие факты злоупотребления властью, его поведение стало несовместимым с нормами партийной этики и морали. В партийном порядке были наказаны также другие руководители, в том числе Председатель Правительства Учайкин В.С., который вскоре вынужден был оставить занимаемую должность [освобожден по заявлению, после перехода исполнительных функций избранному Президенту МССР — В.А.]. Все эти события в республике получили большой общественный резонанс. Люди были удивлены тем, какие большие злоупотребления допускали органы власти в республике и что виновные понесли наказание независимо от занимаемого ранга. Они еще надеялись, что в обществе есть силы, способные навести порядок, но эти ожидания оказались несбыточными» (Абрамов, Воспоминания С.Ф. Сорокина, записанные автором, 2018).

А.И. Березин был освобожден от должности Верховным Советом 17 октября 1990 г. Сначала было зачитано его заявление, а потом уже указанные справки КНК СССР и ЦКК КПСС. Представители «Демократической России» и др. предложили освободить его «с формулировкой о недоверии», но Верховный Совет республики предпочел «освобождение» по заявлению еще до оглашения справок (ЦГА РМ., Оп. 10. Д. 1156. Л. 12). На должность Председателя ВС МАССР (с 24 мая 1991 г. — МССР) выбрали Н.В. Бирюкова.

В августе 1991 г. ВС Мордовии занял выжидательную позицию и выступил против Государственного Комитета по чрезвычайному положению только тогда, когда попытка переворота провалилась. Однако, его печатный орган газета «Советская Мордовия» в номерах за 19 и 20 августа 1991 г. успела опубликовать документы ГКЧП.

Приход демократов к власти. 25 октября 1991 г. Верховный Совет МССР законом ввел пост Президента (и вице-президента) Мордовской ССР, который сосредотачивал все права и обязанности главы республики, в т.ч. главы исполнительной власти. Выборы были назначены на 14 декабря 1991 г., подразумевалось, что эту должность займет действующий Председатель ВС МССР. Кроме него на пост Президента претендовали еще 7 человек и среди них — руководитель организации «Демократическая Россия», которого, как «человека со стороны» остальные кандидаты не рассматривали в качестве серьезного конкурента и сосредоточились лишь на критике друг друга (Доленко, 1991). Однако во второй тур выборов вместе с Н.В. Бирюковым, набравшим максимальное число голосов, вышел именно В.Д. Гусянников. А 22 декабря 1991 г. он стал Президентом МССР получив 56 % голосов избирателей против 36% у оппонента (Лезина, 2014, стр. 23). Очевидно, что большинство электората проголосовало не столько за «Демократическую Россию», сколько против бывшего секретаря обкома и в его лице против всей опостылевшей партийно-бюрократической номенклатуры.

Как вспоминает Н.В. Бирюков: «...Что касается В. Д. Гусянникова, то у меня с ним как с депутатом были нормальные рабочие отношения, не без споров, конечно, но все в рамках правил. При выборах Председателя Верховного Совета Мордовии я победил с перевесом всего лишь в два голоса и благодаря поддержке фракции «Демократическая Россия». Когда шла подготовка к выборам Президента МССР В.Д. Гусянников вовремя не успел набрать необходимое число поддерживающих голосов, для выдвижения в кандидаты и по закону комиссия по выборам должна была его отсеять. Но я настоял, что бы подождали, пока он их не соберет. Мы были уверены, что избиратели сделают разумный выбор и что претендент на руководство хозяйством целого региона, не имевший даже малейшего опыта такого руководства, не разбившийся в сложных межнациональных отношениях, просто не имеет шансов быть избранным, тем более в национальной республике. Но электорат поступил иначе, и дальнейшие события показали его ошибку. Уже 1992 г. дал значительное снижение уровня производства в республике. Основной провал произошел уже после его ухода в 1994 г., когда

наши предприятия военно-промышленного комплекса «Электровыпрямитель», «СИС-ЭВС» и др. не получили государственных заказов. Мы старались как-то им помочь, предлагали работать пока на склад, но этим выиграли лишь незначительное время. Из-за случившихся событий моя политическая карьера завершилась досрочно, но я ни о чем не жалею, даже горжусь, что тогда мы смогли отстаивать достоинство Мордовской республики» (Абрамов, Воспоминания Н. В. Бирюкова, записанные автором, 2018).

Причины снижения рейтинга доверия демократам. Встав во главе целого региона, испытывавшего серьезные социально-экономические трудности, не имевший, до того опыта руководящей хозяйственной работы В.Д. Гуслинников оказался в чрезвычайно сложном положении. Ситуация усугублялась тем, что, противоборствуя с Верховным Советом МССР, он получил оппозицию в числе многих представителей старого советско-хозяйственного аппарата, которые на местах осуществляли реальную власть. Введенные им в правительство республики новые кадры, в большинстве своем также не имевшие опыта управления и связей в этом аппарате, не смогли обеспечить полное задействование механизма исполнительной власти для решения сложных социально-экономических и национально-политических проблем. Гиперинфляция, обвальная рост цен, безработица, задержки с выплатой зарплаты на многих предприятиях и т. д. — следствие политики центрального руководства страны, поддержку которого он постоянно декларировал, также не способствовали поддержанию его популярности в широких слоях населения.

В результате, уже через год, к декабрю «провального» 1992 г. он утратил поддержку даже многих своих сторонников. Усугубило ситуацию то, что в этом году Мордовия впервые не получила дотации из центра. Как пишет социолог С.В. Полутин: «Президент В.Д. Гуслинников быстро утратил (так же, как в свое время быстро приобрел) политический имидж. Недовольство действиями В.Д. Гуслинникова проявлялось на всех уровнях: и на обывательском (население разочаровалось к тому времени в демократических идеалах по-ельцински), и в управленческой среде...» (2000, стр. 172). Не способствовало укреплению положения Президента МССР и то, что ни он, ни его ближайшие сотрудники не смогли найти общего языка с мордовскими организациями из-за недопонимания роли национального, часто латентного, фактора в жизни республики.

На фоне падения авторитета В.Д. Гуслинникова, которому содействовала администрация Президента РФ, укреплялось положение

ВС Мордовии — структуры старой и поднадоевшей, но в указанное время пользовавшейся покровительством Верховного Совета РФ и его председателя Р.И. Хасбулатова. В декабре 1992 г. 14 сессия Верховного Совета МССР признала деятельность главы Мордовии неудовлетворительной и внесла в Конституцию республики изменения, касающиеся введения поста Председателя Совета Министров и учреждения Конституционного суда МССР (Мордовия, 1993а, стр. 2). Эти поправки ограничивали власть Президента МССР, и он данный законопроект не подписал. С этого момента СМИ, поддерживающие Верховный Совет помимо статей, упрекавших его в некомпетентности, объявили ему психологическую войну с обвинениями в коррупции, злоупотреблениях и т. д. В сентябре 1993 г. обвинения в коррупции и т. п., решением Пензенской прокуратуры были сняты (Майоров, 1994), но в январе-апреле 1993 г. они свою роль сыграли.

В ВС МССР началась подготовка к устранению В.Д. Гуслияникова с политической арены, со своей стороны он апеллировал непосредственно к избирателям. Так, в «Обращении к народу Мордовии» в марте 1993 г. он, в частности, писал: «Борьба лидеров за личную власть дестабилизирует политическую и экономическую ситуацию в республике, нарушает баланс и ослабляет все ветви власти. От этой борьбы устал народ, который ждет, когда же мы займемся его проблемами. Вместо этого мы вынуждены постоянно защищаться или оправдываться... Искренне и ответственно заявляю всему народу Мордовии, что я, первый Президент республики, не связан ни с какими мафиозными структурами, не беру взяток и не строю никаких особняков. Меня можно упрекать в неопытности, ошибках, недоработках, но нельзя упрекать в злоупотреблениях и коррумпированности. Правительство Мордовии не сможет в одиночку без поддержки законодательной и судебной власти справиться с социальными, экономическими проблемами, количество которых нарастает день ото дня. Только в союзе с депутатами и правовыми органами мы обеспечим продолжение реформ в республике и сможем смягчить их последствия...». Далее В.Д. Гуслияников обратился к депутатам ВС МССР с призывом «прекратить бессмысленную борьбу», а к избирателям — повлиять на депутатов (Советская Мордовия, 1993а, стр. 1). 6 апреля 1993 г. он издал указ, где в частности говорилось: «Мне, как Президенту МССР стало известно о подготовленном в ВС МССР проекте закона Мордовской ССР об упразднении поста Президента и о внесении в связи с этим изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Мордовской ССР... Я... постановляю:

1. Действия Верховного Совета по упразднению поста Президента считаю неконституционными...

2. Обязываю всех членов Правительства республики всех глав местных администраций... осуществлять возложенные на них исполнительно- распорядительные функции... (Указ Президента Мордовской ССР, 1993, р. 1).

Вмешательство в местную борьбу центральной власти. О сложившейся ситуации было доложено в Москву, и в тот же день Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин направил телеграмму «Верховному Совету Республики Мордовия», в которой в частности говорилось: «С глубокой тревогой воспринял информацию о решении сессии Верховного Совета Мордовии упразднить институт президентства в республике и прежде всего потому, что такое решение напрямую затрагивает основополагающие принципы Конституции Российской Федерации...

Выражаю уверенность, что вы сумеете найти разумное решение, и процесс демократических преобразований в республике будет продолжен». Президент Российской Федерации Б. Ельцин.

Эта телеграмма (Телеграмма Верховному Совету Республики Мордовия Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, 1993, стр. 1), как и Указ В. Д. Гусянникова не возымели должного действия. На текущую апрельскую сессию заседания Верховного Совета Мордовии из Москвы прибыли две делегации, члены которой отражали мнение Президента и Председателя Верховного Совета Российской Федерации. Первых возглавлял заместитель Председателя Правительства РФ, Председатель Государственного комитета РФ по делам национальностей и региональной политики С.М. Шахрай. С ним приехали официальный представитель Президента РФ по правовым вопросам в Верховном Совете РФ, исполняющий обязанности начальника Государственно-правового управления Президента РФ А.Я. Слива и губернатор Нижегородской области, известный либерал Б.Е. Немцов. Другую группу составляли несколько заместителей Председателя Верховного Совета Российской Федерации. Юридические вопросы с их стороны должен был решать доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ В.Г. Вишняков, который в 1992 г. был представителем КПСС и Верховного Совета РСФСР во время рассмотрения в Конституционном суде РСФСР т. н. «дела КПСС». То есть с обеих сторон были представлены очень серьезные политические и юридические силы.

В результате после обмена мнениями (Б.Е. Немцову даже не дали выступить на заседании) 7 апреля 1993 г. Президент МССР был освобожден от занимаемой должности «в связи с ликвидацией института президентства МССР». За это проголосовали 116 депутатов, против — 9, воздержались — 26. Всего в голосовании участвовало 153 депутата из 169 членов ВС (Мордовия, 1993b, стр. 2). В качестве исполнительного органа Верховным Советом был создан Совет Министров МССР во главе с В.Н. Швецовым.

По этому поводу в Указе № 430 от 8 апреля Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина в частности говорилось:

«Решения Верховного Совета Мордовской ССР об упразднении поста Президента Мордовской ССР не только входят в противоречие с конституционными принципами народовластия и разделения властей и установленной Конституцией Мордовской ССР процедурой отрешения Президента от должности, но и являются нарушением Конституции Российской Федерации, означают вторжение в предмет ведения Российской Федерации и посягают на единство системы исполнительной власти Российской Федерации.

Руководствуясь статьями 121-1, 121-4, 121-5, 132-1 Конституции Российской Федерации, статьей 1 Закона Российской Федерации "О защите конституционных органов власти в Российской Федерации", постановляю:

1. Установить, что до разрешения в надлежащем порядке вопроса о конституционности решений Верховного Совета Мордовской ССР об упразднении поста Президента Мордовской ССР всенародно избранный Президент Мордовской ССР и возглавляемое им Правительство Мордовской ССР исполняют свои обязанности, закрепленные Законом Мордовской ССР "Об учреждении поста Президента Мордовской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Мордовской ССР" от 25 октября 1991 года.

2. Совету Министров — Правительству Российской Федерации, министерствам, государственным комитетам Российской Федерации, другим федеральным органам исполнительной власти оказывать необходимое содействие Президенту Мордовской ССР и Правительству Мордовской ССР в осуществлении ими своих полномочий.

Президент Российской Федерации: Б. Ельцин» (Указ Президента Российской Федерации № 430 от 08. 04., 1993)

Реванш партноменклатуры. Этот указ (№ 430 08.04.1993) также не всеми был принят во внимание. Практически деятельность аппарата

Президента МССР была дезорганизована сразу же после Закона МССР от 7 апреля. Какое-то время В.Д. Гусянников продолжал приходить в свой кабинет и заявлял представителям ВС и нового правительства МССР, что до решения Конституционного суда он его не покинет. Однако даже собрать полностью заседание своего правительства он уже не мог. Одни министры прямо заявили, что переходят на сторону Верховного Совета, другие срочно легли в больницу и проч. До конца вместе с ним, остались единицы (Абрамов, Воспоминания В. Д. Гусянникова, записанные автором, 2018). Последней попыткой, как-то изменить ситуацию в свою пользу стало письмо В.Д. Гусянникова ко всем главам субъектов РФ, направленное 12 апреля 1993 г. в адрес главы администрации Московской области и одновременно президенту Ассоциации глав администраций краев и областей РФ А.С. Тяжлову с просьбой поддержать его (ЦГА РМ, Оп. 1. Д. 13., Л. 1). Моральная поддержка была оказана, но этим дело и ограничилось.

3 июня 1993 г. Конституционный суд Российской Федерации большинством голосов признал: «Закон Мордовской ССР от 7 апреля 1993 года "Об упразднении постов Президента и вице-президента Мордовской ССР и о внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Мордовской ССР" соответствующим Конституции Российской Федерации с точки зрения закрепленного Конституцией Российской Федерации разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и республиками в составе Российской Федерации» (Советская Мордовия, 1993b, стр. 1).

То есть окончательное рассмотрение вопроса было передано в Конституционный суд МССР, который рассматривал его с 17 по 21 августа 1993 г. В постановлении суда от 21 августа констатировалось: «1. Признать Закон Мордовской ССР «Об упразднении постов президента и вице-президента Мордовской ССР и о внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Мордовской ССР» соответствующим Конституции Мордовской ССР по порядку введение в действие и с точки зрения закрепленного Конституцией Мордовской ССР разграничения компетенции между высшими органами государственной власти и управления Мордовской ССР» (Конституционный суд Мордовии поставил последнюю точку: пост президента упразднен, 1993, стр. 1).

Далее отмечалось, что при этом соблюдены не все юридические процедуры. В частности, после принятия указанного закона его должны были передать на подпись Президенту МССР, а после отказа последнего от подписи, вето можно было преодолеть абсолютным большинством (две трети и 1 голос) депутатов ВС МССР. Практически указанный закон, принятый абсолютным большинством

депутатов, вполне мог быть подтвержден преодолением вето, но юридически этого не произошло: получилось, как часто бывало в истории России и Мордовии: *de facto* и *de jure* не совпали, но закон был принят и начал работать. Позднее мордовский сценарий был разыгран уже в Москве, но там финал стал иным.

Национальное движение. В наступившем хаосе и коллапсе власти неожиданно для многих активизировалось мордовское национальное движение. Не смотря на свою малоорганизованность и внутренние противоречия (мокшане-эрзяне) на субэтническом уровне, оно стало важным участником социально-политических событий в республике. У его истоков в этот период находился так называемый Мордовский общественный центр «Вельмема», образовавшийся весной 1989 г. Первый протокол его официального заседания, датирован 7 апреля. Среди первых деятелей движения, были Е.С. Грачева (1936-2014), Н.И. Ишуткин, Р.С. Кемайкина, М.В. Мосин, Д.Т. Надькин, Д.В. Цыганкин, Е.В. Четвергов и др. В субэтническом аспекте члены Мордовского центра были, в основном, эрзянами.

Вскоре общество, «Вельмема», по степени, так сказать, радикализма разделилось на менее и более умеренные части. Умеренные создали организацию «Вайгель», занявшуюся культурно-просветительскими, преимущественно языковыми, проблемами. На учредительном собрании 6 июня 1989 г., был принят Устав этой организации, называвшейся тогда «Всероссийское мордовское общество родного языка «Вайгель». Временами численность общества доходила до 60-80 человек. Среди наиболее активных членов были А.Г. Борисов, П.А. Ключагин и др. По словам его руководителя Д.В. Цыганкина «Вайгель» создавали «для поддержания научно-культурных традиций» и ориентировали, прежде всего, на культурно-просветительскую деятельность». Более радикальная часть Мордовского общественного центра после объединения в одной структуре групп эрзян и мокшан создала «Эрзянско-мокшанское общественное движение Масторава». Одним из инициаторов создания и первым руководителем «Масторава» стал профессор-филолог, уроженец эрзянского с. Иванцево Лукояновского района Горьковской (Нижегородской) области Д.Т. Надькин (1934-1992). Было положено начало оформлению национальных общественных организаций и в мордовской диаспоре. 14-15 марта 1992 г. в г. Саранске, по инициативе обществ Масторава и Вайгель состоялся 1 съезд мордовского народа, принявший на себя многие политические функции. На нем был избран Совет возрождения, сопредседателями которого стали И.А. Ефимов (1929-2001) и Г.И. Пинясов (1944-2008),

бывшие ранее заместителями председателя Масторавы, секретарем — Ю.С. Цыпина (Абрамов, 2010, стр. 128-136).

Национальное движение было использовано депутатами ВС Мордовии в противостоянии с администрацией Президента МССР, в значительно большей степени, чем их оппонентами. Возможно, последним просто не хватило деликатности и опыта при решении национальных вопросов. Оно способствовало очередному этапу возрождения мордовского народа. Благодаря его активному воздействию на органы власти были открыты Национальный театр, факультет затем институт Национальной культуры, принят Закон о государственных языках, оживилась работа с диаспорой и, что особенно важно, позитивно изменился сам социально-психологический климат для мордовского, особенно городского, населения края.

Смена эпох. Следующий политический этап связан с формированием Государственного Собрания Республики Мордовия. Выборы в него прошли в ноябре 1994 г. Здесь тоже не обошлось без юридических нарушений. На ряде участков не был достигнут уровень голосовавших в 50% всех приписанных к ним избирателей, что требовалось по закону. Но победивших на них кандидатов, последняя сессия ВС Мордовии признала легитимными. 1 сессия вновь избранного Государственного собрания состоялась в январе 1995 г. На ней Председателем Госсобранин, а позднее и Главой Республики Мордовия был избран Н.И. Меркушкин. Замена Верховного Совета Государственным Собранием юридически подвела черту под Советской властью в Мордовии, которая фактически продолжалась лишь в течение 1990-1994 гг. — после изъятия 6 главы из Конституции СССР о руководящей роли КПСС и до начала нового рыночного периода в российской истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х годов в Мордовии происходила политическая борьба между старой партийной номенклатурой и новым демократическим движением, в результате которой последнее, во главе с В.Д. Гусянниковым пришло к власти. Однако отсутствие опыта управления сложным хозяйством целого региона и недопонимание важной роли межнациональных, часто латентных отношений в многонациональной республике, лидеры этого движения утратили поддержку электората и даже многих своих

сторонников. В свою очередь, стремление, вернувшихся к власти прежних коммунистических лидеров, удержаться на «платформе социализма», ослабило их влияние в обществе, в результате чего к власти пришли представители бывшей партноменклатуры районного звена, т.н. «второго эшелона», которые отказались от попыток реанимировать коммунистический строй «в отдельно взятой республике» и достаточно быстро перешли к идеологии и практике рыночных отношений. Их поддержала как основная масса русского населения, так и мордовские национальные общественные организации. Столь быстрая смена социально-политической идентичности целого слоя бывших коммунистов-управленцев, является наглядным примером глубокого кризиса, поразившего к концу XX века КПСС и весь общественный строй, державшийся на продуцируемой ею идеологии.

Список литературы

- (1991). *Российская газета*(316), стр. 1.
- (1993а). *Мордовия*(1), стр. 2.
- (1993а). *Советская Мордовия*(61), стр. 1.
- (1993б). *Мордовия*(16), стр. 2.
- (1993б). *Советская Мордовия*(102), стр. 1.
- Абрамов, В. К. (2010). *Мордовское национальное движение. Изд. 2. Испр. и доп.* Саранск.
- Абрамов, В. К. (2018). *Воспоминания Н. В. Бирюкова, записанные автором.*
- Абрамов, В. К. (2018). *Воспоминания В. Д. Гусянникова, записанные автором.*
- Абрамов, В. К. (2018). *Воспоминания С.Ф. Сорокина, записанные автором.*
- Доленко, Д. (1991). Триумфальное шествие президентской власти. *Саранские вести*(178), стр. 2.
- Конституционный суд Мордовии поставил последнюю точку: пост президента упразднен. (1993). *Мордовия*(47), стр. 3-8.
- Лезина, Е. П. (2014). Президентская республика в Мордовии (конец 1991 - первая половина 1993 года). *Социально-политические науки*(4), 22-26.
- Майоров, И. (1994). Напраслина. *Советская Мордовия*(9), стр. 1.
- Огрин, Г. В. (2013). Мордовия в годы перестройки(1985–1991): власть и общество. *PhD thesis.* Саранск.

- Полутин, С. В. (2000). Республика Мордовия. В К. Мацузато (Ред.), *Регионы России: хроника и руководители* (стр. 151-266). Саппоро.
- Постановление Верховного Совета Мордовской ССР «О социально-экономическом положении республики и программе (основных направлениях) деятельности правительства Мордовской ССР на период стабилизации экономики. (1993). *Мордовия*(1), стр. 2.
- Сергеенков, В. Н. (2012). *Мордовская петля*. Retrieved from <https://sergeenkov-v.livejournal.com/5289.html>
- Телеграмма Верховному Совету Республики Мордовия Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина. (1993). *Советская Мордовия*(65), стр. 1.
- Указ Президента Мордовской ССР. (1993). *Советская Мордовия*(64), стр. 1.
- Указ Президента Российской Федерации № 430 от 08. 04. (1993). Retrieved from <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/99078>
- ЦГА РМ. (Оп. 1. Д. 13.). Ф. 6206-П.
- ЦГА РМ. (Оп. 10. Д. 1156.). Ф. 269-П.
- Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). (Оп. 10. Д. 1154.). Ф. Р-234.

STRUGGLE FOR POWER IN MORDOVIA AT THE BOUNDARY TURN OF THE 1980-1990-IES

Abramov, V. K.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10001>

Abramov Vladimir Kuzmich, Interregional public organization Mordovian (Moksha and Erzya) people, 430005, Saransk, Bolshevistskaya St., 33.

E-mail: abramovvk@mail.ru

Abstract

The article deals with the struggle for power in Mordovian autonomy in the late 1980s – early 1990s, which took place between the old Communist local leaders and democratic organizations that emerged during «Perestroika». After the abolition in the Constitution of the USSR of the article proclaiming the leading role of the Communist party in life of the country, local leaders strived to gain a foothold in the legislative bodies, first in the Supreme Council of the Republic and then in the State Assembly.

The article is based on archival documents from the funds of the regional Committee of the CPSU, the Supreme Council of Mordovia, and memories of key figures of this historical process, namely, the former Chairman of the Supreme Council and President of Mordovia.

The media materials covering events of this political struggle are widely used. They depict the movement towards power of the Head of the "Democratic initiative", the methods of activities of his supporters, the reasons of the fall of his authority and the loss of public support, as a result of which former Communist leaders regained their positions in the legislative and executive structures of the Republic. In turn, however, their desire to stay on the "platform of socialism" weakened these structures letting the former Communist leaders of the district level to obtain power again. Those refused to revive the Communist system «in the Republic» and quickly moved to the ideology and practice of market relations. In this struggle the Mordovian national public organizations with which the so-called «Mordovians» acquired unexpectedly great importance, democratic leaders were unable to achieve cooperation due to the lack of management experience and misunderstanding of the role of interethnic, often latent relations in a multinational Republic.

Keywords

Mordovia, reorganization, democratic and national movement, Supreme Council, President, struggle for power.

References

- (1991). *Rossiyskaya Gazeta* (316), p. 1.
- (1993a). *Mordovia* (1), p. 2.
- (1993a). *Soviet Mordovia* (61), p. 1.
- (1993b). *Mordovia* (16), p. 2.
- (1993b). *Soviet Mordovia* (102), p. 1.
- Abramov, V. K. (2010). *Mordovian national movement. Ed. 2. Corr. and add.* Saransk.
- Abramov, V.K. (2018). *Memories N. V. Biryukov, recorded by the author.*
- Abramov, V.K. (2018). *Memories V. D. Guslyannikov, recorded by the author.*
- Abramov, V.K. (2018). *Memoirs S.F. Sorokin, recorded by the author.*
- Dolenko, D. (1991). Triumphant procession of presidential power. *Saransk news* (178), p. 2.
- The Constitutional Court of Mordovia has put the last point: the presidency has been abolished. (1993). *Mordovia* (47), pp. 3-8.
- Lezina, E.P. (2014). Presidential republic in Mordovia (late 1991 - first half of 1993). *Socio-political sciences* (4), 22-26.
- Mayorov, I. (1994). Napraslin. *Soviet Mordovia* (9), p. 1.
- Ogrina, G. V. (2013). Mordovia in the years of perestroika (1985–1991): power and society. *PhD thesis.* Saransk.
- Polutin, S.V. (2000). The Republic of Mordovia. In C. Macuzato (Ed.), *Regions of Russia: Chronicles and Managers* (pp. 151-266). Sapporo.
- Resolution of the Supreme Council of the Mordovian SSR "On the socio-economic situation of the republic and the program (main directions)

- of the government of the Mordovian SSR for the period of stabilization of the economy." (1993). *Mordovia* (1), p. 2.
- Sergeenkov, V.N. (2012). *Mordovian loop*. Retrieved from <https://sergeenkov-v.livejournal.com/5289.html>
- Telegram to the Supreme Council of the Republic of Mordovia of the President of the Russian Federation B.N. Yeltsin. (1993). *Soviet Mordovia* (65), p. 1.
- Decree of the President of the Mordovian SSR. (1993). *Soviet Mordovia* (64), p. 1.
- Presidential Decree number 430 from 08. 04.* (1993). Retrieved from <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/99078>
- Central State Archive of the Republic of Mordovia (CSA RM). (Ref. 1. D. 13.). *F. 6206-P*.
- Central State Archive of the Republic of Mordovia (CSA RM). (Ref. 10. D. 1156.). *F. 269-P*.
- Central State Archive of the Republic of Mordovia (CSA RM). (Ref. 10. D. 1154.). *F. P-234*.

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1939 – 1959 ГГ.¹

Такташева, Ф. А.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10002>

Такташева Флюра Анваровна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет,

400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, д.27

E-mail: flyura34@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена одному из сложных периодов этнодемографической истории как СССР в целом, так и Сталинградской области в частности, территория которой на протяжении многих веков являлась частью так называемого Каспийского коридора и пропускала многочисленные потоки кочевников и переселенцев. К началу 1940-х гг. область представляла собой полиэтничный регион, основу которого составляло русское, украинское, немецкое, казахское, татарское и калмыцкое население, начавшее заселение этих территорий еще с XIV века.

На основе данных, представленных в тексте в виде статистических таблиц, автор показывает влияние на этническую структуру Сталинградской области в межпереписной период (1939-1959 гг.) таких факторов, как Великая Отечественная война, депортация народов и изменение внутренних и внешних границ, потоки эвакуации и трудовой миграции. В статье выявлены основные тенденции этнодемографической истории области в указанный период. К ним следует отнести значительное сокращение численности этносов, составлявших основу постоянного населения региона (русские, украинцы, татары, казахи). В результате депортационной политики доля калмыков и немцев сократилась в 5 и 3 раза соответственно, что привело к нивелировке их значения в этнической структуре области. В то же время наблюдался приток белорусов, молдаван, чувашей, корейцев, кавказских народов, что было связано с освоением опустевших после войны и депортаций территорий и интенсивным экономическим развитием области.

Ключевые слова

Этническая структура, Сталинградская область, депортация, эвакуация, этнодемография, административная граница, Великая Отечественная война, миграция

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Волгоградской области в рамках научного проекта № 18-49-343006 p_мол_a

В современном российском обществе этнический компонент, отсутствующий, в свою очередь, в правовом поле, играет существенную роль во всех сферах. Особая актуальность сейчас придается проблемам межэтнических отношений, культуре межнационального общения, этнокультурному компоненту в образовании. В то же время сложная демографическая ситуация в России как результат накопленных в прошлом проблем требует изучения динамики основных показателей народонаселения в целом, в том числе и этносов. В связи с этим особый смысл приобретает изучение этнодемографической истории страны, детерминированной различными факторами как естественного, так и политического, экономического и социального характера.

1940-е – 1950-е гг. стали одним из сложных периодов российской этнической истории XX в., итогом которого явилась резкая смена вектора развития многих народов СССР, географии расселения, сокращение численности, а также разрыв с традиционной культурой и проблемы межэтнического взаимодействия на современном этапе.

Сталинградская область в этом отношении стала ярким примером этнодемографической истории СССР указанного периода. Уникальность региона состоит в том, что во все времена занимал он пограничное положение, которое характеризуется многочисленными миграционными потоками. Эти территории являются частью так называемого Каспийского коридора, по которому, начиная с эпохи бронзы, нескончаемыми потоками двигались кочевники, а позднее переселенцы, осваивающие здесь новые незаселенные пространства (Рыблова, 2004, с. 359).

В период 1940-х – 1950-х гг. Сталинградская область также выступала коридором, через который проходили волны эвакуации, репатриации и депортации советского населения.

Сталинградская (ныне Волгоградская) область являлась территорией компактного расселения разных народов, крупных и мелких этнических групп, и диаспор. Итоги Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг. доказывают этот тезис (см. таблицу 1)

	Численность 1939 г. (чел.)	Численность 1959 г. (чел.)	Количественные изменения (чел.)
Всего	2288139	1853928	- 434211
Русские	2003299	1691215	- 312084
Украинцы	82509	77411	- 5098
Казахи	72471	23320	- 49151
Татары	64223	17744	- 46479
Немцы	23751	7473	- 16278
Белорусы	2712	7464	+ 4752

Евреи	9623	5020	- 4603
Калмыки	8502	4474	- 4028
Цыгане	1242	2927	+ 1685
Мордва	3918	2785	- 1133
Чуваши	623	2519	+ 1896
Армяне	3170	1907	- 1263
Молдаване	100	1828	+ 1728
Поляки	1399	1266	- 133
Марийцы	142	830	+ 688
Грузины	489	467	- 22
Азербайджанцы	315	449	+ 134
Литовцы	137	347	+ 210
Латыши	466	325	- 141
Узбеки	138	315	+ 177
Удмурты	124	291	+ 167
Осетины	193	279	+ 86
Болгары	64	256	+ 192
Греки	324	225	- 99
Авары	27	224	+ 197
Эстонцы	208	204	- 4
Башкиры	202	199	3
Лезгины	191	186	5
Прочие	7167	1954	5213
Не указали национальность	410	40	370

Таблица 1. Этнический состав населения Сталинградской области в 1939-1959 гг. Составлено по данным архивов (РГАЭ РФ, Д. 966-1001) (РГАЭ, Д. 1566а -1566д)

Необходимо отметить, что при составлении данной таблицы возникли сложности с сопоставлением списков этносов. В переписях населения 1939 и 1959 годов были представлены отличные друг от друга номенклатуры народов. Так, список этносов в переписи 1939 г. был намного шире и включал такие народы как ингуши, каракалпаки, корейцы, ногайцы, таджики, чеченцы, якуты, абхазы, балкарцы, буряты и др. В связи с этим в таблице категория «прочие» включила в себя относительно широкий список народов, чья доля в общей численности населения области, тем не менее, была невысокой, и поэтому не искажала общую этническую картину региона.

Как видно из представленных данных, к числу наиболее многочисленных этносов следует отнести русских, украинцев, белорусов, татар, казахов, немцев, калмыков. Именно переселение этих народов на территорию области в XVI – XIX вв. составило основу постоянного населения региона.

Основной тенденцией изменений этнического состава населения Сталинградской области в межпереписной период было существенное сокращение численности народов. Это явилось следствием таких факторов как Великая Отечественная война и эвакуация, административно-территориальные преобразования, депортации народов. Эти события и явления в 1940-е – 1950-е гг. были решающими и имели настолько масштабные последствия для региона, что такие факторы, как естественная убыль населения, воспроизводство, миграционный отток населения, внешняя миграция играли второстепенную роль и не определили основного вектора развития этнической структуры области.

Великая Отечественная война сыграла решающую роль в демографическом развитии в целом, и этническом в частности. Её главное последствие – значительная убыль населения. Но проблема заключается в том, что до сих пор неизвестны окончательные цифры потерь населения области. Областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков заявила о 110 471 чел. погибших и угнанных в плен (ГАВО, Оп. 1. Д. 20, Л. 4-5). Т.А. Павлова предположила, что общая численность безвозвратных потерь гражданского населения Сталинградской области составила 235 232 чел. (Павлова, 2005, с. 554). Подсчитать потери отдельных народов не представляется возможным.

В исследуемый период одним из существенных факторов этнодемографической истории выступали административно-территориальные преобразования. Внутренние и внешние границы Сталинградской области за 1940-е – 1950-е гг. изменялись более 10 раз. Наиболее значимые из них следующие: в 1941 г. в состав Сталинградской области вошли 7 районов бывшей республики Немцев Поволжья; в 1943 г. Астраханский округ с 8 районами, являвшийся территорией области, был преобразован в Астраханскую область, которой в 1947 г. был передан и Черноярский район; в 1944 г. к Сталинградской области отошли 2 района бывшей Калмыцкой республики, а в 1957 г. эти территории вошли в состав вновь образованной Калмыцкой автономной области; в 1954 г. ко вновь образованным Балашовской и Каменской областям отошли 16 районов Сталинградской области, которые к 1957 г. были возвращены обратно (Буянов, Жданкина, Кадашова, & Норицына, 2009). К этому можно прибавить многочисленные преобразования административных границ районов.

Среди этих преобразований особое место занимает передача в 1943 г. Астраханского округа в состав вновь образованной Астраханской области. Эти территории включали в себя 8 районов и г.

Астрахань. Согласно переписи населения 1939 г., общая численность населения, проживавшего в округе, была 615207 чел., что составляло 26,8% всего населения Сталинградской области (ГАВО, Оп. 5. Д. 79. Л. 1-4). Этнический состав округа по наиболее многочисленным народам отражает таблица 2.

	Русские	Украинцы	Казахи	Татары	Немцы	Калмыки
Всего	480239	4307	61170	48734	2351	3498
Село	235237	1512	55441	25514	396	2702
Город	245002	2795	5729	23220	1955	796
в т.ч. Астрахань	215199	2526	1538	22605	1369	668
Владимировский район	52556	342	4760	558	127	26
Володарский район	23037	207	26157	1221	48	23
Енотаевский район	26144	118	686	55	37	1507
Икрянский район	43606	200	2922	1108	58	553
Камызякский район	40322	177	8009	412	20	58
Красноярский район	24276	260	9370	5249	50	99
Наримановский район	18697	267	1878	17440	85	150
Харабалинский район	31462	210	5696	90	57	414

Таблица 2. Наиболее многочисленные национальности Астраханского округа Сталинградской области за 1939 г. Составлено на основе архивных данных (ГАВО, Оп. 5. Д. 79. Л. 1-4)

Представленные народы составляли 97,5 % населения Астраханского округа и 26,2% всего населения Сталинградской области. Из представленных данных видно, что большинство населения составляли русские; тем не менее, существенную долю составляли казахи, татары и калмыки. Именно в Астраханском округе

проживало 84,4% всех казахов, 75,8% татар, 9,8% калмыков Сталинградской области. Русские составляли 23,9% всего русского населения области. В связи с этим утрата астраханских территорий существенно сказалась на сокращении численности этих народов: казахов в 3 раза, татар – в 3,5 раза, о чем свидетельствуют показатели переписи населения 1959 г.

К числу основных факторов этнодемографической истории Сталинградской области в исследуемый период относятся депортации калмыков и немцев, происходившие в первой половине 1940-х гг.

Первым народом в составе Сталинградской области, которого это коснулось, стали немцы Поволжья. 28 августа 1941 был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья». Причины носили превентивный характер – «наличие десятков тысяч диверсантов и шпионов», связь с Германией, возможные диверсии в тылу страны и т.д. С 3 сентября началась отправка эшелонов преимущественно в Казахстан, а также в Красноярский и Алтайский края, в Новосибирскую и Омскую области (Бугай, 2004, стр. 306-331). Во время войны было депортировано 949829 чел., в том числе из Сталинградской области 26245 чел. (Поляков & Жиромская, 2001, с. 168), что составляло практически все немецкое население области, проживавшее преимущественно в Сталинграде, Камышинском, Николаевском, Ольховском районах.

Далее последовала ликвидация Республики немцев Поволжья, которая потеряла в результате депортации 446480 чел. (стр. 168). Опустошенные территории были разделены между Саратовской и Сталинградской областями. К последней отошли 7 кантонов: Гмелинский, Иловатский, Палласовский, Старополтавский, Франкский (с 1942 г. – Медведицкий район), Эрленбахский (с 1942 г. – Ременниковский район), Нижне-Добринский. Из пяти из них было полностью выселено все немецкое население (ЦДНИВО, Д.186. Л. 9). В связи с тем, что заселение пустых территорий за счет эвакуированного населения из Украины и соседних областей шло медленно, эти районы стали экономически невыгодными, и в течение последующих лет большая их часть бала реорганизована. Сохранилось только 3 из них: Иловатский, Старополтавский, Палласовский, территории отвалных были включены в состав Жирновского, Камышинского, Ждановского районов. В целом численность немцев в составе Сталинградской области за 1940-е – 1950-е гг. сократилась более чем в 3 раза.

В 1943 г. участь немцев коснулась и калмыков. 27 декабря 1943 г. Указом президиума Верховной Совета СССР объявлялось о выселении калмыцкого населения в Алтайский и Красноярский края, Омскую и

Новосибирскую области как изменников и предателей; преступным был объявлен этнос в целом. Первоначально проводилось выселение из Калмыцкой АССР – к январю 1944 г. было депортировано 93 139 чел. (Бугай, 2004). 28 декабря 1943 г. последовало постановление Совета Народных Комиссаров о ликвидации Калмыцкой АССР, территория которой была поделена между Астраханской, Ростовской, Сталинградской областями и Ставропольским краем. Опустошенные Сарпинский и Малодербетовский районы, в которых ранее около 2/3 населения составляли калмыки, вошли в состав Сталинградской области.

В 1944 г. депортации калмыков продолжились за счет выселения тех, кто проживал вне КАССР. В апреле из Сталинградской области 1178 человек было отправлено в Свердловскую область (2004, стр. 306-331). А 12 января 1957 г. в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР была вновь образована Калмыцкая автономная область, в состав которой вернулись территория Сарпинского района с Малодербетовским районом.

Таким образом, в результате административно-территориальных преобразований и депортаций численность калмыков Сталинградской области к концу 1950-х гг. сократилась в 5 раз.

В итоге к концу 1950-х гг. в Сталинградской области сложилась следующая этнодемографическая ситуация. С одной стороны, данные переписей показывают существенное снижение численности народов, составляющих основу постоянного состава населения: русских, украинцев, татар, казахов, калмыков, немцев. К числу главных факторов относятся сокращение территории Сталинградской области в связи с исключением из ее состава Астраханского округа и депортации калмыцкого и немецкого народов. С другой стороны, переписи свидетельствуют об увеличении численности белорусов, молдаван, чувашей, что связано с событиями Великой Отечественной войны, эвакуацией населения из оккупированных районов страны, а также заселением опустевших территорий. Кроме того, с 1950-х гг. началась миграция в Сталинградскую область корейцев, чеченцев, дагестанцев, марийцев, чувашей. Эта тенденция закрепится и расширится в последующие периоды, что приведет к их высокой доле в составе современной Волгоградской области.

Этнический состав населения по районам по наиболее многочисленным этносам Сталинградской области в конце 1950-х гг. отражает таблица 3.

Районы	Доля этноса в общей численности района, %
--------	---

		русские	украинцы	белорусы	казахи	калмыки	татары	немцы
г. Сталинград	51394 1	87,65	3,29	0,15	0,08	0,03	1,47	0,10
г. Волжский	66965	87,37	6,00	1,40	0,23	0,00	0,99	0,06
Балыклейский	15259	98,14	0,43	0,04	0,01	0,63	0,14	0,03
Камышинский	93239	91,99	2,55	0,39	0,20	0,02	0,42	2,94
Урюпинский	81341	97,59	1,17	0,22	0,11	0,00	0,07	0,04
Березовский	10990	98,57	0,74	0,11	0,08	0,00	0,16	0,03
Бударинский	16188	98,75	0,70	0,14	0,22	0,00	0,01	0,02
Быковский	13488	88,58	0,60	0,14	7,30	0,01	0,24	0,22
Вязовский	16603	96,28	2,46	0,26	0,60	0,00	0,05	0,06
Городищенский	29813	86,67	8,06	0,60	0,23	0,12	1,93	0,28
Даниловский	17789	98,58	0,63	0,07	0,44	0,01	0,03	0,06
Добринский	19426	99,02	0,57	0,18	0,01	0,00	0,04	0,04
Дубовский	22009	97,19	1,05	0,30	0,25	0,08	0,18	0,09
Еланский	19253	61,59	37,40	0,12	0,16	0,00	0,09	0,12
Ждановский	24880	93,35	1,76	0,19	0,29	0,00	0,31	3,07
Жирновский	33841	80,28	14,68	0,37	1,21	0,01	0,34	1,82
Иловатский	10018	83,98	5,28	0,22	4,28	0,00	0,26	5,17
Иловлинский	14623	97,05	1,42	0,15	0,02	0,00	0,29	0,04
Калачевский	37651	92,59	2,99	0,48	0,74	1,24	0,57	0,02
Калининский	16597	88,77	8,68	0,31	1,53	0,01	0,52	0,04
Киквидзенский	23464	79,48	19,37	0,10	0,77	0,00	0,04	0,03
Клетский	20298	95,39	1,28	0,31	2,35	0,04	0,20	0,06
Котельниковский	32271	92,02	2,14	0,22	0,34	3,47	0,78	0,02
Красноармейский	15699	80,83	5,11	0,37	0,71	4,45	7,68	0,05
Среднеахтубинский	46725	95,35	1,42	0,20	0,19	0,01	1,77	0,04
Красноярский	24096	94,47	2,36	0,14	0,45	0,00	0,12	2,14
Кругловский	20879	98,42	0,72	0,18	0,00	0,00	0,03	0,00
Кумылженский	23074	98,53	0,52	0,20	0,01	0,00	0,04	0,02
Лемешкинский	11262	51,49	46,11	0,12	0,68	0,00	0,11	1,30
Ленинский	27999	89,27	0,85	0,12	3,45	0,00	5,84	0,01
Логовский	11414	98,10	0,59	0,34	0,20	0,00	0,32	0,02
Мачешанский	12429	52,40	46,34	0,11	0,76	0,00	0,06	0,02
Михайловский	56223	96,84	1,54	0,25	0,04	0,00	0,10	0,05
Нехаевский	21827	99,16	0,55	0,09	0,00	0,00	0,03	0,12
Нижне-Чирский	14510	95,86	1,14	0,14	1,78	0,17	0,52	0,02
Николаевский	27158	87,85	1,29	0,19	7,19	0,00	0,85	0,90
Ново-Анненский	45061	97,98	1,14	0,16	0,22	0,00	0,05	0,02
Новониколаевский	33585	97,11	1,11	0,26	1,10	0,02	0,05	0,04

Октябрьский	20666	91,12	1,43	0,15	0,75	5,37	0,49	0,02
Ольховский	14786	95,93	1,03	0,08	0,64	0,00	0,22	0,05
Палласовский	35527	59,33	9,21	0,29	27,22	0,01	1,89	0,69
Перелазовский	8471	93,64	1,37	0,64	3,40	0,14	0,28	0,08
Подтелковский	14086	98,72	0,50	0,11	0,01	0,00	0,02	0,02
Приморский	12584	90,21	0,45	0,15	4,16	0,00	0,12	0,00
Руднянский	19823	74,44	24,25	0,12	0,17	0,00	0,09	0,41
Серафимовический	20288	97,54	1,12	0,21	0,62	0,02	0,10	0,04
Солодчинский	8811	97,38	0,45	0,09	0,32	0,00	0,59	0,03
Старополтавский	18929	37,21	34,41	0,21	17,21	0,00	5,84	3,88
Суровикинский	23173	93,45	1,49	0,29	2,21	0,61	1,40	0,02
Фроловский	39971	96,87	1,18	0,25	0,09	0,00	0,77	0,10
Фрунзенский	12252	99,13	0,52	0,18	0,00	0,00	0,01	0,01
Чернышковский	12562	91,21	2,68	0,45	3,52	0,21	4,00	0,04

Таблица 3. Национальный состав населения Сталинградской области по районам (преобладающие по численности этносы в 1959 г.). Составлено по архивным данным (ГАВО, Оп. 42. Д. 50. Л. 2-341)

Особое положение занимал Сталинград, который аккумулировал на своей территории большинство этносов, проживавших на территории области. Общая численность населения Сталинграда в 1959 г. составляла 1/3 населения всей области. Такое сосредоточение большой массы населения объяснялось пристальным вниманием к городу со стороны руководства страны, т.к. он, обладая огромным промышленным потенциалом, имел важное значение в экономике страны. Ускоренные темпы восстановления и развития промышленного потенциала города, нехватка рабочих рук способствовали организованному потоку трудовой миграции в Сталинград.

Доминирующим этносом являлись русские (553385 чел.); второй по численности народ – украинцы (16887 чел.), далее шли татары и евреи (7568 и 3869 чел. соответственно) (ГАВО, Оп. 42. Д. 50. Л. 2-341). В наименьших количествах представлены казахи, калмыки, немцы, армяне, белорусы и проч.

В соответствии с проживанием в городской и сельской местности наиболее многочисленные народы области можно разделить на группы: с преобладающим городским населением (белорусы – 78 %, армяне – 93 % и другие кавказские народности, евреи – 94 %, молдаване – 78 %); с доминирующим проживанием в городах и рабочих поселках области (русские – 58 %, татары – 62 %); народы, которые равномерно расселены в сельской и городской местности (украинцы – 42% горожан и 58 % сельских жителей, цыгане – 45 % и

55 % соответственно); с преобладающим сельским населением (казахи – 86,9 %, калмыки – 89,7 %, немцы – 73 %) (ГАВО, Оп. 42. Д. 50. Л. 2-341).

Главной особенностью национального состава районов области, как и Сталинграда, являлась полиэтничность с преобладанием русского населения. Доля русского населения была достаточной высока и составляла от 82% до 99%. Исключением являлись несколько районов, где преобладали другие этносы: в Еланском, Жирновском, Лемешкинском, Руднянском, Киквидзенском и Мачешанском районах с высокой долей украинского населения доля русских варьировалась от 51% до 80%. В Палласовском и Старополтавском районе с традиционно высокой долей казахского народа, а также украинцев, доля русских составляла 59% и 37% соответственно.

Второе место по численности занимали украинцы. В сельских районах они были расселены повсеместно. За 1940-е – 1950-е гг. произошли изменения в ареале проживания украинского населения. Если в довоенный период районами с наибольшей долей этого народа в своем составе были Еланский, Лемешкинский, Мачешанский, Руднянский, то концу 1950-х гг. произошел рост численности доли украинцев в Камышинском, Жирновском, Палласовском, Старополтавском районах, что было связано с заселением опустевших территорий после депортации немцев.

Численность белорусов на территории области была незначительной – их доля в целом по области составляла 0,4%, этнос был представлен во всех районах.

Трагедия немецкого населения начала 1940-х гг. привела к тому, что к концу 1950-х гг. наибольшее количество немцев осталось в Сталинграде (535 чел.), Камышинском (2522 чел.), Ждановском (556 чел.), Жирновском (507 чел.), Иловатском (518 чел.), Николаевском (238 чел.), Палласовском (246 чел.) и Старополтавском (734 чел.) районах (ГАВО, Оп. 42. Д. 50. Л. 2-341). Территории их традиционного проживания заняли не по своей воле другие этносы, присланные сюда для поднятия хозяйства районов (преимущественно русские и украинцы).

Калмыки, также пострадавшие от депортаций, остались представленными в Калачевском (463 чел.), Красноармейском (699 чел.), Октябрьском (1110 чел.) районах; в остальных – их численность не превышала 200 чел. (ГАВО, Оп. 42. Д. 50. Л. 2-341).

Традиционными районами проживания татарского населения были Краснослободский (1869 чел.), Ленинский (1635 чел.), Палласовский (670 чел.), Старополтавский районы (1106 чел.) (ГАВО, Оп. 42. Д. 50. Л. 2-341).

В целом территорию Сталинградской области можно разделить на следующие этнокультурные зоны: территория доминирования русского населения – центральные, северные, западные, юго-западные районы (преимущественно правобережье Волги, междуречье Волги и Дона); территория этнического многообразия с относительно невысокой долей русского населения – южные районы и волжское левобережье, с преобладающим украинским, казахским и татарским населением.

Таким образом, в 1940-е – 1950-е гг. происходила трансформация традиционной для Сталинградской области этнической структуры, в которой такие народы, как русские, украинцы, казахи, татары, немцы и калмыки, составляли основу населения региона. Убыль населения, как естественная, так и механическая, явилась главной демографической тенденцией периода, которая затронула все народы. Последствия Великой Отечественной войны, депортаций и административно-территориальных преобразования внешних и внутренних границ области привели не только к сокращению численности этносов, но и к тому, что немецкий и калмыцкий народы утратили свое значение в этнической структуре области. В свою очередь в 1950-е гг. наблюдается, а позже усиливается, другая тенденция – миграция в область корейского и кавказских народов, что станет характерной чертой уже современной этнической структуры населения.

Социально-экономическая и национальная политика, проводимая в регионе, способствовала миксациям в этнической структуре. Границы народов в этот период отличались мобильностью и неустойчивостью. На территории, освобожденные от немецкого и калмыцкого населения, направлялись представители других этносов. Потоки эвакуации и трудовых миграций только усиливали характер региона как зоны пограничья, где складывалось особое культурное пространство, характеризующееся тесными межкультурными контактами и стабильными межэтническими процессами.

Список литературы

- Бугай, Н. Ф. (2004). Депортация народов. В *Война и общество, 1941-1945. Книга вторая* (стр. 306-331). М.: Наука. Retrieved from http://scepsis.ru/library/id_1237.html
- Буянов, Д. В., Жданкина, Т. И., Кадашова, В. М., & Норицына, С. А. (Eds.). (2009). *История административно – территориального деления Волгоградской (Сталинградской) области. 1936 – 2007*

- гг. *Справочник*. Волгоград: Перемена. Retrieved from <http://volga.rusarchives.ru/atd.shtml>
- ГАВО. (Оп. 1. Д. 20). Ф. Р-6088.
- ГАВО. (Оп. 42. Д. 50). Ф. Р-686.
- ГАВО. (Оп. 5. Д. 79. Л). Ф. Р-686.
- Павлова, Т. А. (2005). *Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве*. Волгоград: Перемена.
- Поляков, Ю. А., & Жиромская, В. Б. (Ред.). (2001). *Население России в XX веке: исторические очерки в 3-х томах*. (Т. 2. 1940 – 1959). М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН).
- РГАЭ. (Д. 1566а -1566д). Ф. 1562. Оп. 336. Retrieved from http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=63
- РГАЭ РФ. (Д. 966-1001). Ф. 1562. Оп. 336. Retrieved from http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=54
- Рыблова, М. А. (2004). Об истории, некоторых итогах и перспективах исследования этнокультурных особенностей населения Волгоградской области. *Стрежень: Научный ежегодник*(4), стр. 356-369.
- ЦДНИВО. (Д.186). Ф. 113. Оп. 14.

DEVELOPMENT OF THE ETHNIC STRUCTURE OF THE POPULATION IN THE STALINGRAD REGION IN 1939 – 1959S¹

Taktasheva, F. A.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10002>

Taktasheva Flyura Anvarovna, Volgograd State Socio-Pedagogical University, 400066, Volgograd, Lenin avenue, 27

E-mail: flyura34@mail.ru

Abstract

The article is devoted to one of the most difficult times of the ethnodemographic history of both the USSR and Stalingrad region. This territory used to be a part of the so-called Caspian passage and gave passage to a number of nomads and immigrants for many centuries. By the early 1940's the region had become polyethnic, it was inhabited by Russians, Ukrainians, Germans, Kazakhs, Tatars and Kalmyks who began to settle here since the XIV century.

¹ The reported study was funded by RFBR and Volgograd region according to the research project № № 18-49-343006 p_мол_a

With the statistics data presented in the text in a table, the author shows in what way such factors as the Great Patriotic War, the deportation of peoples, changes in internal and external borders, evacuation flows and labor migration had influenced the ethnic structure of Stalingrad region in the intercensal period (1939-1959).

The article reveals the main trends in the ethnodemographic history of the region in this period.

These trends include a significant reduction of number of the ethnic groups that formed permanent population of the region (Russians, Ukrainians, Tatars, Kazakhs).

As a result of the deportation policy, the number of Kalmyks and Germans decreased respectively by 5 and 3 times, which led to the levelling of their significance in the ethnic structure of the region.

At the same time, there was an influx of Belarusians, Moldovans, Chuvash, Koreans, and Caucasians, which was associated with the development of once deserted territories after the war, as well as deportations and the intensive economic development of the region.

Keywords

Ethnic structure, Stalingrad region, deportation, evacuation, ethnodemography, administrative border, the Great Patriotic War, migration

References

- Bugay, N.F. (2004). Deportation of peoples. In *War and Society, 1941-1945. Book Two* (pp. 306-331). M.: Science. Retrieved from http://scepis.ru/library/id_1237.html
- Buyanov, D. V., Zhdankina, T. I., Kadashova, V. M., & Noritsyna, S. A. (Eds.). (2009). *The history of the administrative - territorial division of the Volgograd (Stalingrad) region. 1936 - 2007 Directory*. Volgograd: Change.
- State archive of Volgograd region (Op. 1.D. 20). *F. P-6088*.
- State archive of Volgograd region (Op. 42. D. 50). *F. P-686*.
- State archive of Volgograd region (Op. 5. D. 79). *F. P-686*.
- Pavlova, T. A. (2005). *Secret tragedy: the civilian population in the Battle of Stalingrad*. Volgograd: Change.
- Polyakov, Yu. A., & Zhiromskaya, V. B. (Ed.). (2001). *The population of Russia in the twentieth century: historical essays in 3 volumes. (V. 2. 1940 - 1959)*. M.: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN).
- Russian state archive of the economy (Op. 336. D. 966-1001). *F. 1562*. Retrieved from http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=54
- Russian state archive of the economy (Op. 336. D. 1566a -1566d). *F. 1562*. Retrieved from http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=63

Ryblova, MA (2004). On the history, some of the results and prospects for the study of the ethnocultural characteristics of the population of the Volgograd region. *Rod: Scientific Yearbook* (4), pp. 356-369.
Center of documentation of the newest history of Volgograd region (Op. 14. D.186). *F. 113*.

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ РУССКОЙ АГРАРНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ XVII В.

Соколовский, И. Р.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10003>

Соколовский Иван Ростиславович, Институт истории СО РАН,
630090, Новосибирск, Россия, ул. Николаева, 8.

E-mail: sokolowski@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме картографирования русской аграрной колонизации Сибири XVII в. Для этого проведен обзор картографирования сельских населенных пунктов XVII в. в период 1947 -2010 гг.

На конец XVIII в. в Сибири сформировалось русское население, которое было распределено крайне неравномерно, сосредотачиваясь преимущественно в нескольких уездах Западной Сибири. Такая ситуация была напрямую связана с аграрной колонизацией.

Когда началось изучение этого процесса, ученые стали составлять карты русской аграрной колонизации Сибири XVII в. Самая подробная карта с более чем 200 населенными пунктами была составлена В.Н. Шерстобоевым для Илимского уезда. В.Н. Шунков составил карты для всех пяти аграрных регионов Сибири. Лучше всего им был картографирован самый густонаселенный в XVII в. регион – Тобольско-Верхотурский. Этот район оставался «самым важным по своему значению» на всём протяжении XVII в. В работе В.А. Александрова дана очень подробная карта населенных пунктов Енисейского земледельческого района, которая не совпадает с данными В.Н. Шункова.

В 1999 г. была опубликована карта населенных пунктов вокруг г. Кузнецка по двум источникам начала XVIII в., составленная в первой половине XX в.

Все остальные районы картографированы неудовлетворительно, поэтому наша попытка носит предварительный характер и скорее является вопросом, чем ответом.

Ключевые слова

Inkscape, Сибирь, XVII в., картография, колонизация, аграрная, деревни, села, монастыри, слободы

Русская колонизация Сибири носила комплексный характер и имела несколько интересных особенностей. Прежде всего, её важной особенностью было формирование сети городских и сельских населённых пунктов, которые, наряду с зимовьями, создавали опорный каркас русского присутствия за Уральским хребтом. Этим русская модель отличалась, скажем, от колониционных усилий Компании Гудзонова залива.

Граница между городским либо сельским поселением была довольно зыбкой, но даже если считать «городами» не только 19 уездных центров, но и крупные остроги, всё равно они тонут в море русских однодворных деревень и многодворных «слобод».

Аграрная колонизация преобладала количественно и во многом качественно, не только обеспечивая пропитание представителям вооруженных сил, но и «закрепляя» русское присутствие через владение землей и через её обработку, через преобразования ландшафта, через включение его в новые, фактически не существовавшие до этого связи. Насущной задачей современной историографии является картографическое отражение этого процесса, однако перед тем как говорить о решении этой проблемы, надо обсудить два взаимосвязанных аспекта: успехи русской аграрной колонизации и историю её научного картографирования.

Русская аграрная колонизация края началась в 80-90-е гг. XVI в. К началу XVIII в. можно было подводить уже кое-какие, хотя и промежуточные, итоги. В 1710 г. была проведена перепись населения, которая принесла результаты, возможно, и не идеальные, но вряд ли больше чем на 10-12 % отклоняющиеся от реальности, причем скорее в сторону «недоучёта», чем «переучёта».

Эта перепись охватила все 19 сибирских уездов. По ее результатам восемь уездов имели больше 10 тыс. человек русского населения каждый. Это Тобольский, Верхотурский, Тарский, Тюменский, Томский, Енисейский, Иркутский и Илимский. Данные уезды сосредоточили 86,62% всего русского населения Сибири. С менее крупными Красноярским, Туринским, Нерчинским и Кузнецким уездами они давали даже 95,93% всего русского населения Сибири. Они и были основным районом земледелия, ибо оставшиеся 4 % населения приходились на обширные, но не имевшие серьезного земледельческого потенциала территории: Якутский, Пелымский, Березовский, Нарымский, Мангазейский (Туруханский), Сургутский и Кетский уезды. В самых крупных уездах проживало следующее количество русских сибиряков.

Уезд	Всего
Тобольск	141374 чел.
Верхотурье	33200 чел.
Томск	22307 чел.
Тюмень	18971 чел.
Енисейск	16878 чел.
Иркутск	15740 чел.
Илимск	12092 чел.
Тара	10459 чел.

Таблица №1. Данные взяты из работы Клочкова (1911, стр. 62-69)

Как видим, население этих уездов сильно отличалось по численности. В Тобольском, например, уезде проживала почти половина из тогдашнего русского населения Сибири (141374 из 312872 чел.).

Еще более выпуклой картина будет, если мы обратимся к данным относительно численности населения, занятого непосредственно земледельческим трудом в качестве основного занятия. Конечно, в этом будет некоторая дань представлениям о профессионализации, свойственным XIX и XX векам, ибо в XVII в. земледелием так или иначе, прямо или через наемных (или подневольных) работников, занимались почти все, ибо наличие собственного огорода (пашни) являлось таким уже условием физического выживания, как это было, например, в СССР.

Феодальное сознание, между прочим, не знало «крестьян» вообще. Крестьяне классифицировались по своему экономическому потенциалу и по тем сословным группам, от которых они зависели. Перепись 1710 года знает «государевых пашенных и оброчных крестьян» «государевых бобылей и захребтников», «архиерейских и монастырских крестьян» «архиерейских и монастырских бобылей и захребтников» еще выделялись «нищенские дворы» и «вдовьи дворы». Мы обобщим эти категории в одну, без относительно их экономического потенциала, что, конечно, будет несколько идеализировать общую картину, но создаст обобщенное представление о том, как выглядели основные центры сельскохозяйственной колонизации, которые много позднее, уже в пятидесятые годы XX в. выделили и охарактеризовал в своих работах В.И.Шунков.

Перепись насчитывала 312872 русских жителей Сибири, из которых 157040 были мужчинами, а 155832 - женщинами. Крестьян было учтено 83420 чел., т.е. около четверти всего населения, и, по-

видимому, это были преимущественно мужчины, кроме разве что 512 «вдовьих» дворов с 1407 «людьми». Поэтому получается, что крестьяне, по данным этой переписи, составляли чуть больше половины русского населения Сибири.

По уездам крестьяне распределялись следующим образом:

Тобольск	47471
Верхотурье	12165
Туринск	2147
Тюмень	2951
Пелым	380
Березов	14
Тара	546
Сургут	41
Томск	2261
Нарым	60
Кетск	130
Иркутск	2873
Нерчинск	1164
Илимск	5453
Якутск	263
Енисейск	4333
Кузнецк	284
Красноярск	849
Мангазея	35

Таблица №2. Данные взяты из работы Клочкова (1911, стр. 62-69)

По численности крестьянства лидируют почти те же самые уезды, в которых проживало большинство населения: Тобольск, Верхотурье, Илимск, Енисейск, Тюмень, Иркутск, Томск. В Тарском уезде крестьянское население было невелико, но оно было довольно значительным в Туринском, Нерчинском и Красноярском уездах. В этих 10 уездах проживало 97,90% крестьянского населения.

Результаты этой переписи показали не только эффективность русской аграрной колонизации, но и её неравномерность, обусловленную прежде всего собственно аграрно-климатическими, и, во вторую очередь, социально-политическими и внешнеполитическими обстоятельствами.

С момента формирования полноценной научной историографии истории Сибири, историкам не оставалась ничего иного, как рационально зафиксировать результаты этой колонизации.

Определить численность аграрного населения, площадь пахотных земель, объемы валового сбора зерна, урожайность и проч. Одним из важных компонентов этой исследовательской программы должна была стать картографическая фиксация русских населенных пунктов в Сибири, прежде всего тех, которые имеют преимущественно аграрный характер.

Начало процессу картографирования русских сельских поселений в Сибири было положено в 1949 году, когда вышла работа В.Н. Шерстобоева про Илимск, которая так и называлась: «Илимская пашня».

К работе была приложена карта, на которой было тщательно зафиксировано местоположение целого ряда сельских населенных пунктов.

Автором были отмечены деревни Ковинская, Кежемская слабода, Верхней Кежмы, Пановская, Привалихина, Кацка, Едорма, Черных, Кеульская, Ушамская, Невонская, Карапчанская, Бадарминская, Банщикова, Воробьева, Шаманское, Усть-Вихорева, Ильиных, Антонова Острова, Московский Остров, Бурнина, Падунская, Пьяновская, Брацкой острог. Долоновска, Большой погост, Малая Када, Большая Када, погост Шаманский, Ербинская, Кабинска, Тангуевска, Теминска, Бурлуцкая. Спасская пустынь, Романова, на Красном Яру, Филипова Острова, Распутина, Кежемская, Наратаева, Малая Мамырь, Мамырская Большая, Мокинская, Громовская, Баяновская, Суворова, Подволошна, Горячкина, Аталанская, Бутакова, Оносова, Шишмарова, Яндинский острог, Ключи, Милославска, Удинска (Усть-Удинска), Щербакова, Светлолобова, Костянтинова, Менеева, Михайлова, Бардушная, Шиверская, Балаганский острог, «Иркуцкой» острог, Муйская, Шипицина, Ново-Удинская слобода, Канбаканская, Тимофеева, Евдокимова, Балыкта, деревня Спасского монастыря, Черных, Захорская Дальняя, Захорская Ближняя, Илгинский острог, Кузнецова, Каменна, Каченска, Пономарева, Чичек, Бутыринская, Фоминых, Маркова, Ореховская, Ильдинская, Новопашенная. Верховенский острог. Шелковникова, Балаханская, Жегалова, Головиных, Рудых, Рудакова, Воробьева, Петровска, Коркина. Подпорожная, Затяйская, Банщикова, Бубнова, Байкалова, Тубинская, Воробьева, Сотниковская, Кагина, Балаганова, Коробейникова, Ступино, Поедаевская, Нижне-Илимская слобода, Большая, Черных та же Игнатьева, Черемных, Макарова, Прокопьевская, Романовская, Белобородова, Вологженина, Подволошная, Игирминская, Уфимцева, Литвинцева, Илимский острог. Оглоблина. Каямовская, На Шипичном Лугу, Максимова, Михеева, Карповская, Разбойникова, Усольская, Усть-Кутский острог,

Балаханская, Якуримская, Подымахинская, Казарская, Борисова, Кокуйская, Таюрская, Казаровская, Марковская, Тирская, Ульканская, Курвинская, Казимерово, Потаповская, Любавская, Леоновская, Балашевская, Олонская (Оконишникова), Заборская, Криволицкая слобода, Кудрина, Чертовская, Киренский острог, Змеинская, Микулинская, Алексеевская, Салтыковская, Гарбовская, Чугуева, Чечуйский острог, Вешняковская, Берендиловская, Сухневская, Кондрашенская, Гребенская, Кобелевская, Сполшенский погост, Пушкинская, Ильиных, Дарьинская, Ичерская, Мудинская, Коршуновская, Иганушка. Шестакова, Селезнева, Борисова. Коченва, Солодкова, Костянновщина, Обакшина, Тунская, Кочергина, Чеканская, Ефимовская, Наумовская, Балаханская, Жигалово, Усть-Илгинская, Грузновка, Ботовская, Канашановская, Шамановская, Голых, Шерстениковская, Старцева, Сурова, Дядина, Закобенинская, Басова, Дуткина, Потехинская, Орленская слобода, Высокова, Пуляевская, Тарасова, Седуновская, Скокина, Боярская, Тюменская, Омолоевская, Синюшкина, Турукинская, Балаханская, Усольская (Шерстобоев, 1949).

Всего на карту им было нанесено больше 200 населенных пунктов, что на сегодняшний день составило пока абсолютный «картографический рекорд» в сибиреведении. И что является косвенным свидетельством в пользу добросовестности его исследований.

Параллельно работе В. Н. Шерстобоева в Иркутске, в Москве, на материалах центральных архивов работал В. И. Шунков, которым было создано понятие «сибирский земледельческий район». Он не определил его теоретически, и оно осталось лишь работающим эмпирическим обобщением. Лучше всего им был картографирован самый густонаселенный в XVII в. Верхотурско-Тобольский земледельческий район. Он отмечал, что «самый западный, Верхотурско-Тобольский, район русского земледелия был самым ранним по времени возникновения из всех сибирских районов русского земледелия». И, одновременно, «самым важным по своему значению» на всём протяжении XVII в. (Шунков, 1956, стр. 36).

В «Истории Сибири» (1967) это описывалось весьма поэтическим языком: «За одно столетие русская соха пропахала борозду от Урала до Камчатки. Естественно, что эта борозда шла вдоль основного пути продвижения русских с запада на восток по знаменитой водной дороге, связавшей великие сибирские реки: Обь, Енисей, Лена, Амур (по Туре, Тоболу, Оби, Кети, Енисею с ответвлениями по Илимю на Лену и на юг к Амуру). Именно на этом пути сложились основные земледельческие очаги Сибири XVII в.» (Окладников, стр. 72).

Поскольку В.Н.Шунков предпочитал подворный подсчет подушевому, то он пришел к выводу, что «в пределах в основном четырех уездов Тобольского разряда (Верхотурского, Тюменского, Туринского и Тобольского) был создан в течение века земледельческий район, сосредоточивавший в себе на грани XVII и XVIII вв. 75% всех сибирских крестьян-дворохозяев и ставший для этого времени основной житницей Сибири». (Шунков, 1956, стр. 36)

Если же говорить о подушевом учете населения, то в этих уездах проживало примерно 64,54% населения Сибири на 1710 год. Пелымский и Тарский уезды имели в XVII в. незначительную запашку.

Он отмечает, что гидрографические условия Западной Сибири удерживали русских в северных районах, ибо «наиболее удобный речной путь — от Урала на Восток, от мест сближения печорской и камской речных систем с обской, по западным притокам Оби, по Оби и ее восточным притокам на Енисей — пролегал» в довольно северной полосе. И даже «сдвиг самого западного участка этого пути с севера на юг, закончившийся для XVII в., после открытия Бабиновской дороги, движением по Туре на Тобол и Иртыш, не вывел эту дорогу в наиболее удобные для земледелия места». Однако, «необходимость в собственном хлебе вызывала постоянное стремление завести пашню под стенами городов и острогов как можно быстрее, если даже природные условия для этого были недостаточно благоприятны» (Шунков, 1956, стр. 37).

Однако, «в этом районе, быть может ранее, чем где-либо, мы наблюдаем отход крестьянского населения от основной транспортной линии в стремлении обосноваться в «угожих пашенных местах»» (Окладников, стр. 72). Там же отмечается, что «К началу XVIII в. земледельческие поселения, тянувшиеся ранее по р. Туре (водной магистрали, связывавшей Верхотурье через Тобол с Тобольском), уходят к югу. Уже в первые десятилетия XVII в. начинают пахать по р. Нице, затем по рекам Пышме, Исети, Миасу. Деревни распространяются к югу по Тоболу, Вагаю, Ишиму. Это движение идет, несмотря на неустойчивое положение на южных границах» (Окладников, стр. 72).

В.И.Шунков составил карту-схему для каждого земледельческого района. В первом районе он картографировал слободы: Гагаринскую, Табаринскую, Тавдинскую, Суклемский погост, Бронниковский погост, село Абалацкое, Бегишев погост, Куларовскую слободу, Ашлыцкую, Адбашский острог, Усть-Ламенскую, Абацкую, Коркину, Орлово городище, Тагильскую, Благовещенскую, Туринскую, Усть-Ницынскую, Нижне-Ницынскую, Покровскую, Верхне-Ницынскую,

Чубаровскую, Киргинскую, Ирбитскую, Ощепковскую, Рудную, Невьянскую, Невьяно-Богоявленский монастырь, Алапаевскую, Мурзинскую, Краснопольскую, Аятскую, Арамашевскую, Белослуцкую, Беляковскую, Угетскую, Куяровскую, Пышминскую, Красноярскую, Калиновскую, Новопышминскую, Белоярскую, Будкинскую, Ольховскую, Тамакульскую, Ялуторовскую, Ингалинскую, Бешкильскую, Архангельскую, Исецкий острог, Красногорскую, Рафаилову пустынь, Коцкий монастырь, Терсяцкую, Мехонскую, Маслянскую, Усть-Миасскую, Шадринскую, Красномысскую, Крутихинскую, Долматов монастырь, Катайский острог, Колчеданский острог, Багарацкую, Теченскую, Арамилскую, Пещанскую, Окуневскую, Воскресенское село, Чумляцкую, Емуртлинскую, Суерскую, Тебеньцкую, Верхне-Суерскую, Белозерскую, Иковскую, Салтысарайскую, Царево городище, Утятскую и Тебендинскую. Всего на карту им было нанесено 80 «слобод» в нескольких уездах.

Вторым и географически, и по времени образования, В.И.Шунков называет Томско-Кузнецкий земледельческий район. В.И.Шунков пишет, что «район был расположен к югу от водной магистрали, шедшей по Оби и Кети на Енисей, поэтому основной поток населения шел мимо. Этим, очевидно, объясняется довольно скромный рост здесь земледельческого населения и запашки. Немногочисленные земледельческие поселения расположились вдоль р. Томи и отчасти Оби, не отступая далеко от г. Томска. Лишь небольшая группа селений образовалась в верхнем течении Томи, в районе г. Кузнецка. (...) Томский уезд к концу XVII в. обходился уже своим хлебом; потребляющим уездом оставался Кузнецкий. Сдвиг земледелия к югу, к Кузнецку, здесь не означал стремления обработать плодородные земли, а лишь сопутствовал продвижению военно-служилого населения, не обеспечивая его хлебные запросы».

Данный район был картографирован В.И. Шунковым очень приблизительно. Он выделил деревни околородного стана, деревни Ямского стана, деревни Запоросского стана (р.Пороса), Имревинскую слободу, деревни Обского стана, село Спасское, деревни Сосновского острога, село Паченское Томского Алексеевского монастыря и Верхотомские деревни. (Шунков, 1956)

В тот же период, когда работал В.Н. Шерстобоев (до 1947 г.), В.И. Пановым были собраны сведения по Новокузнецкому району. Текст его работы сохранился в рукописи, которая находится в Архиве НКМ (Оп. 1. Р. 1. Д. 33.), (включая 11 карт). Рукопись и карты В.И. Панова ограничены Кузнецким районом Кемеровской области (на 1947 г.) и были опубликованы в извлечениях только в 1999 г. (карты

опубликованы полностью). При картографировании населенных пунктов автор исследования опирался на карту С.У.Ремезова (1701 г.) и список населенных пунктов 1734 г.

В первом списке «Деревни и улусы на территории Кузнецкого района в 1701 г. (по Ремезову)» 28 населенных пунктов: д. Красулина, д. Ускат, ю. Етиберцев, д. Сидорова, д. Мокроусова, д. Шорохова, д. Тиханова, д. Антонова, с. Ильинское, д. Герасимова, д. Шабалино, д. Сметанникова, д. Бедарева, д. Петлина, д. Меньшикова, д. Грощевских, д. Грошевских, д. Бунгур, монастырь, г. Кузнецк, д. Атаманова, ю. Абинские, д. Попова, д. Гускина, д. Догавых, д. Куртукова, д. Ефремова, д. Кондратьева.

Во втором списке, «деревни и улусы на территории Кузнецкого района в 1734 г.» всего 25 населенных пунктов: ю, Мамышевы, д. Першутина, д. Красулина, д. Терехина, ю. Кашканаковы, д. Сидорова, ш. Поросенковы, д. Мокроусова, д. Шорохова, д. Тиханова, д. Антонова, с. Ильинское, д. Бедарева, д. Севергина, д. Митина, ю. Тытыновы, д. Бунгур, ю. Керецкие, Монастырь, г. Кузнецк, ю Абинские, д. Атаманова, д. Пучеглазова (Муратова), д. Куртукова, д. Ашмарина.

В обоих списках есть следующие населенные пункты (13): Антонова, Атаманова, Бедарева, Бунгур, Ильинское, Красулина, Кузнецк, Куртукова, Мокроусова, Монастырь, Сидорова, Тиханова, Шорохова

Только в списке 1701 г. 15 населенных пунктов: Абинское, Герасимова, Грошевских, Грощевских, Гускина, Догавых, Етиберцев, Ефремова, Кондратьева, Меньшикова, Петлина, Попова, Сметанникова, Ускат, Шабалино.

Только в списке 1734 г. зафиксировано 11 населенных пунктов: Ашмарина, Кашканаковы, Керецкие, Мамышевы, Митина, Першутина, Поросенковы, Пучеглазова (Муратова), Севергина, Терехина, Тытыновы. (Панов, 1999, стр. 46)

Попытка картографирования северной части этого земледельческого района была предпринята в XXI в. (Хромых, 2010). Однако В. Волоков считает эту попытку далёкой от идеальной.

Енисейский земледельческий район получил следующую характеристику в «Истории Сибири». «Расположенный на основной сибирской магистрали, он быстро превратился во второй по значению район хлебопашества. Основная масса поселений возникла по Енисею от Енисейска до Красноярска и по Верхней Тунгуске, Ангаре и Илимю. (...) Это давало возможность прокормить население и выделить часть хлеба для отправки за пределы района. В бесхлебные или малохлебные уезды — Мангазейский, Якутский, Нерчинский —

наряду с хлебом «верховых» сибирских городов (Верхотурье, Туринск, Тюмень, Тобольск) пошел и енисейский хлеб» (Окладников, стр. 73).

В.А. Александров картографировал Енисейский земледельческий район и нанес на карту следующие населенные пункты. Перечислим их с севера на юг. По Енисею: Колмогорова, Остяцкая, Савига, Гурина (Нижне-Усть-Питская), Дубинина (Усть-Питская), Усть-Питская (Пятницкая), Михалева, Анциферово, Баженова, Погадаева, Паршина, Чермянина, Подтесова, Шадрина, Усть-Кемская, Ожегова, Ерыкалова. Нифантьево, Епишино, Заледеево, Потапова, Енисейск, Кочнева, Горская, Кузьмина, Малышева, Южакова, Каменское, Городище, Маклакова, Родюкова, Костыльникова, Галкина, Попова Усть-Тунгусская, Абалакова, Сотникова, Конновская, Савина, Каргино, Новосельцы, Падерино, Клопова, Ледашево (Пинег), Борчанская, Курбатова, Сполошная Зырянская, Казачинское Заледеева, Рождественское, Березенская, Головская, Мокрушинское, Вилямовская, Порожинская Малая Елань, Большая Елань, Пятково, Заливская.

Деревня Стрелка на Ангаре.

На реке Кемь: Жаркова, Плотбищенская, Борчанская, Яланская, Мордовская, Подъяланская, Мариловская, Черкасская, Масленникова, Подгорная, Посадное, Челбышевское, Лукьяново, Шадрина, Тиханово, Филипповская, Взоровская, Каменская (Кедровка), Вагина, Вараковская, Томиловская.

На реке Белая: Бельское, Троицкая, Пировское.

Всего В.А.Александров нанес на карту 76 населенных пунктов, отмечая, что «названия даются в транскрипции XX века». (Александров 1964, стр. 301)

В.И.Шунков отметил в этом районе следующие населенные пункты: Заварухинская, Дубчская, Усть-Питские, Анциферово, Погадаевские деревни, Подгородние нижние деревни, Подтесово, Енисейск, Большая-Елань, Маковский, Подгородние верхние деревни, Марково городище, Новомангазейская деревня, Усть-Тукгусские, Тасеевский, Казачий луг, Подпорожные, Кемский, Бельские, Нахвальские деревни, Подъемное село, Бузимское, Частоостровское, Базайская деревня, Красноярск Рыбенский, По Каменки, Кежемские деревни.

Кроме того, на этой же карте отмечены населённые пункты Илимского сельскохозяйственного района, который административно тяготел к Енисейску, но был включен В.И.Шунковым в Ленский земледельческий район.

Как видим, списки населенных мест у В.И. Шункова и в более поздней работе В. А. Александра совпадают довольно слабо, фактически совпадают названия уездных центров, деревни Анциферово и Большая Елань. Мы склонны скорее доверять данным В.А.Александра.

Работа В. А. Александров по своему подходу ближе стоит к работам В.Н.Шерстобоева, чем В.И.Шункова. Поскольку он отмечал не только слободы, как В.И.Шунков, но и отдельные деревни. Правда, в силу меньшей развитости земледельческого района им в абсолютных числах зафиксировано меньше населенных пунктов, чем В.Н.Шерстобоевым.

Западнее лежал Ленский земледельческий район. В многотомной «Истории Сибири» было написано: «Если в конце XVI в. русский крестьянин начал пахать на самом западе Сибири (западные притоки р. Оби), то в середине XVII в. и второй его половине русские пашни были на Лене и Амуре, а в начале XVIII в. — на Камчатке». (Окладников, стр. 72). «Земледельческие селения расположились по Лене от верховьев (Бирюльская и Банзюрская слободы) и до Якутска; большая часть их находилась к югу от Киренского острога. Именно этот район стал хлебной базой огромного Якутского воеводства (...) были заложены основы земледелия, севернее 60° северной широты (Окладников, стр. 74)».

В этом районе В.И.Шунков нанес на карту только Якутск, деревни Кангаласская, Амгинская, Олекминский острог, Пеледуйская, Усть-Витимская, Чичнойский острог, Криволуцкая, Киренский острог, Усть-Кутский, Орлеанская, Верхнеилимская, Братский острог, Илимск, Нижне-Илимская, Тутурская, Илгинская Бирюльская; Верхоленинский острог, Бирюльская, Банзюрская, Балаганский острог Иркутский острог.

Как видимо, этот список по полноте далеко уступает работе В.Н.Шерстобоева, которая, разумеется, была известна Виктору Ивановичу.

В Забайкальско-Амурском земледельческом районе, В.И. Шунков нанес на карту остроги Иркутский, Кабанский, Удинский, Итанцинский, Ильинский, Селенгинский, Баргузинский, Еравинский, Читинская слобода, Нерчинский, Иргенский, Теленбинский, Баунтовский, Аргунский, Албазинский, Селембинский. «Переселенческая волна докатывалась до этого удаленного района уже значительно ослабев, поэтому количественные результаты земледелия по сравнению с Верхотурско-Тобольским и Енисейским районами были невелики (Окладников, стр. 74)».

Многотомная «История Сибири», ее первое издание, определяла результаты колонизации следующим образом: «Возделанные пашни появились почти на всем протяжении Сибири с запада на восток» (Окладников, стр. 72). «...русское земледелие в XVII в. захватило огромную территорию. И хотя в этих пределах сложилось лишь пять довольно разрозненных земледельческих очагов, внутри которых малодворные или однодверные деревни находились друг от друга на значительных расстояниях, основная задача хлебоснабжения была разрешена. Сибирь начала обходиться своим хлебом, отказавшись от завоза его из Европейской России (Окладников, стр. 72)». Картина получается не столь оптимистическая, как у Николая Спафария: «Енисейская страна вельми хороша... И дал Бог изобилие всякое, хлеба много и дешев и иное всякое ж многолюдство» (Окладников, стр. 73). Однако надо отметить, что в XVII в. аграрная колонизация всё же состоялась. Степень её картографирования оставляет желать лучшего. Проблемой занималось всего несколько человек: В.Н.Шерстобоев, В.И.Шунков, В.А.Александров, В.И.Панов. Фактически нормально картографированы только Илимский и Енисейский уезды, чуть хуже картографированы населенные пункты Тобольского земледельческого района. Все остальные районы картографированы неудовлетворительно, поэтому наша попытка (Карта №1) носит предварительный характер и скорее является вопросом, чем ответом.

Карта 1. Русская аграрная колонизация Сибири XVII в.

Список литературы

Александров, В. А. (1964). Русское население Сибири XVII - начала XVIII в. (Енисейский край). В *Труды Института этнографии*

- им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / Акад. наук СССР; Т. 87. Москва: Наука.
- Клочков, М. (1911). *Население России при Петре Великом по переписям того времени* (Т. 1). Спб.
- Окладников, А. П. (1968). *История Сибири с древнейших времен до наших дней: Сибирь в составе феодальной России* (Т. 2). (А. П. Окладников, & В. И. Шунков, Ред.) Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние.
- Панов, В. И. (1999). История заселения Кузнецкого района (XVII – начало XX в.): областной и этнический состав переселенцев. В Н. А. Кузнецов (Ред.), *Кузнецкая старина. Вып. 3.* (стр. 36-52). Новокузнецк: Кузн. крепость.
- Хромых, В. В., & Хромых, О. В. (2011). *Ландшафтный анализ Нижнего Притомья на основе ГИС: естественная динамика долинных геосистем и их изменения в результате антропогенного воздействия.* Томск: Изд-во НТЛ.
- Шерстобоев, В. Н. (1949). *Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века.* Иркутск: Иркутское областное издательство.
- Шунков, В. И. (1956). *Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век).* (М. Н. Тихомиров, Ред.) М.: Издательство Академии наук СССР.

THE MAPPING OF THE RUSSIAN AGRARIAN COLONIZATION OF SIBERIA XVII

Sokolovskii, I. R.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10003>

Sokolovsky Ivan Rostislavovich, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,

630090, Novosibirsk, Russia, ul. Nikolaeva, 8.

E-mail: sokolowski@yandex.ru

Abstract

The article discusses the problem of mapping Russian agrarian colonization of Siberia in the XVII century. For this purpose, the article reviews the attempts of mapping of rural settlements of the XVII century, which were made in the period 1947 -2010. By the end of the XVIII century the Russian population in Siberia was formed. This population was distributed extremely unevenly, concentrating mainly in several districts (uezds) of Western Siberia. This situation was directly related to agrarian colonization.

When the study of this process began, scholars drew several maps of the XVII century Russian agrarian colonization of Siberia. The most detailed map, with more than 200 settlements, was compiled by V.N. Sherstoboev for Ilimsk district (*uezd*).

V. N. Shunkov made maps for all five agrarian regions of Siberia. Best of all, he mapped the most populous in the XVII century region: Tobolsk and Verkhotur'e. This area remained the most important throughout the XVII century.

In the book written by V.A. Aleksandrov, a very detailed map of populated areas of the Yenisei agricultural region was given, which does not coincide with the data of V.N. Shunkov.

In 1999, a map compiled in the first half of the XX century using two sources from the beginning of the XVIII century of settlements around the city of Kuznetsk was published.

All areas except Ilimsk are mapped poorly, so our attempt to draw a map of agrarian colonization is only preliminary and is more a question than an answer.

Keywords

Inkscape, Siberia, 17th century, cartography, colonization, agrarian, villages, monasteries, settlements

References

- Aleksandrov, V. A. (1964). Russian population of Siberia XVII - the beginning of the XVIII century. (Yenisei Territory). In *Proceedings of the Institute of Ethnography. N.N. Miklouho-Maclay. New series / Acad. sciences of the USSR; T. 87*. Moscow: Science.
- Klochkov, M. (1911). *The population of Russia under Peter the Great according to the census of that time* (Vol. 1). SPb.
- Okladnikov, A. P. (1968). *The history of Siberia from ancient times to the present day: Siberia as part of feudal Russia* (T. 2). (A. P. Okladnikov, & V. I. Shunkov, Ed.) Leningrad: Science. Leningrad detachment
- Panov, V. I. (1999). The history of the settlement of the Kuznetsk region (XVII - early XX century.): Regional and ethnic composition of immigrants. In N. A. Kuznetsov (Ed.), *Kuznetsk old*. Issue 3. (pp. 36-52). Novokuznetsk: Kuzn. fortress.
- Khromykh, V. V., & Khromykh, O. V. (2011). *Landscape analysis of the Lower Pritomye based on GIS: natural dynamics of valley geosystems and their changes as a result of human impact*. Tomsk: Publishing house NTL.
- Sherstoboev, V. N. (1949). *Ilim arable land. T. 1. Arable land of the Ilim province of XVII and the beginning of the XVIII century*. Irkutsk: Irkutsk Regional Publishing House.
- Shunkov, V. I. (1956). *Essays on the history of agriculture in Siberia (XVII century)*. (M. N. Tikhomirov, Ed.) M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.

РАВНОПЛЕЧНЫЕ ФИБУЛЫ ПРУССОВ НА БАЛТСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Кулаков, В. И.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10004>

Кулаков Владимир Иванович, Институт археологии РАН, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

E-mail: drkulakov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме изучения равноплечных фибул западных балтов, ранее внимания исследователей не привлекавшей. Выводы, полученные в процессе этого изучения, таковы:

1. Равноплечные фибулы пруссов имеют преимущественно местное происхождение и появляются в западной Самбии в нач. VI в.
2. Указанные фибулы первоначально являются деталями убора мужчин, захороненных на прусских могильниках вне рамок традиционной обрядности, позднее они появляются в парных захоронениях.
3. В VI-VII в. равноплечные фибулы представлены в прусских и мазурских погребениях попарно (деталь женского убора) или одиночно (застёжка мужского плаща или женской накидки).
4. На всём протяжении периода изготовления прусскими мастерами равноплечных фибул, предназначенных, судя по их незначительным параметрам, в массе своей для погребальных комплексов, в юго-восточной Балтии известны и дериваты миниатюрных (для женских погребальных комплексов) и массивных (для мужского убора) двупластинчатых фибул, по своим формам близких равноплечным. В отличие от РФ, дериваты пластинчатых фибул появились, очевидно, первоначально на Мазурах. Интерес местных мастеров к формам германских фибул как прототипов для их дериватов связан не с территориальной близостью германского племенного союза, а с плотными матримониальными и торговыми связями, установившимися между западными и северными германцами и западными балтами.
5. Изготовление и распространение в эпоху Меровингов на Самбии и в Мазурском Поозерье равноплечных фибул и дериватов пластинчатых застёжек свидетельствует не только (точнее - не сколько) о копировании западноевропейских образцов, как считал Х. Ноймайер, а о формировании в западнобалтской этнокультурной среде специфических, предназначенных, прежде всего, для культовых нужд артефактов.

Ключевые слова

Равноплечные фибулы, дериваты, западные балты, германцы, эпоха Меровингов, торговля, матримониальные связи

В европейской археологической науке принято считать фибулами, относящимися к отделу «равноплечные» (нем. gleicharmige Fibeln) те застёжки одежды, корпус которых состоит из двух симметрично расположенных одинаковых пластин (Wamers, 1994, p. 588), по длинной оси фибулы соединённых литой дужкой (нем. Bügel). Равноплечные фибулы типологически являются финальным этапом развития пальчатых фибул (нем. die Bügelfibeln), которые первоначально, в нач. VI в., служили литыми моделями фибул отдела Monströse и за полтора века деградировали до конструкции равноплечных фибул, не имеющей практически ничего общего со своим прототипом.

Относительно происхождения таких застёжек единого мнения пока не сложилось. Известный немецкий археолог Макс Мартин (1994) считал, что равноплечные фибулы (далее – РФ) появляются «самое позднее с середины 6 в. н.э. в Италии и в Далмации (после 568 г. также захваченной лангобардами ...) ... как одиночные застёжки мужских плащей, которые распространяются сначала к северу от Альп, а к концу эпохи Меровингов, а ... формы фибул, отличающиеся от южных, в конце эпохи Меровингов носят женщины (pp. 578-579). Напротив, по мнению Эгона Вамерса, на запад Европы РФ проникают из заселённой романизированным населением Южной Европы ок. сер. VII в. Считается, что одиночные РФ скрепляли по центру туловища края одежды (Wamers, 1994, p. 588). Согласно хронологической таблице западноевропейских равноплечных фибул, составленной Э. Вамерсом (Рисунок №1), самыми ранними РФ в Европе появляются во второй пол. VII в. фибулы с круглыми, прямоугольными и крестообразными пластинами, изредка орнаментированными прорезным или циркульным декором. В 2001 г. в своей диссертационной работе Ст. Тёрле представил типологию западноевропейских РФ эпохи раннего средневековья, разделив их на девять групп (Thörle, 2001, p. 261).

В прусской археологии проблему равноплечных фибул первым затронул Отто Тишлер, приведя в своих типологических рядах четыре РФ с пластинами различных очертаний (1902, pp. 5-8).

Берлинский археолог Хейно Ноймайер, слабо знакомый с балтскими древностями, недавно сделал априорный вывод о том, что равноплечные фибулы пруссов являются продуктом товарообмена (прежде всего – ввиду поставок янтарного сырья) с западом континента во второй пол. VII в. (Neumayer & Nüsse, 2016, pp. 375, 379). Археологический материал с территории Калининградской обл. опровергает этот вывод.

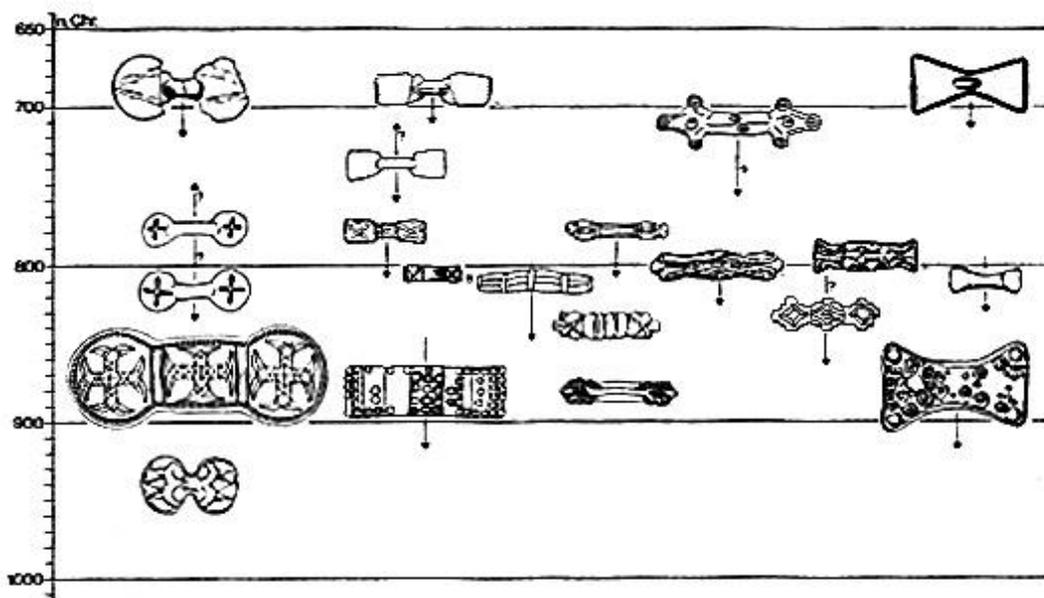

Рисунок № 1. Хронологическая таблица западноевропейских равноплечных фибул эпохи Каролингов (Wamers, 1994, p. 176)

Древнейшая фибула, по своим признакам соответствующая характеристике РФ (см. выше), на территории юго-восточной Балтии была обнаружена в кон. XIX в. в погр. Кі-III могильника Кірrehnen/Поваровка (Рисунок №2), датированном фазой В1а (Кулаков, 2016а, стр. 16).

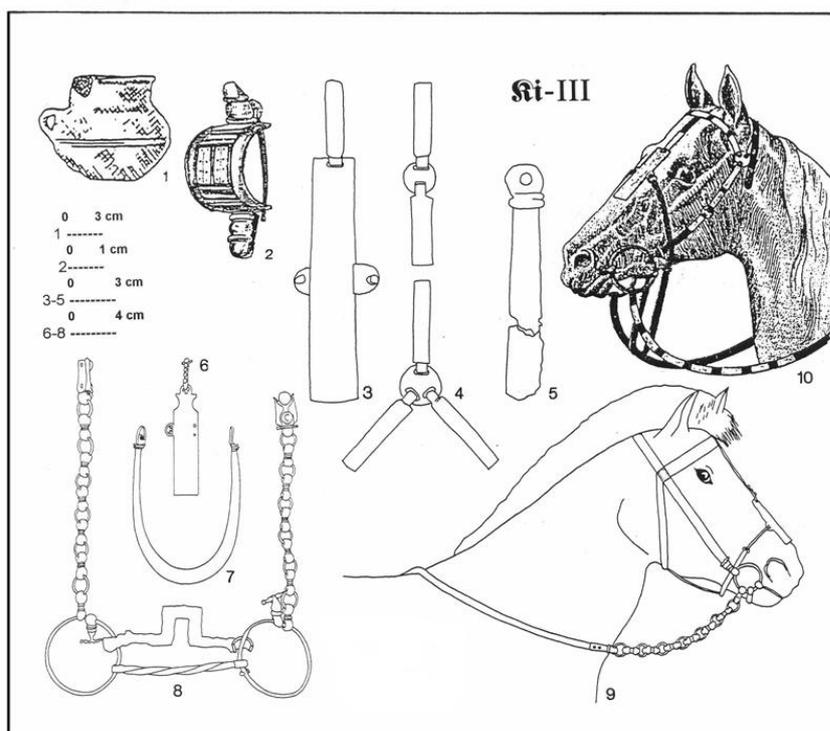

Рисунок № 2. Инвентарь погр. Кі-III могильника Кірrehnen/Поваровка (Кулаков, 2016b)

Как правило, такие версии изделий провинциально-римских мастеров украшались эмалевыми вставками или же серебряной фольгой (Кулаков, 2016b, стр. 42), являлись пластинчатыми фибулами и, очевидно, были дорогостоящим и престижным товаром, получаемым эстиями в обмен на янтарь.

Застёжка, близкая по своему виду к равноплечным, известна в составе инвентаря погр. Grei-1 могильника Greibau. Это мужское (судя по находке здесь ножа-кинжала) захоронение не содержит конского костяка у дна могилы, вместо него здесь встречена группа кальцинированных костей. На уровне материка могильная яма была перекрыта несколькими крупными валунами. Встреченная здесь фибула является дериватом второго этапа деградации застёжек отдела *Blechfibeln* типа *Kokowski B* и датируется V в. (Кулаков, 2018, стр. 191). Мастер, изготовивший фибулу, оказавшуюся в погр. Grei-1, осознавал потребность заказчика в упрощённой относительно прототипа фибуле и в своём творении показал промежуточный этап становления равноплечных фибул.

Фибулы, отвечающие всем признакам равноплечных, в прусском материале появляются в комплексах нач. VI в. Обряд таких погребений выглядит довольно архаичным. Так, например, в погр. De-7 могильника *Detlevsrüh* (Рисунок №3) группу кальцинированных костей с инвентарём, включавшим два сосуда-приставки («временные урны» -?), перекрывает каменная кладка (Кулаков, 1990, стр. 63). Второй комплекс *Zo-131* (Рисунок №3. Сверху), содержащий одну из самых ранних для Пруссии равноплечных фибул, имел инвентарь, по своему составу сходный с погр. D-7 (Кулаков, 1990, стр. 65). Судя по одиночной представленности в данных комплексах фибул, можно предполагать, что в них погребены мужчины. Правда, эти комплексы не сопровождаются захоронениями коней, что было бы характерно для мужских захоронений прусской культуры этого времени. Дата упомянутых захоронений с РФ определена по арбалетовидной фибуле из погр. *Zo-131* (Рисунок №3. Снизу). При формировании облика этих фибул прусские мастера использовали нормы трёхлучевых фибул вида *Krefeld* (Кулаков, 1990, стр. 65), которые датируются именно началом VI в. (Кулаков, 2011, стр. 49). Как видим, если пальчатые фибулы были преимущественно компонентом женского убора (правда, у германских племён), то их производные в прусской культуре выходят за рамки 3-го имитационного этапа деградации пальчатых фибул (Кулаков, 2018, стр. 190).

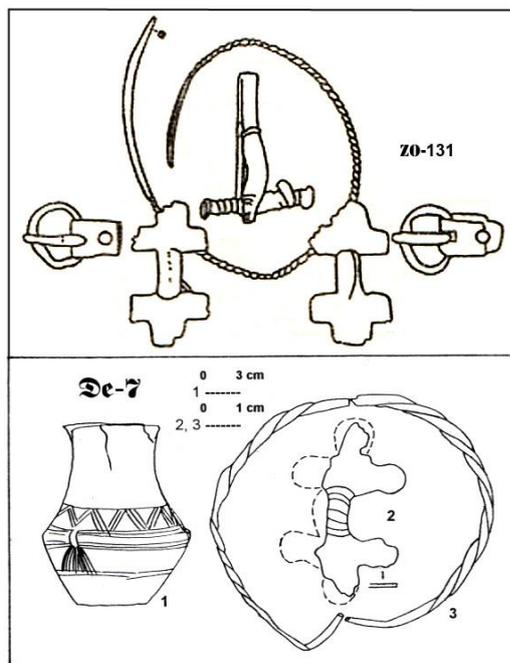

Рисунок № 3. Равноплечные дериваты фибул с тремя «лучами»: сверху – комплекс погр. Zo-131 могильника Zohren/Суворово (Кулаков, 1990, табл. X. 17) ; внизу – комплекс погр. De-7 могильника бывш. Detlevsruh (Кулаков, 1990, табл. VIII.1)

В древностях Мазурского Поозерья и к северу от него, в прусском племенном ареале, известны дериваты (Рисунок №4.1) меровингских роскошных РФ (Рисунок №4.2) группы Thörle IX (Neumayer & Nüsse, 2016, p. 377).

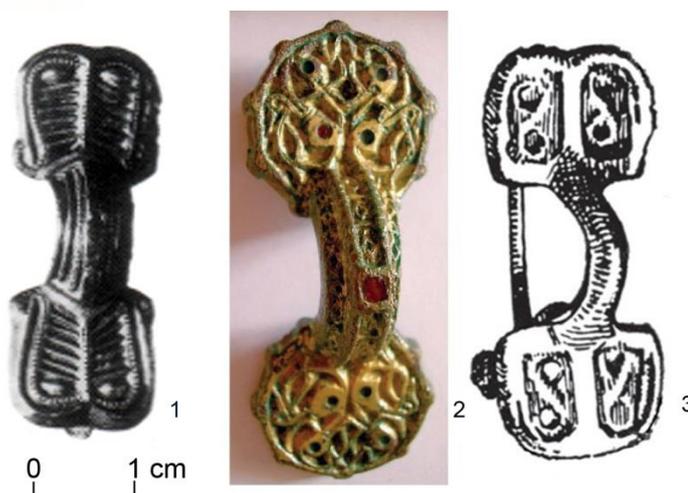

Рисунок № 4. Равноплечные дериваты фибул с подпрямоугольными пластинами: 1 – Werder/ Zeliony Ostrów; 2 – Charnay-lès-Chalon (France); 3 – Boschwingken/Boczwinke Nowe (1 – Hilberg, 2009, Taf. 36,321; 2 – Calligard, Perin P., Vallet Fr., Poirot J.-P., 2008, p. VIII,3; 3 – Neumayer H., Nüsse H.-J., 2016, Fig. 17, a).

Если более ранние прусские РФ были скромными результатами моделировки местных фибул с тремя «лучами», то в VI в. мазурские мастера пытаются имитировать роскошные западноевропейские застёжки. Отметим, что бронзовая фибула из Werder/Zeliony Ostrów покрыта золотой фольгой, что уникально для западнобалтских РФ. Дальнейшее развитие таких фибул с прямоугольными (квадратными) пластинами представлено в прусских древностях VII в. весьма скромными изделиями высотой не более 4 см (Рисунок №5).

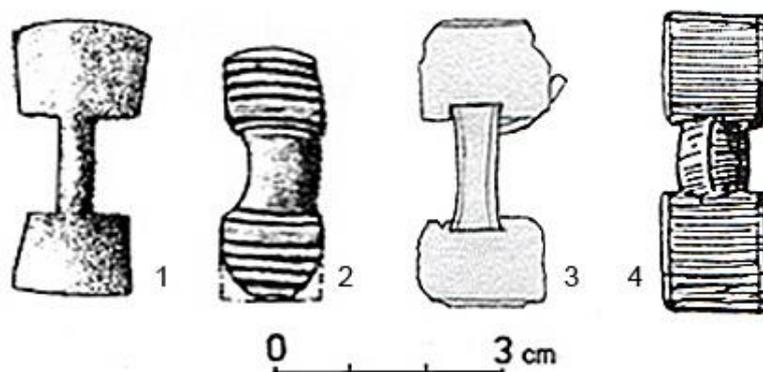

Рисунок № 5. Равноплечные дериваты фибул с прямоугольными пластинами: 1 – Seeblatt (?); 2 – “im Ermlandе”; 3 – погр. 22 могильника Popelken/Высокое; 4 – погр. 32 могильника Pr. Holland/Pasłęk (1, 2 – Tischler, Kemke, 1902, Taf. VI,5,6; 3, 4 - Hilberg, 2009, Taf. 31,269; 274).

В то же время и в прусских, и в мазурских погребальных комплексах встречены РФ с подтреугольными (Рисунок №6.1 и №6.2) и фигурными (Рисунок №6.3) пластинами.

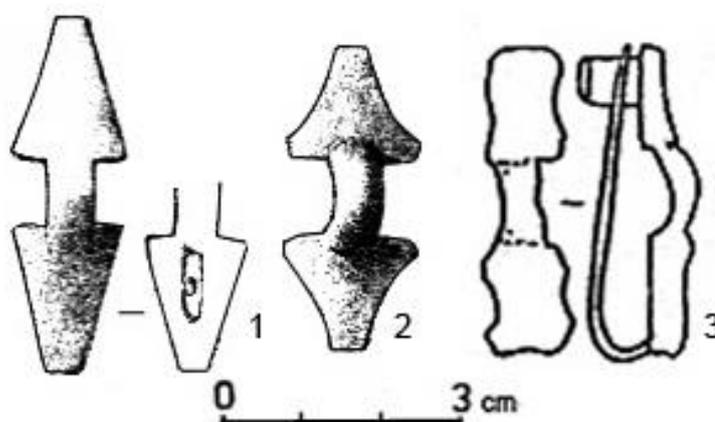

Рисунок № 6. Равноплечные дериваты фибул с треугольными пластинами: 1 – “im Ermlandе”; 2 – погр. 26 могильника Warnikam/Первомайское; 3 – погр. 124 могильника Daumen/Tumiany (1, 2 - Tischler, Kemke, 1902, Taf. VI,7,8; 3 – Кулаков, 1989, рис. 49,4).

Одиночная представленность этих фибул в комплексах кон. VI – нач. VII вв. (Кулаков, 1997, стр. 143) позволяет отнести их к принадлежности мужского убора. Упомянутые выше фибулы с подтреугольными пластинами весьма упрощённо имитируют ножку пальчатой фибулы.

Несмотря на приведённое выше мнение Х. Ноймайера относительно исключительной связи прусских РФ с западноевропейскими образцами меровингского времени, мастера равноплечных фибул своими образцами брали и местные виды застёжек, о чём автор этих строк писал ещё три десятка лет тому назад (Кулаков, 1990, стр. 23). Упомянутому выше берлинскому коллеге это, разумеется, осталось неизвестным.

В погр. Now-105 могильника Neuendorf/Nowinka пара РФ имитирует форму фибул отдела Sprossenfibeln var. 4 (Кулаков, 1989), датируемых кон. VII – нач. VIII вв. (Кулаков, 2017, стр. 91). Пара равноплечных фибул, маркер женского убора, сопровождается в погр. Now-105 однолезвийным мечом (Рисунок №7, справа). Это позволяет предполагать наличие в данном комплексе останков женщины и мужчины-воина. То же самое можно сказать и относительно гендерной принадлежности персонажей, захороненных в погр. Do-291 Dollkeim/Коврово (Рисунок №7, слева).

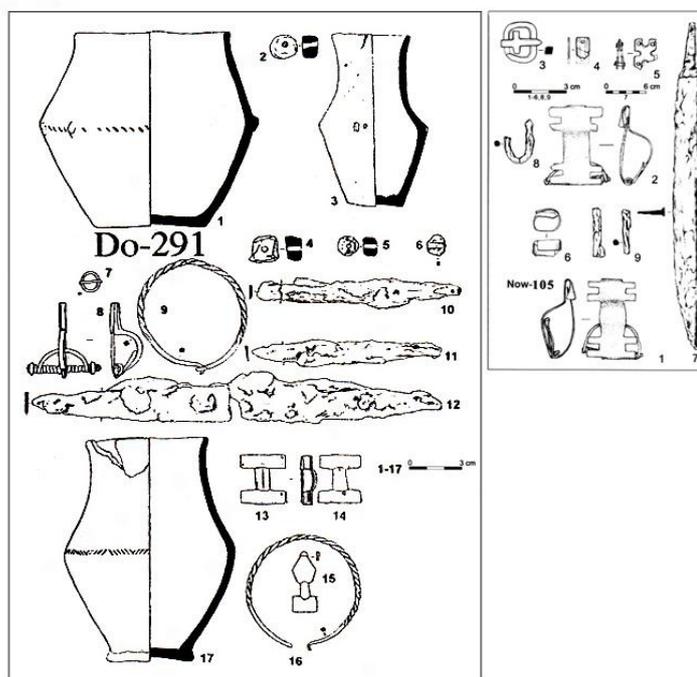

Рисунок № 7. Равноплечные дериваты фибул отдела Sprossenfibeln в погребальных комплексах: 1 – погр. 291 могильника Dollkeim/Коврово; 2 – погр. 105 могильника Neuendorf/Nowinka (1 – Кулаков, 2007, рис. 82; 2 – Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak, 2011, pl. LXVII).

Здесь РФ, имитирующая явно не меровингское изделие, сопровождается дериватом третьего этапа деградации пальчатых фибул типа Mühlhöfen (Кулаков, 2018, стр. 191) и арбалетовидной фибулой типа Duratón, что позволяет отнести данный комплекс ко времени не позднее первой пол. VI в.

Наконец, последний вид прусских равноплечных фибул соответствует типу скандинавских РФ, восходящих к прусским арбалетовидным фибулам подтипа 1 (Кулаков, 1990, стр. 23) и отнесённых Марком Ягоджински к типам JP 58 Ljones или JP 80 Tanumtyper первой пол. IX в. (Jagodziński, 2010, p. 99). То, что польский коллега не смог найти точного соответствия скандинавских фибул своей находке (Рисунок №8.3), происходящей из поселения Hansdorf/Janów Pomorski (Truso), является косвенным указанием на местное происхождение таких артефактов. Одна из фибул такой упрощённой схемы найдена на Самбии (Рисунок №8.1), другая – в культурном слое могильника Neuendorf/Nowinka (Рисунок №8.2).

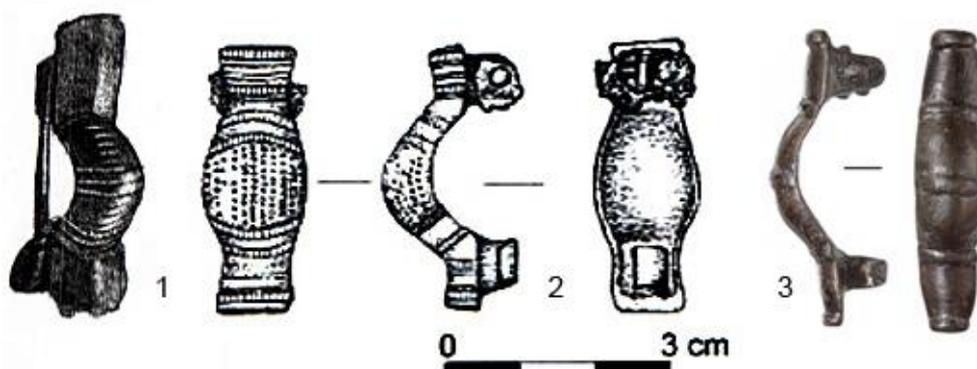

Рисунок № 8. Равноплечные фибулы типа Ljones (?): 1 – Corjeiten/Путилово; 2 – случ. нах. на могильнике Neuendorf/Nowinka; 3 – поселение Janów Pomorski (1 – Kopienkatalog RGZM, Nr 13789; 2 - Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M., 2011, pl. CIV; 3 – Jagodziński M.F., 2010, rys. 107).

Все эти фибулы отличаются наличием упрощённого декора (чеканного или же литого) на дужке. Тот же признак представлен и на скандинавских равноплечных фибулах вендельного времени. Ввиду того, что такие фибулы в прусском ареале обнаружены пока вне комплексов, их локальная датировка затруднительна. Однако, стоит учесть факт наличия на них деталей прусских арбалетовидных фибул подтипа 1, позднее кон. VI в. уже не использовавшихся. Возможно, появление в исторической Пруссии РФ упрощённой формы следует отнести к VII в.

Основное скопление находок равноплечных фибул поздней фазы эпохи Великого переселения народов отмечено в западной части

Самбии (Рисунок №9), где они и появились в нач. VI в. По мере освоения пруссами во второй пол. V в. н.э. побережья Вислинского/Калининградского залива (Кулаков, 2003, стр. 114-115), РФ распространяются в юго-западном направлении к восточной части дельты р. Висла и в восточном направлении вверх по течению р. Преголя. К идее создания таких фибул прусские мастера пришли самостоятельно, однако на границе прусского ареала и Мазурского Поозерья отмечен единичный случай имитации (Werder/Zeliony Ostrów) равноплечной фибулы из меровингских древностей запада Европы.

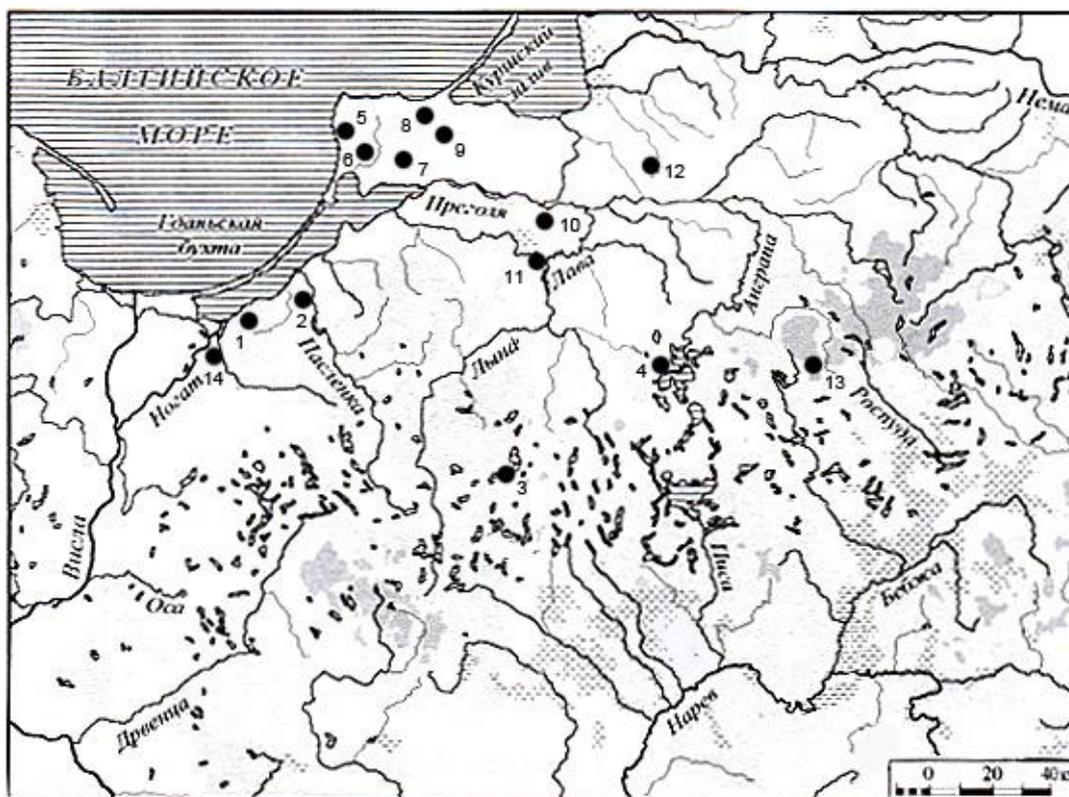

Рисунок № 9. Распространение находок раннесредневековых равноплечных фибул в юго-восточной Балтии: 1 – Neuendorf/Nowinka; 2 – Pr. Holland/Pasłęk; 3 – Daumen/Tumiany; 4 – Werder – Zeliony Ostrów; 5 – Kirpehnen/Поваровка; 6 – Corjeiten/Путилово; 7 – Greibau; 8 – Dollkeim/Коврово; 9 – Schreitlacken/Моршанское; 10 – Zohpen/Суворово, 11 – Detlewsruh, 12 – Popelken/Высокое; 13 – Bodschingken/Boczwinki; 14 – Hansdorf/Janów Pomorski (Truso).

Учитывая плотные связи потомков видивариев, существовавших в прусском и мазурском ареалах в VI в., со Скандинавией (Кулаков, 2011, стр. 50-51), становится понятно, что источником для появления в упомянутом регионе Европы равноплечных фибул вендельского

времени являлись их прусские прототипы, имеющие сугубо местные источники.

Всё вышеизложенное позволяет сделать относительно первых в Европе равноплечных фибул следующие выводы:

1. Равноплечные фибулы пруссов имеют преимущественно местное происхождение и появляются в западной Самбии в нач. VI в.

2. Указанные фибулы первоначально являются деталями убора мужчин, захороненных на прусских могильниках вне рамок традиционной обрядности (без конских захоронений), позднее РФ появляются в парных захоронениях (мужчина и женщина).

3. В VI-VII в. равноплечные фибулы представлены в прусских и мазурских погребениях попарно (деталь женского убора) или одиночно (застёжка мужского плаща или женской накидки).

4. На всём протяжении периода изготовления прусскими мастерами равноплечных фибул, предназначенных, судя по их незначительным параметрам, в массе своей для погребальных комплексов, в юго-восточной Балтии известны и дериваты миниатюрных (для женских погребальных комплексов) и массивных (для мужского убора) двупластинчатых фибул, по своим формам близких равноплечным. В отличие от РФ, дериваты пластинчатых фибул появились, очевидно, первоначально на Мазурах (Кулаков, 2018, стр. 195). Интерес местных мастеров к формам германских фибул как прототипов для их дериватов связан не с территориальной близостью германского племенного, а с плотными матримониальными и торговыми связями, установившимися между западными и северными германцами и западными балтами.

5. Изготовление и распространение в эпоху Меровингов на Самбии и в Мазурском Поозерье равноплечных фибул и дериватов пластинчатых застёжек свидетельствует не только (точнее - не сколько) о копировании западноевропейских образцов, как считал Х. Ноймайер, а о формировании в западнобалтской этно-культурной среде специфических, предназначенных прежде всего для культовых нужд артефактов. Это – свидетельство определённой утилизации прусских понятий о погребальной обрядности и о нуждах их современников в Мире Ином

Список литературы

Calligard, T., Perin, P., Vallet, F., & Poirot, J.-P. (2008). Contribution à l'étude des grenats mérovingiens (Basilique de Saint-Denis et autres collections du musée d'Archéologie nationale, diverses collections

- publiques et objets de fouilles récentes). *Antiquites Nationales*, 38, 111-144.
- Hilberg, V. (2009). *Masurische Bügelfibeln. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary, Bd. 2*. Neumünster: Hachholtz Verlag.
- Jagodziński, M. F. (2010). *Truso. Między Weonodlandem a Witlandem*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Tekst Sp.
- Kontny, B., Okulicz-Kozaryn, J., & Pietrzak, M. (2011). *Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland*. Gdańsk-Warszawa: Institut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego.
- Kopienkatalog des Römisch-Germanischen Zentralmuseum (Mainz). (б.д.).
- Martin, M. (1994). (Fibel und Fibeltracht) Späte Völkerwanderungszeit und Merowingerzeit auf dem Kontinent. In *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde* (pp. 541-582). Berlin-New York: Walter de Gruyter.
- Neumayer, H., & Nüsse, H.-J. (2016). Des Fleuves et des Hommes à l'époque mérovingienne. Territorie fluvial et société au premier Moyen Âge (Ve-XIIe siècle). *Das Land der Bernstein im frühen Mittelalter: merowingerzeitliche Funde aus Ostpreußen und der Handel mit Bernstein zwischen Donau und Atlantik.*, (pp. 367-389). Dijon.
- Thörle, S. (2001). *Gleicharmige Bügelfibeln des frühen Mittelalters*. Bonn: Rudolf Habelt Verlag.
- Tischler, O., & Kemke, H. (1902). *Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt*. Königsberg: In Kommission bei Wilhelm Koch.
- Wamers, E. (1994). (Fibel und Fibeltracht) Karolingerzeit. In *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde* (pp. 586-602). Berlin-New York: Walter de Gruyter.
- Кулаков, В. И. (1989). Barbaricum. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. /по материалам раскопок 18978-1938 гг./, 1, стр. 148-275. Warszawa: Institut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego.
- Кулаков, В. И. (1990). Древности пруссов (VI-XIII вв.), САИ, вып. Г1-9. М.: «Наука».
- Кулаков, В. И. (1997). Варникам. Древности прусских вождей. *Гістарычна-археалагічны зборник*(12), 143-171.
- Кулаков, В. И. (2003). *История Пруссии до 1283 г.* М.: «Индрик».
- Кулаков, В. И. (2007). *Долькайм-Коврово. Исследования 1992-2002 гг.* Минск: Институт истории НАН.
- Кулаков, В. И. (2011). *Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V-VII вв.* Osnabruck: LAP Lambert Academic Publishing GmbH.

- Кулаков, В. И. (2016а). Kirrehnen/Поваровка-1 и Kirrehnen/Поваровка-2: данные раскопок. *Исторический формат*(4), 66-88.
- Кулаков, В. И. (2016b). *Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I-IV вв.* Калининград: «Калининградская книга».
- Кулаков, В. И. (2017). Res Humanitariae. *Куршские фибулы предорденского времени в ареале пруссов.* XXI, стр. 88-105. Klaipėda: Klaipėdos universitetas.
- Кулаков, В. И. (2018). Дериваты двупластинчатых фибул. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 63(1), 187-195.

SCANDINAVIAN FIBULAE OF THE PRUSSIANS ON THE BALTIC COAST

Kulakov, V. I.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10004>

Kulakov Vladimir Ivanovich, Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, 117036, Moscow, Dm. Ulyanov str., 19.

Email: drkulakov@mail.ru

Abstract

The author studies the issue of the Western Balts' Scandinavian fibulae, which did not come into the research focus before. The findings of this study are:

1. The Prussian Scandinavian fibulae are predominantly of local origin and appear in western Sambia in the early VI century.
2. The indicated fibulae are originally outfit details of men buried in Prussian burial grounds outside the framework of traditional rituals; later they appear in shared (coupled) burials.
3. In the VI-VII centuries Scandinavian fibulae are presented in Prussian and Mazury burials as a double piece (a detail of women's attire) or as a single one (a fastener of a men's raincoat or women's cape).
4. Throughout the period of manufacturing Scandinavian fibulae by Prussian masters, which artifacts were intended, judging by their small parameters, mostly for the burial complexes, in the southeastern Baltic there were also met miniature derivatives (for women's burial complexes) and massive ones (for men's clothing) of the two-plate brooches, close in their forms to Scandinavian fibulae.

In contrast to Russian Federation, the derivatives of two-plate brooches appeared, apparently, initially in Masuria. The interest of local craftsmen in the forms of German brooches as prototypes for their derivatives is not connected with the territorial

proximity of the Germanic tribal, but with the dense matrimonial and trade ties established between the Western and Northern Germans and the Western Balts.

5. Production and distribution of Scandinavian fibulae and derivatives of plate fasteners in the Merovingian era in Sambia and in the Masurian Lake District testifies not only (or rather, not so much) about copying Western European patterns, as H. Neumayer believed, but also about collecting artifacts primarily for the cult needs.

Keywords

Equal shoulder fibulae, derivatives, western Balts, Germans, Merovingian era, trade, matrimonial relations

References

- Calligard, T., Perin, P., Vallet, F., & Poirot, J.-P. (2008). Contribution à l'étude des grenats mérovingiens (Basilique de Saint-Denis et autres collections du musée d'Archéologie nationale, diverses collections publiques et objets de fouilles récentes). *Antiquites Nationales*, 38, 111-144.
- Hilberg, V. (2009). *Masurische Bügelfibeln. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary, Bd. 2*. Neumünster: Hachholtz Verlag.
- Jagodziński, M. F. (2010). *Truso. Między Weonodlandem a Witlandem*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Tekst Sp.
- Kontny, B., Okulicz-Kozaryn, J., & Pietrzak, M. (2011). *Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland*. Gdańsk-Warszawa: Institut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego.
- Kopienkatalog des Römisch-Germanischen Zentralmuseum (Mainz). (б.д.).
- Martin, M. (1994). (Fibel und Fibeltracht) Späte Völkerwanderungszeit und Merowingerzeit auf dem Kontinent. In *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde* (pp. 541-582). Berlin-New York: Walter de Gruyter.
- Neumayer, H., & Nüsse, H.-J. (2016). Des Fleuves et des Hommes à l'époque mérovingienne. Territoire fluvial et société au premier Moyen Âge (Ve-XIIe siècle). *Das Land der Bernstein im frühen Mittelalter: merowingerzeitliche Funde aus Ostpreußen und der Handel mit Bernstein zwischen Donau und Atlantik.* , (pp. 367-389). Dijon.
- Thörle, S. (2001). *Gleicharmige Bügelfibeln des frühen Mittelalters*. Bonn: Rudolf Habelt Verlag.
- Tischler, O., & Kemke, H. (1902). *Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt*. Königsberg: In Kommission bei Wilhelm Koch.

- Wamers, E. (1994). Fibel und Fibeltracht) Karolingerzeit. In *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde* (pp. 586-602). Berlin-New York: Walter de Gruyter.
- Kulakov, V. I. (1989). Barbaricum. *The burial grounds of the western part of the Mazur Poozerye of the end of the 5th - beginning of the 8th centuries / on the materials of the excavations 18978-1938. 1*, pp. 148-275. Warszawa: Institut archeologii Uniwersyteta Warszawskiego.
- Kulakov, V. I. (1990). *Antiquities of the Prussians (VI-XIII cc.), AIS, no. G1-9*. M.: "Science".
- Kulakov, V. I. (1997). Varnikam. Antiquities of Prussian leaders. *Gistarichna-archealagichny zbornik* (12), 143-171.
- Kulakov, V. I. (2003). *History of Prussia to 1283*. M.: Indrik.
- Kulakov, V. I. (2007). *Dolkaym-Kovrovo. Research 1992-2002*. Minsk: Institute of History, NAS.
- Kulakov, V. I. (2011). *Decorative art of the Amber region. Ornament fibula V-VII centuries*. Osnabruck: LAP Lambert Academic Publishing GmbH.
- Kulakov, V. I. (2016a). Kirpehnen / Cook-1 and Kirpehnen / Cook-2: excavation data. *Historical format* (4), 66-88.
- Kulakov, V. I. (2016b). *Treasures of the Amber region. Indicators of foreign cultural influences on antiquities of Sambia and Natangia in the I-IV centuries*. Kaliningrad: "The Kaliningrad book."
- Kulakov, V. I. (2017). Res Humanitariae. *Curonian fibulae Predordansky time in the area of Prussians*. XXI, pp. 88-105. Klaipėda: Klaipėdos universitetas.
- Kulakov, V. I. (2018). Derivatives of two plate fibulae. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, 63 (1), 187-195.

РОЛЬ ЧУЖОГО В ФОРМИРОВАНИИ ГРАНИЦ ИДЕНТИЧНОСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Авторханова, Д. М.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10005>

Авторханова Дагмара Мовсаровна, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», 414056, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 А

E-mail: adagmara@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме Чужого как фактора формирования границ идентичности в Средние века. Исследуя данный вопрос через призму анализа литературных и художественных произведений эпохи, автор статьи рассмотрел концепт инаковости в двух плоскостях: воображаемой и реальной. Выявив основной воображаемый концепт Чужого, проявившийся в образе Монстра, автор сделал выводы, что последний является квинтэссенцией инаковости, и он определял границу человека средневековья в бинарной модели мироздания (добро/зло божественное/богомерзкое). Эта идентичность, по мнению автора, проявлялась в постоянной попытке человека типологизировать монстров через номинацию, тем самым определив монстра в разряд узнаваемого, а, следовательно, не такого опасного, как неизвестное.

Реальный же Чужой в Средние века воплотился в образе мусульман (сарацин). Автор отмечает, что и данный образ также монстроизировался в сознании средневекового европейца. При этом автор утверждает, что таким образом реальный Чужой, путём стигматизации маркерами монстра, переводился из разряда реальности в плоскость воображаемого.

Резюмируя своё исследование, автор приходит к выводу, что в обоих случаях встречи человека средневековья с Чужим, последний играет важнейшую роль в формировании границ идентичности первого через ряд важных процессов: номинации, наделения определёнными маркерами инаковости, определения Чужого в разряд противоестественного, антагонистического миру человеческого.

Ключевые слова

Другой, Чужой, Монстр, Средние века, инаковость, идентичность, граница, сарацины, Ислам, Христианство

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие с Чужим является неотъемлемой частью жизни любого социума в любом социокультурном или историческом пространстве. Также он (Чужой) является категорией социализации личности и формирования границ идентичности в рамках формирования последней в культурном пространстве. Таковым Чужой явился и для Средних веков. Он стал вектором многих важных процессов и явлений, определивших границы идентичности европейцев вплоть до наших дней.

Многие исследователи феномена Другого/Чужого уже писали, что для Средних веков бинарная модель инаковости «Свой/Другой» не воспринималась в связи с распространением христианских идей, проповедовавших следующий догмат: «...ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного...». Но отсутствие Другого/Чужого в обществе, на наш взгляд, является признаком его нездоровья. Всё же в эпоху Средневековья категории инаковости в той или иной манере присутствовали. Здесь необходимо отметить следующие бинарные модели в Западной Европе: Христианин-Язычник и Христианин-Иноверец. Причём в обоих случаях Другой/Чужой, зачастую в силу распространённых тогда суеверных представлений, слабости критического мышления и большого влияния религиозного мировоззрения, был подвержен монстроизации, то есть Другой/Чужой представлялся в обыденности как фантастический монстр (чаще всего зоантропоморфный) (Романова, и др., 2018, стр. 267). Даже реальный Чужой был подвержен подобным процессам.

Так что же делает Чужого Чужим, каким образом можно его идентифицировать и как он определяет границы идентичности человека, общества, нации в Средние века? Решению этих вопросов и посвящено данное исследование.

ВООБРАЖАЯ ЧУЖОГО

Отечественный исследователь А. П. Романова в своей статье «Амбивалентность образа монстра в современной культуре: дихотомия "свой-чужой"» утверждает, что «монстр – это квинтэссенция и апофеоз Чужого, гипертрофированное воплощение всех маркеров Чужого» (2015, стр. 52). Иными словами, Монстр представляет собой крайнюю форму чужести или инаковости. Это прекрасно передаёт выражение американского медиевиста Каролайн Байнум, что монстр – это «радикально, ужасающе, завораживающе

Чужой» (1995, р. 31). Примечательно, что интерес к Монстру как образу крайнего Чужого достиг своего апогея именно в эпоху Средневековья, когда Монстр и Чужой отождествлялись, а описания первого были настолько правдоподобными, что пользовались особой популярностью среди обычного населения, искренне уверовавшего в реальность их существования. И в данном контексте монстроизация Другого/Чужого не была символичной, а имела под собой вполне себе реальные представления о таковых. Это, в свою очередь, породило кучу произведений, как художественного толка, так и считавшихся энциклопедическими сборников: от всяких бестиариев до монструмов, от отдельных изображений в книгах до собрания гравюр.

Самым ярчайшим примером подобного рода произведений, написанных в эпоху Средневековья, является рукопись, появившаяся на свет в XI в. под латинским названием «Liber Monstrorum», что переводится буквально как «Книга монстров». В её предисловии автор (предположительно им является аббат из Малсберри по имени Альдхейм) предупреждает, что труд написан с целью просвещения обычных людей, которые так часто его просили дать разъяснения по поводу фантастических существ, обитающих в реальном мире: «Вы спрашивали о потаённых частях земного шара, и о достойных доверия фактах о чудищах, что там обитают в пустынях и на островах океана и на самых отдаленных горах... и потому я должен описать чудовищные части людей и самых ужасных диких животных и неисчислимы формы зверей и ужаснейшие виды драконов и змей и гадюк» (Friedman, 1981, р. 37).

Учитывая, что культура средневековых государств зиждилась на трёх столпах: античное наследие, традиции «варварских» племён и христианство, – то нет ничего удивительного, что среди основных эпистемологических пластов данной рукописи исследователи выделяют языческую мифологию, медицинские трактаты, эпическую поэзию, античную художественную литературу и библейские тексты (Lionarons, 1996) (Mittman, 2006) (Orchard, 1995). Одним из самых распространённых монстров, описываемых в Liber Monstrorum, являются кинокефалы (киноцевалы или псоглавцы), представляющие собой существа с телом людей, но головой собаки. Данная разновидность «монстров» встречается во многих культурах (не только в европейской). Поэтому можно предположить, что в Liber Monstrorum кинокефалы попали из египетской культуры (зооантропоморфные образы, например, Анубис, занимают центральное место в религиозной системе древних египтян). Хотя автор подчёркивает, «что [они] родились в Индии» (1995, р. 269).

Данный вид «монстра» в качестве зоантропоморфа не мог не тревожить фантазию средневекового человека. Сама телесность подобного Чужого выделяет символическое отсутствие рациональности – человеческое тело, увенчанное головой неразумного существа, т.е., этот кинокефал воплощает в себе доминирование дикого природного начала над человеческой культурой (божественным творением?). Тело этого монстра является противоестественным нарушением границы между животными и людьми; само существование кинокефала является угрозой для существования человечества и человеческой культуры. Кинокефалы внушают средневековому человеку страх по одной простой причине – факт наличия собачьей (животной) головы на человеческом теле является признаком отсутствия у данного существа членораздельной речи, того самого отличительного признака, по мнению человека того времени, человеческой цивилизации от природного мира (Sopper, 1995). «И это само по себе ставило их ниже человека и исключало из человеческого общества в глазах средневековых ученых, для которых язык был решающим признаком всех социализированных народов» (Романова, и др., 2018, стр. 268), то есть, иными словами, автоматически стигматизировало существо в качестве Чужого с негативными коннотациями нечеловеческого, а то и богомерзкого.

В книге также имеются описания других существ, но по большей части их образы и степень инаковость описываются тем же путём. Например, загадочные эпифаги или блегмии, которые изображались в средневековом воображении в качестве существ, лицо которых располагалось на торсе, а голова отсутствовала вообще (Orchard, 1995, р. 273). Первые упоминания о них относятся ещё к античности (Гай, 1996). Также в рукописи упоминается «некий ночной монстр, который всегда летал ночью сквозь тень неба и земли, крик ужасал людей в городах, и у него было столько же глаз, ушей и ртов, сколько у него было перьев» (1996, стр. 281). Во всех этих описанных Монстрах-Чужих акцентируется внимание на отсутствии, гипертрофированности или множественном присутствии рта. Этот орган в данном случае, как мы уже описали выше, является некой отличительной чертой «человечности», то есть признаком человека-говорящего. Отсутствие такого органа, или его неестественное положение, или его огромное количество делает в сознании человека данное существо крайним Чужим – Монстром.

Помимо чудовищ, имеются в книге описания и реальных людей, которых автор нашел настолько увлекательным, что поместил их в число легендарных видов. К ним относятся эфиопы и пигмеи, чьи

«физические характеристики он находит достаточно чуждыми, чтобы сомневаться или бояться» (1996, стр. 281).

Описание монстров и чудовищ в популярных средневековых иллюстрированных энциклопедиях содержит в себе краткую «информацию о месте их обитания, внешности, еде и имени» (Mittman, 2006, p. 80). Последнее в воображении средневековых авторов играет немаловажную роль своего рода контроля над монстром, возвышения над чудищем. Этот контроль устанавливался через номинацию (акт называния). Номинация в качестве способа классификации или типологизации помогала установить над чудищем некое символическое чувство власти, обезоружить его перед лицом созданного по образу Бога человека. Об этом феномене писал французский философ, постструктуралист, занимавшийся проблемами соотношения субъекта и власти, М. Фуко, который указывал, что типологизация – это «форма власти, которая подвергает индивидов контролю и зависимости от других» (1984, p. 420).

К этому высказыванию близок поэтический постулат другого французского философа XX в. Ж. Деррида, который звучал так: «Как только мы узнаем монстра в монстре, мы начинаем приручать его» (1995, p. 386); прекрасно объясняет стремления средневековых авторов желанием типологизировать описываемых ими чудовищ, давая им имена. Ибо по-другому праведный христианин не мог поступить, дабы сказано так было в Священной Библии: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек душу живую, так и было имя. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым».

И всё же стоит отметить, что номинация не представляет собой лишь установление контроля над чудовищем – этот процесс, повторяемый средневековыми авторами от книги к книге, является своеобразным способом исключения их за границы допустимой нормы, выдвижения за пределы реального. Отличительной чертой такого символического жеста является то, что оно, как выразилась известный французский семиотик XX в. Ю. Кристева, «не достаточно радикально, чтобы обеспечить безопасную дифференциацию между субъектом и объектом, но достаточно для того чтобы установить оборонительную позицию» (1982, p. 7). Исключение из нормы является неким своего рода жестом контроля и подчинения, пусть и воображаемого.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С РЕАЛЬНЫМ ЧУЖИМ

Фантастические твари, монстры, чудовища в Средневековье не являются единственными образами Другого/Чужого. Даже в эту эпоху средневековый человек встречался и взаимодействовал с реальным, а не воображаемым Другим. Естественно, под этим мы имеем в виду знаменитые крестовые походы, когда Западная цивилизация заново «открыла» Восток.

В 1190 году, по свидетельству хроники Роджера из Хоудена, король Ричард I остановился в Мессине по дороге в Святую Землю, чтобы посетить некоего цистерцианского настоятеля по имени Иоаким, который заслужил репутацию мудрого пророка и талантливого переводчика Книги Откровения (1853, р. 177). После непродолжительной беседы с ним Ричард и его свита церковников «очень обрадовалась», услышав подробное и живое описание семиголового дракона Антихриста, ожидающего истинно верующих для того, чтобы их съесть. Семь глав дракона, как объяснил Иоаким, представляли собой семь преследователей Святой Церкви, пять из которых уже остались в прошлом, один существует на данный момент, а один грянет в будущем. Среди тех, кто остался в прошлом был пророк Мухаммад, а «тот, кто существует сейчас», не кто иной, как Саладин (Салах ад-Дин, султан Египта и Сирии и др., военачальник, мусульманский лидер XII века). Над ним-то Иоаким и предсказал возможную победу Ричарда. И хотя епископы из свиты Ричарда будут оспаривать общую интерпретацию откровения Иоакима, и даже сам Роджер будет ставить под сомнение её, один аспект останется ясным – слияние образа мусульман с чудовищным Антихристом (или, по крайней мере, мусульмане станут представляться как его инструмент).

На Западе ислам, взятый за кульминацию всех ересей, был признан признаком Апокалипсиса, предзнаменованием Антихриста ещё в полемических трудах кордовских мучеников Евлоги и Павла Альвара (ок. 854 г.) (Migne, 1844-91). Иоаким в каком-то смысле только оживил последовательное видение ислама, разработанное ранними кордовскими мучениками, которые изобретательно построили Другого в форме известного, разместив его в рамках христианского Апокалипсиса и монстроизировав его.

Объяснение угрозы ислама как исполнения библейского пророчества олицетворяло тип мышления по аналогии: признание себя в Другом, как в зеркале, где отражалось доминировавшее в Западной культуре представление о безнравственности (Norman, 1960). Ислам, истолкованный как извращенное дополнение христианства, стал совершенной противоположностью Латинской Европе и, как таковой,

существенной частью или пределом ее идентичности. С конца VII в. и по конец XVII в. ислам в любой из своих форм (арабский, османский, испанский и североафриканский) серьезно оспаривал существование христианства. Согласно известному медиевисту Р. У. Саузерну, ислам олицетворял перемены в Средневековье: «Существование ислама было самой далеко идущей проблемой в средневековом христианском мире, – это была непредсказуемая и неизмеримая опасность» (Southern, 1962, pp. 3-4).

Эта проблема была по существу единой проблемой в отношении целостности и сохранения явно неприкосновенных границ средневековой европейской идентичности. Это была проблема символического уровня: подобно чудовищной расе кинокефалов, с которой их часто идентифицировали, сарацины и их религия символизировали размывание идеальных границ, таких как разделение рационального человека от животного или цивилизованного человека от варвара. (Jones, 1942, p. 205). На месте встречи с Чужим границы, таким образом, стали оспариваемыми пространствами. «Сарацины, как рой пчел, но с тяжелой рукой, быстро вышли из Вавилона и Африки на Сицилию, они опустошили все вокруг», писал Эрхемберт, монах в Монте-Кассино в конце XI в. (Daniel, 1975, p. 56). Образ кишачих сарацинов изображает «Другого без места», смещающуюся, мобильную угрозу для границ христианского мира. Кочевой Другой особенно отталкивает, поскольку он символизирует постоянную трудность утверждения разницы и расстояния. Такое пограничное беспокойство в литературе крестового похода часто принимает форму одержимости сохранением чистоты и фиксированности происхождения.

В своём труде «Образ Другого: мусульмане в хрониках Крестовых походов» известный исследователь образа Другого в Средние Века С. И. Лучицкая, в попытке вывести закономерные маркеры инаковости, пишет: «Для начала мы попытаемся выявить отдельные визуальные знаки, служащие для обозначения принадлежности к другой вере. Они могут касаться изображения цветовой гаммы, жестов, пространственных пропорций и размеров, физических черт врагов Христа, их оружия и т. д. Эти знаки не представляют собой самостоятельные визуальные приемы, смысл которых может быть интерпретирован однозначно. Их смысл может быть истолкован правильно лишь в том случае, если мы будем рассматривать их в единой системе изображения мусульман, в связи с другими знаками» (2001, стр. 327).

Цветовой маркер в определении инаковости и собственной идентификации в Средние века играл важную роль. В частности,

«чаще всего мусульмане изображаются с черными лицами» (стр. 328), в противовес христианам, лица которых более светлые. Эта цветовая дихотомия призвана была подчеркнуть инаковость Чужого, подвергая его визуальному сравнению с истиной «светлой» верой Христианства.

Стоит отметить, что вестиментарные маркеры идентифицировали инаковость мусульман ещё сильнее: «в средневековых визуальных искусствах тюрбан вообще многозначный символ. Это визуальный знак чужака, представителя экзотической культуры» (стр. 338). Сарацины, евреи и язычники чаще всего изображались с данным головным убором. Мусульмане чаще всего старцами из-за наличия у них бороды, и с полными губами. «В средневековой символике эта деталь имеет негативные корреляции; она обозначает ложь, лицемерие» (стр. 339). В средневековых гравюрах все мусульмане, как правило, уродливы – для них типичны толстые губы и нос, искаженное злое выражение лица – как, например, у изображённых на средневековой гравюре воинов Туран-шаха, берущих в плен короля Людовика Святого.

Данный факт свидетельствует в пользу того, что образ Чужого каким бы реальным он не был, всё же подвергается переводу его в разряд воображаемого, то есть он наделяется имагинативными маркерами, которые в реальности могут и не существовать. Это, в свою очередь, снова заставляет человека Средневековья разграничивать пространство идентичности в контексте дихотомии божественного/природного.

ВЫВОДЫ

Таким образом, Другой/Чужой в Средние века воплощался чаще всего в образе монстра как квинтэссенции инаковости. Распространение бестиариев и энциклопедий про монстров будоражило воображение средневековых людей, которые боялись такого рода Чужого. Они считали, что монстры покушаются на рациональный мир человека, созданный Богом. Но, в то же время, посредством этого страха монстр определял границу идентичности человека, его место в бинарном мире добра/зла, естественного/противоестественного, божественного/богомерзкого. Это проявлялось в стремлении человека классифицировать, типологизировать монстров через номинацию (нарекания имени). Названная вещь перестаёт быть незнакомой, а человек получает символическую власть над ней, определяет её местоположение в пространстве, очерчивает её границы.

С другой стороны, реальный Чужой воплотился в образе мусульман (сарацин), которые также монстроизировались. И, как бы мы не говорили, что реальный Чужой был реальным, всё же в сознании средневековых людей даже реальный Чужой облекался и стигматизировался в воображении, переводился в область нереального, вымышленного.

Но и в первом (воображаемом), и во второй (реальном) случаях встречи средневекового человека с Другим/Чужим, мы можем говорить, что последний играл важную роль в определении границ идентичности первого: номинация монстров, отождествление ислама и сарацинов с инструментами Антихриста в грядущем Апокалипсисе, – всё это, как зеркало, отражало настроение и представления жителей Европы в Средние века о границах своей идентичности, о пространстве дозволенного.

Список литературы

- Bynum, C. (1995). Why All the Fuss about the Body? A Medievalist's Perspective. *Critical Inquiry*, 22(1), 1-33.
- Daniel, N. (1975). *The Arabs and Mediaeval Europe*. London: Longman.
- Derrida, J. (1995). *Points: Interviews, 1974–1994*. Stanford: Stanford University Press.
- Foucault, M. (1984). *The Subject and Power. Art After Modernism: Rethinking Representation*. New York: New Museum of Contemporary Art.
- Friedman, J. B. (1981). *The Monstrous Races in Medieval Art and Thought*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Isidore of Seville. (1964). *Etymologies. The Medical Writings*. Philadelphia.
- Jones, C. M. (1942). The Conventional Saracen of the Songs of Geste. *Speculum*(17), 205.
- Kristeva, J. (1982). *Powers of Horror: An Essay on Abjection*. New York: Columbia University Press.
- Lionarons, J. T. (1996). Beowulf: Myth and monsterS. *English Studies*(77), 1-14.
- Migne, J.-P. (1844-91). *Patrologice cursus completus: Series latino*.
- Mittman, A. S. (2006). *Maps and Monsters in Medieval England*. NY and London: Routledge.
- Norman, D. (1960). *Islam and the West: The Making of an Image*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Orchard, A. (1995). *Pride and Prodigies: Studies in the Monsters of the Beowulf Manuscript*. Toronto: University of Toronto Press.

- Roger of Hoveden. (1853). *The Annals of Roger of Hoveden*. (H. T. Riley, Trans.) London: Bohn.
- Sopper, K. (1995). *What is Nature? Culture, Politics and the Non-human*. Oxford: Blackwell.
- Southern, R. W. (1962). *Western Views of Islam in the Middle Ages*. Cambridge: Harvard University Press.
- White, D. G. (1991). *The Myths of the Dog-Man*. Chicago: University of Chicago Press.
- Гай, Ю. С. (1996). Собрание достопамятных сведений. В *Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I-XIV вв.* М.: Республика.
- Лучицкая, С. И. (2001). *Образ Другого: мусульмане в хрониках Крестовых походов*. СПб: Издательство «Алетейя».
- Романова, А. П. (2015). Амбивалентность образа монстра в современной культуре: дихотомия «Свой-Чужой». *Евразийский союз ученых*(10), 52–54.
- Романова, А. П., Якушенков, С. Н., Хлыщева, Е. В., Канатьева, Н. С., Якушенкова, О. С., Топчиев, М. С., . . . Морозова, Е. В. (2018). *Многоликий Другой. Инвариантность образов Другого/Чужого*. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич.

THE ROLE OF THE OTHER IN THE FORMATION OF THE BORDERS OF IDENTITY IN THE MIDDLE AGES

Avtorkhanova, D. M.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10005>

Avtorkhanova Dagmara Movsarovna, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhanskaya oblast, Astrakhan, Tatishcheva street, 20 A

E-mail: adagmara@yandex.ru

Abstract

This article is devoted to the problem of the Other as a factor in the formation of the boundaries of identity in the Middle Ages. Exploring this problem through the prism of the analysis of literary and artistic works of the epoch, the author of the article examined the concept of otherness in two planes: imaginary and real. Having identified the main imaginary concept of the Alien, manifested in the image of the Monster, the author concluded that the latter is the quintessence of otherness, and determined the boundary of the Middle Ages man in the binary model of the Universe (good/evil, divine/impious). This identity, according to the author, was manifested in the constant attempt to typologize monsters through nomination, thereby identifying the monster as recognizable, and therefore less dangerous.

The real Other in the Middle Ages was embodied in the image of the Muslims (Saracen). The author notes that this image was also monstrous in the minds of a medieval European citizen. At the same time, the author claims that the real Other was stigmatized by the markers of the monstrosity that transferred him from the category of reality to the imaginary plane.

Summarizing her research, the author comes to the conclusion that in both cases of the meeting of a Medieval person with the Other, the latter plays an important role in shaping the boundaries of the identity of the first through a number of important processes: nomination, endowing with certain markers of otherness and defining the Other through the category of unnatural, antagonistic to the human beings.

Keywords

The Other, Alien, Monsters, the Middle Ages, Otherness, identity, border, Saracens, Islam, Christianity

References

- Bynum, C. (1995). Why All the Fuss about the Body? A Medievalist's Perspective. *Critical Inquiry*, 22(1), 1-33.
- Daniel, N. (1975). *The Arabs and Mediaeval Europe*. London: Longman.
- Derrida, J. (1995). *Points: Interviews, 1974–1994*. Stanford: Stanford University Press.
- Foucault, M. (1984). *The Subject and Power. Art After Modernism: Rethinking Representation*. New York: New Museum of Contemporary Art.
- Friedman, J. B. (1981). *The Monstrous Races in Medieval Art and Thought*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Isidore of Seville. (1964). *Etymologies. The Medical Writings*. Philadelphia.
- Jones, C. M. (1942). The Conventional Saracen of the Songs of Geste. *Speculum*(17), 205.
- Kristeva, J. (1982). *Powers of Horror: An Essay on Abjection*. New York: Columbia University Press.
- Lionarons, J. T. (1996). Beowulf: Myth and monsterS. *English Studies*(77), 1-14.
- Migne, J.-P. (1844-91). *Patrologice cursus completus: Series latino*.
- Mittman, A. S. (2006). *Maps and Monsters in Medieval England*. NY and London: Routledge.
- Norman, D. (1960). *Islam and the West: The Making of an Image*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Orchard, A. (1995). *Pride and Prodigies: Studies in the Monsters of the Beowulf Manuscript*. Toronto: University of Toronto Press.
- Roger of Hoveden. (1853). *The Annals of Roger of Hoveden*. (H. T. Riley, Trans.) London: Bohn.

- Sopper, K. (1995). *What is Nature? Culture, Politics and the Non-human*. Oxford: Blackwell.
- Southern, R. W. (1962). *Western Views of Islam in the Middle Ages*. Cambridge: Harvard University Press.
- White, D. G. (1991). *The Myths of the Dog-Man*. Chicago: University of Chicago Press.
- Guy, Yu. S. (1996). Collection of memorable information. In *Knowledge beyond science. Mysticism, hermeticism, astrology, alchemy, magic in the intellectual traditions of the I-XIV centuries*. M.: Republic.
- Luchitskaya, S.I. (2001). *Image of the Other: Muslims in the chronicles of the Crusades*. St. Petersburg: Aletheia Publishing House.
- Romanova, A. P. (2015). The ambivalence of the image in modern culture: the dichotomy of "Ours - the Other". *Eurasian Union of Scientists* (10), 52–54.
- Romanova, A. P., Yakushenkov, S. N., Khlysheva, E. V., Kanateva, N. S., Yakushenkova, O. S., Topchiev, M. S... Morozova, E. V. (2018). *The Other with Many Faces: Invariance of images of the Other*. Astrakhan: Publisher: Sorokin Roman Vasilyevich.

ЗЕРКАЛО АДАМА: ФРОНТИР В ИМПЕРСКОМ ВООБРАЖЕНИИ¹

Манан, А. А.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10006>

Манан Ахмед Асиф, Колумбийский университет, 1180 Амстердам авеню, МС 2527 Нью-Йорк, США, 10027.

E-mail: ma3179@columbia.edu

Статью перевели и подготовили к публикации:

Якушенкова Олеся Сергеевна, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а

E-mail: jestershadow@mail.ru

Канатьева Наталья Сергеевна, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а.

E-mail: nesy71@mail.ru

Аннотация

Для центра любой империи фронтир – это место беспокойства, потенциальной угрозы, варваров, которые могут прийти к воротам. Имперское воображение средневековых арабских династий, колониальных британцев, а теперь и Соединенных Штатов было охвачено этой тревогой. Мы должны водрузить свои «историографические ноги» на фронтирное пространство современного Афганистана, Пакистана и северной Индии, чтобы увидеть проблемы, возникающие в региональном воображении, в диалоге, специфичном для региона, и в локальных историях. Помещение себя на фронтир открывает различные перспективы, которые не видны имперскому глазу. Обращать внимание на локализованное производство истории и памяти означает деконтекстуализировать бывший до этого единственным актуальный контекст – имперский. Это изменение перспективы показывает: то, что мы часто обозначаем понятием «фронтир», имеет свою собственную центральность.

Ключевые слова

Фронтир, Синд, Зеркало Адама, имперское видение, колониальные истории, арабское завоевание Синда

¹ Редакция журнала выражает благодарность Манану Ахмеду Асифу и редакции *Economic & Political Weekly* за предоставления права на перевод и публикацию статьи Manan A. (2011). *Adam's Mirror: The Frontier in the Imperial Imagination. Economic and Political Weekly*, 46 (13), pp. 60-65

ПРОЛОГ

В «Книге подарков и драгоценных вещей» аз-Зубайра «Китаб аль-Хадайя ва аль-Тухаф», созданной в XI в., включающей описание дани, собранной мусульманскими царями на протяжении веков, содержится отчет о фрагменте зеркала, которое был получено как дань омейядскому халифу Муавии ибн Абу Суфьяну (ум. 680) от царя аль-Кикана из аль-Синда (Ghāda al Hijjāwīal-Qaddūmī, p. 175). С 660 г. н. э. арабские армии занимались выколачиванием дани из Тугр аль-Хинд в'аль-Синд (фронтир Хинда и Синда), медленно продвигаясь на территории к востоку от Хурусана¹, Кирмана, Шастана и Макрана (нынешние города, такие как Кандагар в Афганистане, Лахор, регионы Вазиристан, Белуджистан и портовый город Синд в Пакистане). Как сообщает аз-Зубайр, Адам получил это зеркало от Бога, когда тот спустился с небес, чтобы «он мог видеть все, что хотел на земле», независимо от того, было ли это хорошим или плохим. Муавия использовал зеркало, чтобы самому проверять состояние удаленных районов своего владычества, проконтролировать назначенных им губернаторов и командиров на полях сражений аль-Хинда ва'л Синд. Это зеркало, являвшееся частью его власти, оставалось в личной собственности Муавии до времен Аббасидов (с VIII в. и позднее), после чего, как сообщается, оно было потеряно.

Метафорическое прочтение переосмысления политики Омейядов в XI веке должно сохранить как тайну, так и опасность фронта. Оно фиксирует беспокойство, которое всегда вызывает фронт у предполагаемой власти – что происходит так далеко?² Это беспокойство, которое парадоксальным образом усваивает своеобразное увлечение фронтом, даже когда оно отталкивает более здравое понимание – оно одновременно делает фронт известным и непознанным. Фрагмент зеркала работает как метафора для этого напряжения – зеркало, которое отражает не зрителя, а далекого Чужого, представляющего потенциальную опасность. Сам фронт – это место напряжения, потенциальной опасности, исходящей от

¹ Khirusān – Великий Хорасан (Хурасан, Хурусан) – в средние века представлял собой огромную область от северо-восточного Ирана до северо-западной территории современного Пакистана (прим. редак.)

² Расстояние здесь, однако, нельзя следует воспринимать буквально. Если уж на то пошло арабский Синд находился не на большем расстоянии от губернаторов Бахрейна или Омана, Дамаска или Багдада. Но в имперском воображении арабский Синд находился на невероятно далеком расстоянии. Первая зафиксированная экспедиция, организованная в первую очередь для сбора информации, произошла уже в 800 н. э., когда министр Яхья ибн Халид Бармакидский отправился в путь с научной целью. Его доклад оставался единственным имперским документом о владениях на полуострове вплоть до аль-Беруни XI века. Но к тому времени военная и политическая власть перешла от Багдада к Газне.

варваров, которые могут неожиданно оказаться у главных ворот¹. Именно это беспокойство, это конкретное понимание фронта, как правило, доминирует над имперским воображением – оно затуманивает исторические случайности и особенности; а на их месте появляется экзотическая и неизвестная химера.

Эта тревога империи внедряется в сам фронт, ожидая, когда о ней вспомнят и оживят. 29 января 2009 г. на заседании Сената по утверждению кандидатуры Хиллари Р. Клинтон на должность госсекретаря США, председатель комитета по международным отношениям сенатор Джон Керри сделал следующие замечания:

«Мы с огромными трудностями боремся за и с людьми других культур, с другими языками, другими обычаями, историей, религией.... Мы не живем там. Мы не живем в общинах, в деревнях, в маленьких городках, в кварталах, как бы вы это ни называли. Потому, что мы не часто бываем там ночью. А Они – да. И ночью часто правят мятежники. Сложные ситуации есть как в Пакистане, так и в Афганистане. И я отправился в обе страны – и в Индию – сразу после Мумбаи, и был действительно поражен огромными расстояниями, которое мы должны преодолевать в обеих странах, сенатор. ... Это прошло, но продолжало достигать меня таким образом, что, на протяжении многих лет здесь, я, честно говоря, не уделял этому вопросу достаточного внимания. Но недавно прочитал замечательную книгу, я рекомендую вам Рори Стюарта, вы знаете, «Места между ними» и «Война навсегда», и целый ряд других, которые дадут вам возможность почувствовать все это, если вы действительно этого хотите. Я имею в виду, Гертруду Белл, Королеву Пустыни, – это увлекательное исследование региона и отношений между племенами. Вот то, о чем я хочу сказать» (Senate Confirmation Hearing for Secretary of State Nominee Hillary Clinton).

Ответные замечания Клинтон повторили тезис Керри, а также данную телеологию:

«Сидя здесь сегодня, я вспоминаю о своих поездках в Афганистан, мой перелет над той местностью, и мое осознание истории возвращается к Александру Великому и, конечно же, к имперскому опыту британских военных и памятным стихам об Афганистане Редьярда Киплинга, Советский Союз, который отправил туда

¹ Более явную переработку этого беспокойства, локализованного в зеркале, мы обнаруживаем во французском «Роман об Энее» XII в., содержащим описание гробницы Камиллы, где зеркало прикреплено к потолку и в котором они могли видеть очень хорошо, когда кто-то приближался, чтобы напасть на них, будь то по морю или по суше. Те, кто находится внизу башни, никогда не будут побеждены в войне, так как видели в зеркале своих врагов, приближающихся к ним. Таким образом, они могли хорошо себя обезопасить и подготовиться к обороне; их было бы нелегко застать врасплох». См. (Lankewish, p. 208).

гораздо больше войск, чем мы собираемся, – Я имею в виду, цель, к которой мы стремимся, требует огромного смирения» (Senate Confirmation Hearing for Secretary of State Nominee Hillary Clinton)¹.

В языке сенатора Керри отчетливо присутствует фронтир, хотя он никогда и не использует это слово. Пространство, которое он описывает, находится на краю, хаотичное, разрушительное, темное, непознаваемое. Здесь роль зеркала Адама играет литературный репортер, отправленный из империи к границе – Редьярд Киплинг, Рори Стюарт, Т.Э. Лоуренс, Гертруда Белл – те, кто могут идти, общаться с местными народами, проходить через этот фронтир, чтобы либо воспроизвести его в образе столицы, либо воспроизвести его образ для столицы. Здесь снова скрывается таинственность и опасность фронта, проявленная либо в романтических тонах, либо катастрофических. В телеологии империй, которую представляет Клинтон – от Александра до британцев, до Советского Союза и, наконец, до США, – это еще одно проявление тревоги, порождаемой фронтиром, забвение известных времен, исчезновение знакомых географических регионов, намеренное дистанцирование от фронта. Генеалогия отражает не только конкретные связи между империями и фронтиром, но также и прошлое, которое империя предпочитает признавать, знать и осмысливать. Афганистан, Пакистан, особенно регионы Вазиристан, Белуджистан и Нижний Синд, выступают в качестве внутреннего фронта империи США. На языке империи, это фронтирное пространство позиционируется как пустое (образно говоря) и хаотическое (аналитически говоря). Фронтир становится местом непрерывных споров и сражений и всегда по определению остается удаленным от упорядоченной столицы.

Он находится в состоянии постоянного перемещения, заполненного только пересекающими его людьми. Он предельно в том смысле, что он находится на окраине, между зонами, неспособен создать свою собственную субъектность. Его жители не могут быть визуализированы исторически, политически или социально. Именно его лиминальная природа, это существование вне пределов закона, с одной стороны, позволяет беспилотникам летать над регионом, осуществляя «фронтирное правосудие» (чтобы пробудить американский Запад), без явной необходимости суда, присяжных или судей и, с другой стороны, позволяет империи только ограниченно

¹ Из речи Х. Клинтон в Сенате США 13 января 2009 г. во время назначения ее на должность госсекретаря США: «Sitting here today, when I think about my trips to Afghanistan, my flying over that terrain, my awareness of the history going back to Alexander the Great and, certainly, the imperial British military and Rudyard Kipling's memorable poems about Afghanistan, the Soviet Union, which put in more troops than we're thinking about putting in – I mean, it calls for a large dose of humility about what it is we are trying to accomplish» (прим. редактора).

знать об этом. Зеркало Адама Омейядов теперь воссоздается камерой с высоты 5500 метров на беспилотном летательном аппарате (БПЛА) и точкой зрения британского ученого, писателя и политика Рори Стюарта, тесно соприкасавшегося с местными реалиями.

При взгляде через камеру беспилотника фронтир как совершенно знаком, так и безумно не познан. Эта способность вытеснять все другие нарративы о пространстве, которое она определяет, как «фронтир», принадлежит только империи, и поэтому именно к имперской истории мы должны прежде всего обратиться. Не для того, чтобы объяснить имперскую историю, а для того, чтобы продемонстрировать в архивах империи, далекой от нашего настоящего, те же самые жесты формирования фронта, которые можно увидеть в британских или американских делах.

Далее я хочу прервать время, которое течет в формулировке Клинтон. Я хочу привести в обсуждение империю Омейядов и ее отношение к фронтиру. Я делаю это, чтобы подчеркнуть, что особые способы познания и незнания фронта являются составляющими имперского опыта, и отслеживание этих путей познания иллюстрирует неизвестную местность, из которой фронтир, собственно, и состоит. Далее, я хочу поместить наши историографические стопы в само фронтирное пространство, чтобы увидеть проблемы, возникающие в региональном воображении, в разговорах по конкретному региону и в местных историях. Нахождение себя на границе открывает новые топографии, разнообразные перспективы, сети и маршруты, которые не видны имперскому глазу.

ПЕРВЫЙ ФРОНТИР

Арабская экспансия на фронтир аль-Хинд вал-Синда – полуострова на юге Азии, с рекой Инд в качестве естественной границы между аль-Синдом (регионом к северо-западу) и аль-Хиндом (регионом к востоку), стала в значительной степени результатом повторного закрепления последних остатков Сасанидской знати в восточных окраинах Хорасана и Кирмана в середине седьмого века. К 700 году н. э. регионы Систан¹ и Макран² – с их важными гарнизонами, такими как Кандагар, – постоянно заключали разные союзы, восставали, импортировали и экспортировали мятежные элементы, идеологии и ассасинов в Дамаск и крупные города Басры и

¹ Территория на юго-западе Афганистана и юго-востоке Ирана (прим. редак.)

² Мекран или Макран – территория в Западном Пакистане, расположенная на границе с Белуджистаном (прим. редак.)

Куфа против двора Омейядов. Усилия по «контролю» над этим регионом, в конечном итоге, привели к успешной кампании 712 г. н. э., которая позволила Омейядам создать гарнизоны в портах на реке Инд и открыла безопасный морской маршрут из Адена в Синд. Победа, как и все предыдущие победы в регионе, была недолгой, и на протяжении всего восьмого века многочисленные экспедиции направлялись на фронт, так как Гурджара-Пратихары¹ на северо-западе и Раштракуты² в Декане являлись постоянной угрозой этому арабо-мусульманскому княжеству. Ожидание опасностей, исходящих с территории военного фронта, хорошо отражено в арабской исторической и экзегетической традиции. В разделе о территории фронта аль-Хинд валь Синда в «Китаб Фухух ал-Булдан» (Книга завоевания земель) ал-Баладури³ (ум. 892), имеются множественные описания постоянных промахов и неудач, которые испытывали арабские армии в Забулистане, Систане и Мекране. С самого начала аль-Баладури сообщает о предостережениях третьего халифа Усмана (ум. 655), надеявшегося ограничить передвижение мятежных сил в регион и из него, и получившего донесение от разведчика, посланного в регион:

«О, повелитель правоверных, я исследовал его и хорошо знаю».

Калиф сказал: «Опиши это».

Он сказал: «Водоснабжение скудное, финики плохие, а разбойники дерзкие. Маленькая армия там потеряется, а большая армия будет голодать» (al-Balādhurī, pp. 416-17). Это предостережение оттеняет повествование о различных мусульманских кампаниях в регионе – аль-Баладури неоднократно ссылается на нарушение фронтальных договоров, уничтожение городов с их гарнизоны, убийство губернаторов или их смещение из-за коррупции. В его рассказе эта восточная граница империи Омейядов остается неустойчивой и неустроенной, постоянно истощая казну. Список армий и командиров, приведенный аль-Баладури, иллюстрирует постоянное давление, которое фронт оказывал на Омейядов. В 663-64 гг. Абдалла аб Саввар аль-Абди возглавил две

¹ Гурджара-Пратихара – индуистская династия, правившая на северо-западе Индии в VI – XI вв. Столицей империи был город Каннаудж. Слово «Пратихара» в наименовании династии является своеобразным эпитетом, означающим «защитник», так как себя они называли «защитниками Арьяварты» – Северной Индии». (прим. редак.)

² Индуистская империя Раштракутов (753 — 982 гг.) была одним из крупнейших государств в мире. Эта династия правила на значительной части Индии, соперничая могуществом лишь с Гурджара на северо-западе и государством Пали на северо-востоке. (прим. редак.)

³ Ахмед аль-Баладури (аль-Балазури) – полное имя Абуль-Хасан Ахмад ибн Йахья ибн Джабир ибн Дауд, известный историк, поэт. Аль-Баладури является его прозвищем, так как он якобы умер, испив масло ореха растения баладур (balādhur – *Semecarpus anacardium* L.). Баладур, близкий родственник кешью, издревле употреблялся в народной восточной медицине в качестве стимулятора, особенно для улучшения памяти. (прим. редак.)

экспедиции в Кикан¹, во второй из которых он погиб. В 665 г. Синан ибн Салама дошёл до Макрана и соорудил там форт. Успехи Синана, однако, длились недолго, так как арабы то теряли, то вновь возвращали контроль над ним; это происходило до тех пор, пока в 672 г. аль-Мунзир ибн аль-Джаруд аль-Абдиис смог вернуть форт окончательно. Местные династии, такие как Зунбиль из Заминдавара и Забулистана, и Кабульшахи Кабула, были иногда вынуждены платить дань, но из-за отсутствия постоянной арабской армии на местах они часто меняли, по словам аль-Баладури, свое решение, оказывая яростное сопротивление.

Кампании по покорению Забулистана оставили глубокий след в истории региона. В 698 г. Омейяды отправили в Забулистан губернатора Убайдуллаха б Аби Бакра в Забулистан во главе Джейш аль-Тававис («Армия разрушения»)² на усмирение региона. Они были захвачены и в значительной степени уничтожены, что положило конец экспедициям Омейядов в регион на следующее десятилетие (Bosworth, 1973)³. Это породило целый ряд поэтических и мифических рассказов об обреченной армии. Один из них сохранился в начале X века географического трактата Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» (Книга путей и царств) ибн Хордадбеха (ум. 913), где он воспроизводит популярные плачи о многочисленных могилах арабских солдат, погибших в Кандагаре⁴.

Это взаимодействие, военное и политическое, также стимулировало производство знаний об этом фронтире в самых

¹ Кикан – территория проживания племени кикан, рядом с Боланским проходом в пакистанском Белуджистане (прим. редак.)

² Убайдуллах б Аби Бакра был повторно назначен губернатором Систана в 697-8 гг. и послан на покорение государства Зумбиль в 698 г. во главе «Армии Разрушения» – Джейш аль-Фана. Его армия потерпела полнейшую неудачу, а сам он умер на обратном пути. Войска Зумбиля применили старую испытанную стратегию, заманивая войска Аби Бакра в суровые бесплодные земли. Воины умирали не сколько от урона, наносимого стремительными атаками противника, сколько от болезней и голода. Армию же Джейш аль-Тававис («Армия Павлинов») возглавил Абдаррахман б Мухаммад б аль-Ашас. Он направил свою армию через год, после провала Аби Бакра. Ему удалось медленно вытеснить своих противников с их территории с помощью постройки многочисленных фортов. В конечном итоге он смог навязать Зумбилю мирный договор и заставить платить подать, однако, отношения аль-Ашаса с наместником аль-Хаджжажем вскоре испортились, Павлинья Армия под предводительством аль-Ашаса восстала против аль-Хаджжаджа (прим. редактора).

³ См. прим. выше.

⁴ Этот эпизод часто пересказывался ориенталистами, которые видели в этих событиях отголоски англо-афганских войн второй пол. XIX века: «Во времена аль-Муктадара (916), при рытье фундамента для башни в Кандагаре, была обнаружена подземная пещера, в которой были тысячи тел арабов, всех прикованных к одной и той же цепи. Все оставалось в хорошей сохранности с 70/698 г., дата эта была установлена по кусочкам бумаги с именами, привязанным ниткой к ушам 29 наиболее важнейшим черепакам. Это означало, что арабы поначалу не имели большого успеха в своей компании против этого города, однако, они все же овладели им». Конечно, эта нота о возможном триумфе в конце казалась пророческой для участников войны, и история функционировала не как эхо исторических событий, а скорее, как демонстрация страхов, вызванных примерами дикости на фронтире. См.: (Ferrier & Seymour, p. 323).

разнообразных жанрах, которые обычно составляют имперское знание: историческое, административное, географическое и чудесное. Как упоминалось ранее, первое посольство из Багдада в аль-Хинд и аль-Синд отбыло в 800 г. и стало основой для многочисленных географических и исторических отчетов. Ряд ключевых арабских географов посетили арабский Синд в IX, X и XI вв. Однако, когда дело шло об этом фронтире, в «официальных» мусульманских донесениях наблюдался общий дефицит. Всеобщие истории, такие как, например, аль-Табари (ум. 923) и аль-Якуби (ум. 897), уделяли мало внимания описанию аль-Хинд вал-Синду. Этот недостаток сведений в исторических и географических текстах трактуется некоторыми авторами как свидетельство отсутствия политического и религиозного значения Синда для арабского государства. Халид Блэнкиншип, например, отмечает, «подавляющий географический уклон» в сторону крупных городов Ирака, в результате чего «важность событий определялась только их близостью и влиянию на столицу (Blankinship, 1994, p. 259). Но это, по-видимому, ограниченное понимание как фронта, так и центра – или, по крайней мере, кардинально атомизированное, с фиксированными понятиями «центра» и «фронта».

Но, как видно из различных географических и исторических свидетельств, арабский Синд, особенно во времена арабского политического и военного присутствия, играл важнейшую роль в таком жанре арабской литературы, известном как «Аджаиб ва гараиб» (Чудеса и диковинки). Тексты «Аджаиб аль-Хинд» («Чудеса Индии»), появившиеся в конце IX века, являются хорошо известным источником исторической, географической и экзотической информации об этом фронтире. В этом жанре, который также содержит большое количество торговых и морских данных, лежит экзотический пейзаж, который пестрит золотыми муравьями, гигантскими орлами и другими ужасными существами – одни в Кашмире, другие в Кабуле, третьи в Мултане. Изучение чудесных сказок в жанре «Аджаиб аль-Хинд» показывает, что они в значительной степени заимствованы из греческих источников, часто воспроизводящих рассказы II или III вв. до н. э., с небольшими изменениями в контексте арабо-исламской традиции (см. Ahmad, 1989). То, что эти фантастические элементы смешались в одном тексте с подробными морскими отчетами о расстояниях, ветрах и течениях, условиях портов, отражает тщательно откалиброванное знание/незнание, имеющее отношение к имперскому фронтиру.

Именно этой настойчивости литературного и политического воображения тхугра (фронта) мы можем приписать появление

зеркала Адама в тексте XI века. И подобное литературное и политическое воображение, неуютно покоящееся в имперском сердце, формирует наше сегодняшнее понимание того же фронта. Более 250 лет фронт аль-Хинд валь-Синда оставался статичным в имперском видении, на которое можно было проецировать нечто фантастическое, причудливое и непостижимое. В тот же период торговля в Индийском океане вновь стала доминирующим звеном, что привело к обширному интеллектуальному и идеологическому перемещению отдельных обществ, в результате чего были получены знания по конкретным местам. То, что этот фронт, хотя и в пределах империи, сохранил очарование экзотики и страха, отражало баланс знания и незнания, которые составляли представления о Чужих в империи. Любой восстановительный акт против империи, любая историографическая корректировка имперских повествований должны начинаться с изучения этого воображения, но на этом она не может остановиться. Она должна поместить себя на фронт, вне зеркала Адама.

ВЗГЛЯД С ФРОНТИРА

В 1868 г. в эссе, озаглавленном «Демократические дали»¹, поэт-философ Уолт Уитмен сделал предсказание об американском фронтире.

«Через несколько лет центр Америки будет располагаться далеко на Западе. Наша будущая национальная столица может оказаться не там, где сейчас. Вполне возможно, что, скорее всего, менее чем за 50 лет она сдвинется на одну или две тысячи миль, будет заново основана, и каждая ее часть будет сделана по другому плану, оригинальному, более совершенному». (Whitman, p. 951)

Это магнетическое притяжение фронта к центру, мотивированное спросом на новые таланты, на новую энергию, на новые «запасы», редко упоминается в литературе, описывающей модель центр-периферия. У Уитмена есть подтекст, который стоит явно отметить – фронт не пуст. Жители этого фронта, пространство, куда должна сдвигаться империя, являются необходимым стимулом для этого движения.

В этом смысле все это аналогично движению исламизированных столиц на фронт «аль-Хинд валь-Синда» – от Дамаска до Багдада, Самарры, Газни и Гура, а также притоку персов, тюрок и индийцев, проживающих на «фронтире», которые определяли характеристики империи «со всеми сохранившимися старыми, но более

¹ На самом деле «Демократические дали» (Democratic Vistas) были опубликованы в 1871 г. (прим. редак.)

расширенными, привитыми к более новым, более крепким, исключительно местным основам» (Whitman, p. 951)¹. Логическим продолжением такого прочтения было бы поместить себя в пространство фронта и изучить способы, которыми империя отражается и преломляется в истории и политике. Обращать внимание на локализованное производство истории и памяти – это не просто осуществлять пассивно научный поиск “институтов” в архивах. Это означает пытаться зафиксировать нарративы, которые империя создает о себе. Это деконтекстуализировать единственный контекст, который представляется уместным – имперский. Это изменение в перспективе является не просто корректирующим, но основополагающим, поскольку показывает, что обозначаемый “фронт” имеет свой собственный центр.

Ко времени аль-Мутасима (813-33)², Аббасиды направили в районы аль-Хинд вал Синда длинный список губернаторов. Период между смертью аль-Мутасима и убийством аль-Мутаваккиля (833-61)³ был одним из довольно стабильных в Багдаде. Большое число толкователей хадисов, грамматиков, богословов добрались до портовых городов Гуджарата и Синда, а затем и до Лахора. Точно так же процветало движение товаров из Аль-Хинда через Персидский залив в Багдад и Каир. Керамика и монеты, найденные в Самарре, Фустате, Дайбуле⁴ и Мансуре, показывают, что межрегиональная торговля процветала во время этого периода. Одним из признаков стабильности этой торговли было появление многочисленных мощных региональных центров, которые процветали в IX и X веках – Махания в Гуджарате, Хабари в Синде, и Саффарида и Саманида от Газны до Мултана. Газнавиды (962-1186)⁵ являются, пожалуй, самыми известными из-за расширения границ своей империи по всему аль-Хинд валь Синд, соединившими вместе все города от Газны до Лахора и до нижней части долины Инда.

Создание Делийского султаната из фрагментов империи Гуридов вновь создало новое политическое пространство в более широком регионе, охватывающем фронт. В XIV, XV, XVI и XVII вв. в Синде, Белуджистане и на юге Афганистана были созданы государства с мощной политической и социальной базой – Сумра и Самма (располагавшиеся в Макране), Арган (в Кандагаре) и Тархан. Вокруг

¹ Там же.

² Все даты взяты с оригинальной статьи автора Manan A. (2011). *Adam's Mirror: The Frontier in the Imperial Imagination*. *Economic and Political Weekly*, 46 (13), pp. 60-65. В данном случае годы правления аль-Мутасима определены нами как 833-842 (прим. редактора).

³ Годы правления аль-Мутаваккиля определены нами как 847-861 (прим. редак.).

⁴ Дебаль (прим. редактора).

⁵ Годы правления династии Газнавидов определены нами как 977-1163 (прим. редак.).

них были империи пороха – Узбеки (1500-1785)¹, Моголы (1526-1858) и Сефевиды (1501-1722), которые часто настаивали на том, что это был фронт – встреча границ, зона конфликтов и неконтролируемого хаоса. Отсюда и авантюра Бабура в 1520 году, Акбара в 1592 году, Надир-шаха в 1739 году, Ахмада-шаха Дуррани в 1753 году и, возможно, что наиболее актуально, Ост-Индской компании в 1843 году.

Вышеприведенная вереница политических династий и концернов оставила свои следы в истории – в выстраивании среды, распространении артефактов, в воспоминаниях. Все они дают совершенно иную концепцию пространства, границ и принадлежности, чем вид из столиц: Багдада, Дели, Агры или Лондона.

Рассмотрим персидский текст начала XIII века, написанный в Тэтте (Синд) и широко известный как Чачнама. Созданный для придворной аудитории, трактат описывает Синд VII века, чтобы дать высшим советникам правителя общее представление о государстве, существовавшем здесь до прихода ислама. Придворные писцы и историки пишут, что город Арор, являвшийся столицей Хинда и Синда, был большим городом на реке Сехван (которую мы называем Мехран²), с многочисленными прекрасными дворцами, живописными пастбищами, каналами, фонтанами, садами и цветниками. И в этом оживленном городе был индийский раджа по имени Раи Сехрас аб Сехаси, который владел неизмеримыми сокровищами и богатствами. Во всем мире знали о его справедливости, а о его щедрости ходили легенды. На Востоке его царство простиралось до Кашмира; на Западе до Мекрана, на Юге до Дайбула³ и морского побережья, а на Севере граничило с народом Кикан. Для каждой приграничной территории он назначил четырех губернаторов – одного в Брахманабад⁴, другого – в Систан, еще одного в Искандари и еще одного в Мултан. Сам он находился в столице, поддерживая губернаторов войсками и оружием. Он давал им четкие указания по защите границ, чтобы никто не мог прорваться извне (Baloch, p. 18).

¹ Речь идет про Бухарское ханство. Узбекское ханство существовало много раньше – 1428-1468 гг. (прим. редак.)

² Рекой Мехран жители Синда называли нижнюю часть Инда. (прим. редак.)

³ Дайбул или Дебал – древний город-порт, расположенный недалеко от полуострова Манора (прим. редак.)

⁴ Стратегически важная территория на юге современного Пакистана. После захвата этой территории мусульмане построили здесь в середине VIII в. крепость – Мансура. (прим. редак.)

Текст далее описывает правление царя-брамина Чача, который покорил это царство и продолжал посещать границы своего нового государства¹.

«В Кашмире он посадил два дерева – один дуб и один бук, и ждал, пока они вырастут, а их ветви переплетутся друг с другом. Он заявил, что это граница между раджой Кашмира и нами. Никто не пересечет ее без разрешения. В Макране он посадил бушель финиковых деревьев и начертал на стволе эмблему своего двора, обозначающую предел его власти. Он возвел башню, с которой должны были звучать на рассвете и на закате пять труб» (Baloch, p. 39).

Это уже реализованная картина царствования заметно отличалась, конечно, от традиций Чакравартина, Султана Камиля или Бадшах-Алама, или других традиций, уготованных для царей, завоевателей и правителей, чьими владениями всегда был весь мир. Его тщательное разграничение рельефа также в значительной степени игнорируется учеными, поскольку оно не вписывается ни в модель центр-периферия, ни во фронтирную модель.

Учитывая тот факт, что этот персидский текст был создан на фронтире, мы можем упомянуть еще несколько таких локализованных текстов, касающихся не имперских столиц, а их собственного региона. Это трактаты Тарих-и-Табакат-и-Мубаракшахи, написанный в начале XVI века и являющийся нашим главным источником по Самма², и Тарих-и-Тахири, написанный в середине XVI века, которые были созданы в городе Татте. И в том, и в другом трактате империя Моголов, деяния Хумаюна и Акбара, являются лишь фоном, призванным придать региональным проблемам первостепенное значение, поставить в центр рассказы о взлетах и победах, описания фортов, городов и портов (особенно Таты, Мултана, Лахора и Кандагара), пересказать фольклорные истории и биографические заметки о выдающихся поэтах и суфиях. В отличие от материалов, составленных в столице, эти тексты были ориентированы не на экзотику или волнения, а на жизнь окружающих их сообществ. Тарих-и Масуми и Бегларнама XVII в., Тухфат ул-Кирам XVIII в. и Лубб-э Тарих-и Синд (XIX в.) стали одними из ключевых текстов, написанных на фронтире Синда.

¹ Чач (631-711 гг.) был брамином и занимал должность премьер-министра при дворе Рай Сахираса II правителя Синда. После смерти последнего он женился на вдове своего покойного господина и узурпировал власть в государстве. Ему не только удалось удержаться на троне, но и приумножить территорию своего государства (прим. редак.)

² Династия Самма – могущественная династия раджпутов, принявших ислам. Правители 1351–1524 гг. в Синде. Столицей их государства был город Татта, расположенный в нижнем течении Инда. (прим. редак.)

Наиболее важным приоритетом, которым обеспечивают нас эти фронтирные тексты, является информация о местных обычаях, местной культуре и биографиях знатных людей. Напрашивается банальный вывод, что имперский взгляд на фронтир всегда был направлен на обобщение частного, на вывод закономерностей, на предсказание поведения. Сила этих конкретных текстов заключается в смещении описательного фокуса с диагностического или программного на живое и социальное. Это восприятие пространства полностью отсутствует в зеркале Адама.

Возьмите Тухфат ул-Кирам (Дары Щедрых) Мир Али Шер Кани (1727-1788), историю, вдохновенную подвигами духовных и мистических лидеров Синда и основанную на народных преданиях и легендах о различных городах, центрах и кладбищах. Кани является автором более 42 работ, в том числе многочисленных сборников стихов (он в совершенстве владел поэтическими формами маснави и касыда)¹; словаря персидских поэтов провинции Синд – Мукаллат-э Шура (1760); истории от Аббасидов до Кальхоры² – Тарикх-и Аббаси (1761); и поистине уникального труда по истории культуры Синда, включающего все: от моды до кулинарии, умений и способов релаксации – Нисаб уль-Булгха (1783).

Тухфат уль-Кирам (1761) состоит из трех томов. Первый посвящен истории пророков, вплоть до ранних халифов. Второй состоит из семи разделов, каждый из которых содержит истории городов Синда, Белуджистана и Афганистана, а также биографиям их духовной и правящей элиты. Третий том посвящен истории региона и заканчивается династией Кальхора. Тухфат уль-Кирам уделяет внимание преимущественно культурным и духовным аспектам, переплетая в единое повествование романтические истории, кулинарные практики, суфийские жития и обсуждение магических свойств предметов быта. В целом, Кани использует историю региона, институтов, домашних хозяйств, чтобы проиллюстрировать «превосходство» определенных практик и продвигать региональную точку зрения, которая, как он сетует, отсутствует в работах по истории, составленных при дворах.

¹ Имя Кани было его поэтическим псевдонимом. Мир Али Шер Кауне Таттви начал слагать стихи еще в детстве (прим. редак.)

² Кальхора или династия Кальхора правила в Синде с 1701 по 1783. Основной удар могуществу династии был нанесен войсками Надиршаха, но окончательно они утратили свою власть в результате борьбы с племенем тальпур в битве при Халани (1782). Это было грандиозное сражение с применением артиллерии, причем сражение шло как на суше, так и на воде. В результате могущество кальхорцев было свергнуто, а тальпурцы смогли основать свою династию, которая просуществовала вплоть до 1843 г. (прим. редак.)

Эти истории, эти гробницы, эти политические философии, политические теологии, руководства по управлению и генеалогии правления являются недостающими звеньями в историческом повествовании Клинтон («мой полет над этой местностью, мое осознание истории восходит к Александру Великому и, конечно же, к имперскому опыту британских военных»). Моя попытка восполнить этот пробел не является стремлением добиться библиографической или энциклопедической законченности. Это попытка уменьшить телеологическое расстояние (более 2100 лет, которые отделяют Александра от имперской Британии в этой «местности»), чтобы придать значимость контекстам, более важным для этого конкретного имперского приключения.

НА ОКРАИНАХ АМЕРИКАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Дискуссия об «имперскости» США после 1989 года набрала обороты в период 2001-03 гг, когда их военно-политическое возмездие за нападения 11 сентября 2001 года создало совершенно новый геополитический мир. Взяв за образец Британскую империю конца 19 в., историк Найл Фергюсон заявил в октябре 2001 года, что США должны были стать колониальной имперской державой или рискнуть потерять мир в хаосе (Ferguson, 2001). Это решение прошло незамеченным само по себе, так как, несмотря на администраторов, таких, как Залмай Халилзаде, Джей Гарнер и Л. Пол Бремер, США решили ограничить колониальный угол своих имперских процессов. Отсюда раздражительное заявление тогдашнего министра обороны Дональда Рамсфелда в апреле 2003 года: «мы не стремимся к империи ... мы не империалисты. Мы никогда ими не были» (Boot, 2003). Принятые за чистую монету, такие протесты воспринимаются как доказательство того, что США являются «антиколониальной» империей, которая никогда не была заинтересована во владении колониями (следовательно, никогда не развивала административное или служебное ядро колониальной бюрократии)¹. Но это не отменяет имперского видения в глобальном масштабе, которое связывало сменявшие друг друга режимы США и общественность с самого начала. Вот, например, ода, написанная Фрэнсисом Хопкинсоном, напечатанная на брошюрах и распространенная на параде в честь Дня Независимости 4 июля 1788 года в Филадельфии: «О, ради музы огня! Подняться в Небеса / и Провозгласить внимающему миру / Узрите!

¹ Это первый пункт в замечательном аналитическом эссе Энгсен Хо, посвященном имперскости США. Я весьма признателен критическим мыслям Хо по данному вопросу. См.: (Engseng Ho, 2004)

Узрите! Империя восходит!” (Hopkinson, p. 1018). Ода была озаглавлена “Триумф Колумбии”, используя теперь почти забытое название для США, которые распространили свой триумф за пределы морей.

Это случилось! Случилось! Сыны мои! Вскричала она.

В войне вы доблестны, в Совете умны.

Мудрость и отвага защитят мои права,

И распространятся они на мои обширные владения.

Наука расцветет, гений расправит крылья,

В родных напевах слышатся музы Колумбии;

Богатство венчает искусство, а Правосудие выравнивает весы,

Коммерция свой тяжеловесный якорь поднимает

... Широко расправляет паруса.

И в далеких морях реет ее флаг (Hopkinson, p. 1018).

Это видение глобальной имперской достижимости было четко сформулировано еще раньше. Далекий мир был всегда виден, всегда достижим – Джеймса Морз¹ в пятом переиздании своей «Американской всеобщей географии» (1797) поместил пространную главу о “Синдском Хиндустане”, описывающую такие города, как “Лахор, Кашмир, Кабул, Гизни или Газна², Кандагар, Мултан, и Татта”. Это понимание глобальной географии и влияния глобального капитала наиболее четко прослеживается в законе «О гуановых островах» 1856 года. Стимулированный тем же настроением, договор 1821 года между Ост-Индской компанией и Тальпурами Синда прямо запрещал “другим европейцам и американцам селиться в Синде”³. Этот договор 1821 года был заменен договором 1830 года и окончательно аннулирован, когда компания аннексировала Синд в 1843 году, после катастрофической Первой англо-афганской войны 1841 года. Аннексия, как убедительно доказывал Джон Вонг, во многом была вызвана желанием компании и далее контролировать производство и транспортировку опиума с бенгальских плантаций в Китай. Согласно описанию Вонга, военные и торговые круги США были глубоко вовлечены в глобальную опиумную сеть в качестве поставщиков и перевозчиков в Индийском океане (Wong, 1998).

¹ Jedidiah Morse (1761 – 1826) – американский проповедник и географ. Его по праву называют «отцом американской географии». Дж. Морз был также отцом художника и изобретателя Самуэля Морзе, известному своими изобретениями аппарата Морзе и азбуки Морзе. (прим. редак.)

² Речь идет про город Газни, расположенный недалеко от Кабула. Это была столица государства Газневидов (прим. редак.)

³ Неясно, направлен ли он был против торговцев и купцов в регионе или против миссионерской деятельности. Американские церкви вкладывали большие деньги в миссионерскую деятельность в Пенджабе и Синде в этот период периода. См., например, (The First Annual Report of the Board of Foreign Missions 1838).

Поразительно то, что ни региональные истории, ни собственное имперское прошлое США не видны в нынешних нарративах, и ни одно из них не связано с постколониальными научными трудами о *Rex Americana*. Преобладающим сравнительным проектом для американской империи остается британский пример в Западной и Южной Азии. Критики американских стратегий в Афганистане или Пакистане редко сами осознают историческое прошлое региона и редко погружаются в местные нарративы. Попытки, оттолкнувшись от частных случаев, перейти к обобщениям, в результате производят стопки ученых книг о «племенах» или «ислализме», которые, в лучшем случае, перерабатывают британские колониальные стратегии контроля и господства. Зеркало Адама, как метафора, отражает один из тропов эпистемологического взаимодействия с фронтиром – прямой, нефильТРованный репортаж, конечный информатор, который не имеет предвзятости и которому нет необходимости отсеивать личность от знания.

В более категоричных терминах, с точки зрения империи, фронтир остается неподвижным, застывшим пространством – будь то зеркало Адама Омейядов или видоискатель американского беспилотника. Зеркало Адама показывает свою ограниченность не в самом объекте – а в *raison d'être* – намерениях смотрящего.

Список литературы

- al-Balādhurī . (1988). *Futūh al-Buldān*. Beirut: Maktaba al-Hilāl.
- Baloch, N. (1983). *Fathnamah-i Sind: Being the Original Record of the Arab Conquest of Sind*. Islamabad: Institute of Islamic History, Culture and Civilisation.
- Blankinship, K. Y. (1994). *The End of the Jihād State: The Reign of Hishām Ibn ‘Abd Al-Malik and the Collapse of the Umayyads*. Albany: State University of New York Press.
- Boot, M. (2003, April 5). American Imperialism? No Need to Run Away from Label. *USA Today*.
- Bosworth, C. E. (1973). Ubaidullah b AbīBakra and the ‘Army of Destruction’ in Zabulistan. *Der Islam*, 268-83.
- Engseng Ho. (2004). Empire through Diasporic Eyes: A View from the Other Boat. *Comparative Studies in Society and History*, 46(2), 210-46.
- Ferguson, N. (2001, October 31). Welcome the New Imperialism: The US Must Make the Transition from Informal to Formal Empire. *The Guardian*.

- Ferrier, J. P., & Seymour, H. D. (1856). *Caravan Journey and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan and Beloochistan*. London: John Murray.
- Ghāda al Hijjāwīal-Qaddūmī. (1998). *Book of Gifts and Rarities*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hopkinson, F. (1788). Columbia's Triumph. *The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle*.
- Lankewish, V. A. (1998). Assault from Behind: Sodomy, Foreign Invasion, and Masculine Identity in the Roman d'Enéas. In S. Tomasch, & S. Giles (Eds.), *Text and Territoriality: Geographical Imagination in the European Middle Ages* (pp. 207-244). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Senate Confirmation Hearing for Secretary of State Nominee Hillary Clinton*. (n.d.). Retrieved November 14, 2010, from The American Presidency Project: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=85454>
- (1838). *The First Annual Report of the Board of Foreign Missions of the Presbyterian Church, in the United States*. New York.
- Whitman, W. (1997). *Poetry and Prose*. (J. Kaplan, Ed.) London: Fitzroy Dearborn.
- Wong, J. Y. (1998). *Deadly Dreams: Opium, Imperialism and the 'Arrow' War (1856-60) in China*. Cambridge: Cambridge University Press.

ADAM'S MIRROR: THE FRONTIER IN THE IMPERIAL IMAGINATION¹

Manan, A. A.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10006>

Manan Ahmed Asif, Associate Professor of Department of History, Columbia University. 1180 Amsterdam Avenue, MC 2527 New York, NY 10027

E-mail: ma3179@columbia.edu

Abstract

To the centre of any empire, the frontier is a site of anxiety, of potential harm, of barbarians who could be marching towards the gate. The imperial imaginations of the medieval Arab dynasties, the colonial British, and now the United States have been dominated by this anxiety. We have to plant our historiographical feet in the frontier

¹ The editors of the JFS are grateful to Dr. Ahmed Asif Manan and the «Economic & Political Weekly» Editorial Board for granting the permission to translate and publish the article Manan A. (2011). Adam's Mirror: The Frontier in the Imperial Imagination. *Economic and Political Weekly*, 46 (13), pp. 60-65.

space of present-day Afghanistan, Pakistan and north India to see the concerns which emerge from within a regional imagination, in a regionally specific conversation and in regional stories. Situating ourselves in the frontier reveals varied perspectives that are invisible to the imperial eye. To pay attention to the localised production of history and memory is to decontextualise the only context that appears relevant – the imperial one. This shift in perspective reveals that the oft-designated “frontier” has a centrality all of its own.

Keywords

Frontier, Sindh, Adam’s Mirror, Imperial visions, Colonial narratives.

References

- al-Balādhurī . (1988). *Futūh al-Buldān*. Beirut: Maktaba al-Hilāl.
- Baloch, N. (1983). *Fathnamah-i Sind: Being the Original Record of the Arab Conquest of Sind*. Islamabad: Institute of Islamic History, Culture and Civilisation.
- Blankinship, K. Y. (1994). *The End of the Jihād State: The Reign of Hishām Ibn ‘Abd Al-Malik and the Collapse of the Umayyads*. Albany: State University of New York Press.
- Boot, M. (2003, April 5). American Imperialism? No Need to Run Away from Label. *USA Today*.
- Bosworth, C. E. (1973). Ubaidullah b AbīBakra and the ‘Army of Destruction’ in Zabulistan. *Der Islam*, 268-83.
- Engseng Ho. (2004). Empire through Diasporic Eyes: A View from the Other Boat. *Comparative Studies in Society and History*, 46(2), 210-46.
- Ferguson, N. (2001, October 31). Welcome the New Imperialism: The US Must Make the Transition from Informal to Formal Empire. *The Guardian*.
- Ferrier, J. P., & Seymour, H. D. (1856). *Caravan Journey and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan and Beloochistan*. London: John Murray.
- Ghāda al Hijjāwīal-Qaddūmī. (1998). *Book of Gifts and Rarities*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hopkinson, F. (1788). Columbia’s Triumph. *The Gentleman’s Magazine, and Historical Chronicle*.
- Lankewish, V. A. (1998). Assault from Behind: Sodomy, Foreign Invasion, and Masculine Identity in the Roman d’Enéas. In S. Tomasch, & S. Giles (Eds.), *Text and Territoriality: Geographical Imagination in the European Middle Ages* (pp. 207-244). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Senate Confirmation Hearing for Secretary of State Nominee Hillary Clinton*. (n.d.). Retrieved November 14, 2010, from The American

Presidency Projec:

<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=85454>

(1838). *The First Annual Report of the Board of Foreign Missions of the Presbyterian Church, in the United States*. New York.

Whitman, W. (1997). *Poetry and Prose*. (J. Kaplan, Ed.) London: Fitzroy Dearborn.

Wong, J. Y. (1998). *Deadly Dreams: Opium, Imperialism and the 'Arrow' War (1856-60) in China*. Cambridge: Cambridge University Press.

РУССКАЯ ПРОЗА В КОНТЕКСТАХ ИЗРАИЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: КУЛЬТУРНЫЙ ФРОНТИР ИЛИ СЛУЧАЙ МАРГИНАЛЬНОГО НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

Кирчанов, М. В.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10007>

Кирчанов Максим Валерьевич, Воронежский государственный университет, 394000, Воронеж, ул. Пушкинская, 16.

E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация

Автор анализирует проблемы истории израильской прозы на русском языке. Литература Израиля развивается как гетерогенная литература, потому что страна стала родиной для евреев, которые прибыли из различных стран Европы, принеся с собой свои литературные традиции и другие национальные языки. Израильская литература на русском языке – неотъемлемый элемент современного гетерогенного и частично мультикультурного Израиля, несмотря на тенденции постепенной национализации политической и культурной сфер в современном израильском обществе. Предполагается, что русские писатели Израиля внесли свой вклад в формирование и развитие политической израильской идентичности. Автор полагает, что израильские писатели, которые эмигрировали из СССР, могли быть сионистами или нейтрально относились к политической идеологии. Предполагается, что израильская проза на русском языке, с одной стороны, стала проявлением ситуаций постколониальности и постнациональности. С другой, автор указывает, что литература на русском языке стала частью культурного фронта потому, что она принадлежит и к русской, и к израильской идентичностям. Несмотря на использование русского языка как языка литературы, израильские писатели русского/советского происхождения стали израильскими интеллектуалами. Русская литература Израиля существует как русская во внешних языковых формах, но ее внутреннее содержание актуализирует проблемы израильского общества. Русские авторы в этих интеллектуальных и культурных ситуациях фактически стали непонятны для современного российского читателя, потому что воспринимают российскую действительность как чужую. Логично предположить, что русская литература в Израиле просуществует еще несколько лет, став частью литературной истории Израиля. Нельзя исключать, что русские писатели в Израиле повторят судьбу своих соотечественников еврейского происхождения в США, потому что история американской литературы обеспечивает ее историков многими примерами, когда писатели европейского происхождения отказывались от еврейских исторических языков и становились заметными фигурами американской литературы.

Ключевые слова

История литературы, Израиль, эмиграция, интеграция, национализм, идентичность, русский язык, иврит, транскulturность

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. 19 июля 2018 года Кнессет принял закон о еврейском характере Государства Израиль, который стал еще одной попыткой институционализировать на практике политические принципы и идеалы еврейского национализма. Принятый закон предусматривает провозглашение иврита единственным государственным языком, а евреи становятся единственной группой на территории Израиля с правом самоопределения. Таким образом, предпринята попытка официально провозгласить евреев политической нацией, а Израиль – национальным государством евреев. Иерусалим в законе позиционируется как столица, особое внимание акцентируется на еврейском характере государственной символики. Израиль, на несколько десятилетий позже, чем другие страны официально признал свой курс на строительство и развитие национального государства и политической нации с сильным и устойчивым фундаментом этнического и частично религиозного национализма. Принятие этого закона и дискуссии вокруг него еще раз актуализируют важность и принципиальное значение фактора национализма и идентичности в израильском обществе, где некоторые социальные и культурные группы фактически имеют свои собственные версии идентичности и свое оригинальное и иногда весьма критическое и очень скептическое отношение к израильскому политическому проекту.

Введение в проблему. История национализмов и тех политических и / или этнических наций как воображаемых сообществ, которые они изобрели, вообразили и конструировали, принадлежит к числу тех направлений современного междисциплинарного знания, которые активно меняются и развиваются, ревизируя старые языки написания истории и предлагая новые модусы восприятия и переосмысления националистического опыта. Современная историография национализма за последние 10-20 лет стала практически необозримой потому, что проблемы истории национализма, формирования современных наций и роль национализма в современном мире привлекают внимание историков, социологов и политологов одновременно. Золотой век изучения национализма в России, когда им занимались единицы, а не десятки исследователей, канул в небытие.

Академический дискурс стал фактически необозримым, его систематизация затруднена (если вообще возможна), а каноны изучения национализмов и наций оказываются размытыми в условиях последовательной политизации и идеологизации национализма, а

также попыток некоторых авторов соотносить штудии национализма с требованиями современного российского политического класса и идеологической конъюнктурой. Тем не менее, существует несколько принципов, которые формируют неформальный консенсус в современных междисциплинарных штудиях национализма, а именно: корпус классических текстов, которые заложили как основы метода, так и языка академического описания и изучения национализма, возникшего в конце 1970-х – первой половине 1980-х; современная историография национализма, которая является преимущественно конструктивистской и модернистской; национализмы – первичные политические, идеологические, интеллектуальные, социальные и культурные явления, а нации – вторичные конструкты, воображаемые сообщества или изобретенные политически традиции.

Модернизм как универсальный язык описания национализма.

Модус описания национализма и модернистский язык, которые были предложены почти 30 лет назад, продолжают оставаться востребованными и доминируют в современной историографии национализма. Попытки ревизии этой модернистской эпистемологии национализма не были очень успешны. Единственным исключением можно признать проект «новой европейской истории», но и его вдохновители, российские и зарубежные историки, фактически используют модернистский язык и воспринимают империи как конструкты, последовательно воображая и изобретая их, конструируя их образы и деконструируя империи их национальных, социальных, политических и культурных памятней тех стран, которые имели опыт имперской государственности в своей истории.

Излюбленными героями современных междисциплинарных штудий национализма стали европейские нации, которые проживали на территории континентальных империй и были неравноправными и угнетаемыми группами. История чешского, словацкого, украинского, латышского, хорватского или любого другого национализма региона Большой Восточной Европы от Балтийского до Адриатического моря легко вписывается в основные положения модернистской историографии национализма, но теоретики и идеологи этих национализмов не существовали в интеллектуальном вакууме, и их соседями были группы, которые имели другие политические, этнические и религиозные идентичности.

Неспособность модернизма описать националистический опыт некоторых групп. Одной из этих групп были евреи, которые проживали в различных регионах Центральной и Восточной Европы,

занимая свои позиции и играя свои культурные и социальные роли в формальных и неформальных иерархиях. Евреи были видимыми и активными акторами социальных и политических процессов и перемен только потому, что антисемитизм одинаково поразил как элиты, так и другие социальные группы Восточной и Центральной Европы, став одной из предпосылок катастрофы европейского еврейства в Германии и оккупированных странах в период между 1933 и 1945 годами. В современной историографии национализмов Центральной и Восточной Европы евреи фигурируют как герои второго плана почти исключительно в контекстах истории тех или иных европейских национализмов, если их историки честны и последовательны настолько, чтобы писать о фактах антисемитизма и признавать вклад политических элит их стран в преследование и холокост евреев.

Примордиальная Инаковость еврейства как фактор игнорирования. Проблемы истории еврейского национализма и идентичностей, которые он изобретал, в подобной историографической ситуации обречены на то, чтобы оставаться с тени других, формально более привлекательных, тем и проблем. Несколько других факторов также содействовали этой историографической ситуации вынужденного замалчивания или игнорирования еврейского национализма. Евреи в европейской истории 19 и 20 века явно отличались от своих соседей, которые из традиционных сообществ трансформировались в современные политические нации. Евреи в политических культурах практически всегда были узнаваемы как универсальные Другие и в глазах идеологов европейских национализмов, отягощенных опытом антисемитизма, евреи существовали всегда и им не надо было доказывать, что они евреи. Рост политического и экономического антисемитизма, политика Холокоста в Германии с 1933 по 1945 год, репрессии против евреев в странах-союзниках Германии во Второй мировой войне, послевоенные погромы в некоторых странах Центральной Европы, создание Государства Израиль и возвращение части европейских евреев на историческую Родину существенно сократили число евреев, что частично содействовало их трансформации в невидимую группу в современных междисциплинарных штудиях национализма.

Исторически фиксированный опыт и проблемы его интеграции в современную парадигму изучения национализма. Древность евреев, их несомненное участие во всемирной истории, фиксирование различных форм и измерений еврейского культурного,

исторического, политического и религиозного опыта в источниках превращали евреев одну из самых древних наций. Эта репутация исторической и древней нации выделяла евреев среди центральных и восточных европейских групп, которые трансформировались в нации из традиционных сообществ только в 19 и 20 столетиях. Евреи, как нация, явно не вписывались в модернистскую парадигму истории национализма, хотя сторонники примордиальной историографии пытались апеллировать к национальному и историческому опыту еврейства, ставя его в один ряд с греками, армянами и грузинами, но попытки написания истории этих наций и тех национализмов, которые их сформировали, в примордиалистском стиле оказались не столь успешны как модернистские версии. Примордиальные версии истории оказались больше востребованы националистами, чем представителями академических сообществ.

Евреи как древняя этническая нация vs Мединат Исраэль как проект современной политической нации. Изучение истории еврейского национализма осложнено несколькими факторами. Алек Эпштейн полагает, что еврейский национализм «сформировался в период заката "золотого века" европейского национализма, что в значительной степени предопределило и успех сионистского проекта, и трудности его воплощения в жизнь» (Эпштейн, 2002). С одной стороны, стереотипы национальной идентичности утверждают, что евреи принадлежат к числу наиболее древних народов и сторонники позитивистской историографии приведут немало примеров фигурирования евреев в древних, средневековых и новых исторических источниках. С другой стороны, Мединат Исраэль, или современное Государство Израиль было провозглашено в 1948 году и процессы формирования современной израильской политической нации и идентичности стали частью новейшей истории и современности.

Культурный деятель Израиля и один из интеллектуальных лидеров русского сообщества Михаил Гробман вынужден констатировать, что Израиль не является «концептуальным государством» (Врубель-Голубкина, Гольдштейн, Шаус, & Гробман, 1999), то есть значительно отличается от других наций-государств как продуктов модерна. Израильская политическая идентичность в этих культурных и интеллектуальных ситуациях сочетает одновременно древность с элементами современного политического проекта, но тактики и стратегии воображения нации и изобретения израильской идентичности не столь хорошо изучены и описаны в историографии¹

¹ Число текстов о еврейском национализме и идентичности, написанных в стиле конструктивизма с использованием модернистского языка, незначительно. См. некоторые исследования западных и

как моменты политической, культурной, социальной и религиозной истории евреев в целом и современного Государства Израиль в частности, а попытки представителей еврейского интеллектуального и культурного сообществ вообразить, изобрести и культивировать идентичность средствами русского языка изучены в еще меньшей степени.

Цель статьи. Поэтому целью автора этой статьи будет попытка проанализировать, как и каким образом и способом советские евреи и израильские интеллектуалы культивировали и конструировали идентичность политического проекта Государства Израиль, воображая и изобретая ее в прозаических текстах.

Ориентационные уточнения и корпус источников. Прежде чем анализировать эти культурные и политические активности интеллектуалов как форматоров нации и ее идентичности, необходимы несколько замечаний. Как определить израильских авторов, которые писали или пишут на русском языке? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Возникновение и последующее развитие израильской литературы на русском языке стало возможно как следствие особенностей этнического и социального развития Израиля как государства и спецификой возникновения современной израильской нации. Алек Эпштейн полагает, что «исторически перед израильским обществом стояла крайне сложная задача – превращение иммигрантов в единую нацию. В отличие от других стран массовой иммиграции, где иммигрирующее меньшинство приспосабливается к образу жизни коренного большинства, в Израиле практически никогда не существовало устойчивого большинства коренного населения... иммиграция осуществлялась по единому национальному признаку, в Израиле не удалось достичь этнического, лингвистического, культурного и конфессионального единообразия населения. В 1990-х годах с требованиями... переоценки коллективной символической легитимации израильского общества выступили разные социально-этнические группы... катализатором этого процесса стала община выходцев из СССР... Миллион русскоязычных иммигрантов... сохраняя русский язык... создав свои газеты, политические партии, театры, школы, радиостанции, магазины, рестораны, медицинские

израильских авторов, которые пытаются демонстрировать романтический и этноцентричный миф израильской истории или подвергнуть ревизии линейные событийные и синтетические версии больших нарративов в израильской историографии: (Ram, 1995) (Sand, 2008) (Sand, 2014) (Fuks, 2008) (Whitelam, 1997) (Dieckhoff, 2002). См. также текст Алека Эпштейна «Между стенами: попытка коллективного портрета израильской нации», который является одной из немногочисленных попыток прочтения истории Израиля в постсоветской историографии в модернистском дискурсе (2009)

учреждения, русскоязычные иммигранты... способствовали плюрализации социально-культурного дискурса» (Эпштейн, 2002).

Появление русского сегмента в израильской литературе в этой ситуации сохранения языка и неполной ассимиляции было неизбежно. Поэтому, комментируя сложности локализации русскоязычных интеллектуалов в израильских культурных пространствах, Михаил Генделев подчеркивал, что «в Израиле не менее полутораста литераторов с той или иной степенью профессиональности, пишущих по-русски и с той или иной убедительностью, определяющих себя как писатели» (Генделев, 2017b).

В начале 2010-х годов Наум Вайман упоминал 380 израильских писателей, которые писали на русском языке (Вайман, 2012), но их место в культуре и литературе Израиля было противоречивым, а попытки его определения варьировались от периферийности до маргинальности. Александр Бараш, комментируя роль русского фактора в израильской культуре, полагает, что «для "ивритянина", то есть израильтянина с родным языком ивритом, русская литература, вообще весь комплекс "русского" – это либо бабушкин сундук с мило-постылым старьем, вроде прадедовской гимнастерки, учебника арифметики и грампластинки с "Катюшей". Либо, если ивритянин не из европейских евреев, русское и вообще европейское – в общем, экзотика, далекая или близкая по прихоти моды или личному выбору, как Индия или Таиланд» (Бараш, 2004).

В-третьих, не все интеллектуалы, которые внесли вклад в развитие еврейской идентичности и культурные рефлексии относительно политического израильского проекта смогли выражать свои идеи открыто и активно: если тексты Александра Гольдштейна стали важным элементом в дискуссиях относительно идентичности, то тексты Леонида Цыпкина, которые актуализировали различные формы и измерения еврейского исторического опыта, были изданы спустя почти три десятилетия после его смерти. Михаил Генделев, комментируя сложности и трудности адаптации русскоязычных авторов к израильской культурной ситуации, полагает, что «русскоязычная литература Израиля – литература не русская... она описывает израильскую действительность, рассчитана первоочередно на израильского читателя... ориентирована не только и не исключительно на русскую культуру...и опирается не только на российский опыт... из России и русской литературы мы благополучно выбыли. За ненадобностью. В Израиль и израильскую литературу не прибыли. За ненадобностью» (Генделев, 2017b).

Все эти факторы, с одной стороны, в различной степени влияли на интеллектуальные дебаты, дискуссии и рефлексии относительно

еврейской идентичности в частности и израильского проекта в целом, и, с другой, тексты израильских писателей и интеллектуалов, которые писали и/или пишут на русском языке формируют корпус источников, фиксируя различные проявления политических, культурных и социальных идентичностей. Автор статьи не анализирует поэтические тексты русскоязычных писателей Израиля¹, хотя они формируют оригинальный и интересный срез развития идентичности на стыке двух миров, культур и литератур. Поэтому тексты нескольких интеллектуалов включая Александра Гольдштейна («Помни о Фамагусте», «Спокойные поля», «Памяти пафоса»), Наума Ваймана («Ханаанские хроники», «Щель обетованья»), Леонида Цыпкина («Лето в Бадене», «Мост через Нероч» и др.), Эйтана Финкельштейна («Пастухи фараона», «Лабиринт») формируют ядро того корпуса источников, который использовался при написании этой статьи.

ОРИЕНТАЛИЗМ И ОКСИДЕНТАЛИЗМ В РУССКОЙ ПРОЗЕ ИЗРАИЛЯ

Большинство израильских писателей, которые писали и/или пишут на русском языке, фиксируют кризис идентичности человека в мире, где «нет наций после Голгофы» (Гольдштейн, 2004а), но среди них заметен неформальный консенсус, что советская или советизированная идентичность, которую власти предлагали им перед репатриацией, была несовместима с их собственными индивидуальными и коллективными представлениями о культуре и о том, какой должна быть идентичность интеллектуалов, отторгавших советский авторитаризм. О неприятии советизированной идентичности без свободы, но с избыточным принуждением, например, пишет Зиновий Зиник (Зиник, 2013а, стр. 5-26). Расставание с СССР не содействовало умиротворению бывших советских интеллектуалов, но стимулировало поиски новой идентичности и результаты этих интеллектуальных и культурных активностей были разнообразны.

Например, мир, описанный Александром Гольдштейном, «русско-израильским прозаиком», по определению Сергея Оробия (2013), с одной стороны, является миром Востока, который утратил родовые признаки Ориента, сохранив доминирование бюрократии,

¹ Поэзия Михаила Генделева может стать источником для изучения трансформаций и развития идентичности в пост-колониальной и транс-территориальной перспективах на стыке и пересечении русской и израильской культур и литератур. Поэтические тексты и эксперименты Михаила Генделева успели стать предметом нескольких исследований. См.: (Вайскопф, 2017а) (Вайскопф, 2017b) (Паттерсон, 2017) (Криксунов, 2017)

«начальства, которое решало всё в прогрессе политическом и гражданском» (Гольдштейн, 2004а, стр. 119), хотя по инерции и «при всей мягкости нравов, народ хотел развлечься виселицей» (стр. 119), став миром пост-наций, пост-национализма и пост-идентичностей, миром параллельных реальностей где, с одной стороны, «в славянском магазине торговали бухарцы» (стр. 43), а, с другой стороны, «Ближний Восток объявили ареной кошмара... в любых количествах могут убивать сикхи и сикхов, несклоняемые хутту несклоняемых тутси, пуштуны узбеков, суданские мусульмане суданских христиан... боль причиняют евреи... не вывести клеймо детоубийцы, изверга арабских детей... мы сегодня нацисты» (стр. 168), но эта идея не нашла понимания в израильском обществе, которое после публикаций социолога Баруха Киммерлинга (Kimmerling, 1974, pp. 64-89), воспринимало конфликт с арабами как один из основных факторов национального сплочения и консолидации. Насилие воспринималось как одна из форм и проявлений процесса ориентализации Израиля. Поэтому факты насилия фиксирует в своей прозе и Наум Вайман, который, только на первый взгляд, беспристрастно фиксирует и констатирует факты: «в склепе Авраама в Хевроне врач Барух Гольдштейн из автомата расстрелял бусурман, которые увлеклись молитвой. Когда патроны кончились – его растерзали...» (Вайман, 2000, стр. 60, 230, 291, 296, 304, 311); но фактически стремится романтизировать и легитимизировать роль насилия в становлении нации. Зиновий Зиник также фиксировал мотивы ориентализации пространства, но почти на два десятилетия раньше, чем Александр Гольдштейн, подчеркивая, что «это был "американизированный" Восток... это был Восток. Это был Восток и арабского осла посреди булыжной мостовой, и еврейской продуктовой лавочки с шестиконечной звездой Давида на вывеске» (Зиник, 2013b, стр. 114).

Стратегии восприятия, воображения и изобретения этого новообретенного вынужденного Востока бывшими советскими евреями были различны: одни принимали его как пространство временного пребывания и перебирались в Западную Европу (Зиновий Зиник), другие пытались интегрировать образы Ориента в текст, что вело к рождению нового метатекста, содействуя отторжению чрезвычайно этнизированных политических и культурных реалий Израиля. Если одни еврейские интеллектуалы стремились к радикальной ревизии мифов, которые формировали ядро идентичности, то другие, наоборот, актуализировали нарративы жертвенности в истории евреев, воображая их как нацию, которая стала жертвой европейских соседей: «прежде чем уничтожить – в середине 20 века – половину еврейского населения Европы, а другую

фактически изгнать с континента, европейские народы подвергали своих еврейских соседей всевозможным казням: массовым и индивидуальным убийствам, сожжениям на кострах, изгнаниям, насильственным обращениям в христианскую веру, ограблениям... кары, которые обрушивалась на еврейские головы в то или иное время, в том или ином уголке Европы, могли быть сколь угодно свирепыми, бесчеловечными, унижительными, но отвратительнее, изощреннее кровавого навета не было» (Финкельштейн, 2002). Это исторически мотивированное и обусловленное неприятие Европы вовсе не помешало израильским авторам воображать и воспринимать Запад как культурный и интеллектуальный ориентир. Поэтому большие нарративы Александра Гольдштейна стали органичной частью европейского культурного канона.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ ИЗРАИЛЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНСЕНСУС И ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ

Александр Гольдштейн в этом контексте, с одной стороны, пытался пересмотреть статичные массовые политические и идеологические представления о евреях как нации-жертве, что было формой интеллектуального и исторического ревизионизма. С другой стороны, некоторые идеи писателя и его скептицизм в отношении мифологизированной и идеализированной истории Израиля пересекались с концептами «новых историков» (הקדשים ההיסטוריונים), которые стремились пересмотреть и переписать новейшую историю страны, написанную и воображенную в националистически выверенной системе координат.

Александра Гольдштейна и «новых историков» роднило восприятие отношений между евреями и арабами: если некоторые представители израильской историографии признавали ответственность Израиля и армии за изгнание арабского населения с его исторических территорий, то Александр Гольдштейн делегитимизировал любое насилие, уподобляя израильских солдат нацистам. Александр Гольдштейн не был одинок в своем стремлении пересмотреть и в попытках подвергнуть ревизии романтические и этноцентричные версии политической истории Государства Израиль и отношений между еврейским большинством и арабским меньшинством. Некоторые израильские интеллектуалы, которые принадлежали к течению «новых историков», например Бэнни Моррис (Morris, 1988) (1993) (1994) (2001) (2004), Илан Паппэ (Pappé, 2014) (2012) (2011) (2010) (2006) (1994), Ави Шлаим (Shlaim, 2007) (Shlaim,

2009), Том Сегев (Segev, 2006), также стремятся пересмотреть и подвергнуть решительной ревизии и радикальной деконструкции политические и идеологические мифы, которые доминируют в израильской историографии, политической и культурной традиции с того критического момента, когда независимый Израиль появился на политической карте мира.

Ави Шлаим, комментируя историографическую ситуацию в Израиле, в 2004 году использовал дефиницию «война историков» (2007), подчёркивая глубину и остроту политических и идеологических противоречий внутри интеллектуального сообщества. Отношения в сообществе израильских писателей, которые пишут на русском языке, не могут быть определены как война, хотя восприятия национализма ими различны и варьируются от притягивания и поддержки до отрицания и попыток его деконструкции. Александр Гольдштейн, воспринимая свои тексты как конструкты, косвенно признавал их постколониальный характер, подчёркивая, что «в романе "Помни о Фамагусте" я постарался растормозить воспоминания о территориях, более или менее знакомых, некогда мною увиденных и распробованных, будь это Тель-Авив, Кипр, греческие острова или восточно-советское захолустье поздних имперских времен, а также о местах, лишь гипотетически умоозримых, воскрешаемых по уцелевшим костным останкам (послеоктябрьский Сергиев Посад, гладиаторский цирк в Закавказье двадцатых годов, старые ремесленные братства и политические подпольные клубы), как восстанавливал своих звероящеров Кювье. Память, убедился я, неотличима от воображения, составляя с ним то двуединое состояние... галлюцинаторная мемориальность... Дай только ей волю, и она придумает все, о чем вспомнит» (Гольдштейн, 2004b).

Александр Гольдштейн, таким образом, в своей прозе проявил себя как последовательный конструктивист, используя ее для конструирования, воображения и изобретения новых идентичностей, которые были чрезвычайно интеллектуальны, что радикально усложняло их восприятие, содействуя одновременно их маргинализации и превращая в маргинала их автора, потому что Израиль, как политическое сообщество и нация, с одной стороны, и большинство представителей израильской литературы, с другой, которые писали на русском языке, имели абсолютно другие цели и принципы, не воспринимая тексты Александра Гольдштейна.

Политический язык Александра Гольдштейна, как писателя и интеллектуала, культурный язык израильской русскоязычной литературы и политический язык элит были абсолютно различны потому что эти группы имели диаметрально противоположные

интересы: элиты, в отличие от интеллектуалов, стремились сохранить идентичность как консенсус, тогда как некоторые авторы, включая Александра Гольдштейна, в своих текстах стремились подвергнуть ревизии то, в создании и прогрессе чего они не принимали участие, но стали гражданами Израиля, когда страна не только имела свою идентичность, но и имела право предлагать ее своим новым гражданам, игнорируя их способность или неспособность ее принимать или не принимать.

Стратегии исторического ревизионизма «новых историков» и некоторых израильских писателей, которые пишут на русском языке, различны: если историки пытались пересмотреть только некоторые положения традиционной историографии в контексте отношений между евреями арабами, то Александр Гольдштейн был более радикален и решителен в своих попытках ревизии истории, уподобляя и сравнивая евреев с нацистами и последовательно деконструируя нарратив национального государства из идеологического дискурса и политической мифологии, но эти попытки интеллектуалов, историков и писателей оказались не очень удачными и успешными, потому что консенсус относительно основных моментов большого исторического нарратива в израильском обществе был достаточно устойчивым и стабильным, что заранее маргинализировало и обрекало на неудачу любые попытки «переписывания истории» (Karsh, 1996, p. 20). Столь радикальная позиция некоторых израильских писателей, которые писали на русском языке, не только была созвучна с идеями «новых историков», но и не встретила понимания в израильском обществе (Shapira, 1999) (Karsh, 1999), которое достаточно жестко отреагировало на попытки некоторых писателей и историков пересмотреть центральные моменты политической мифологии израильской государственности.

ИЗОБРЕТАЯ И ВООБРАЖАЯ ИЗРАИЛЬ: РУССКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ И ИЗРАИЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Некоторые израильские интеллектуалы оценивали попытки писателей, которые писали на русском языке, формировать новую версию идентичности позитивно. Ирина Врубель-Голубкина, например, полагала, что тексты Александра Гольдштейна стали «невероятным литературным прорывом, расставанием с очень многими вещами, выходом в пространство... Саша дошел до конца и сумел создать новую совершенно литературную ситуацию, которая требовала невероятного мужества и абсолютного расставания с

филологией, с культурой, с сознанием и создание собственного пространства» (Фанайлова, 2006).

Другие израильские писатели, которые писали на русском языке, наоборот, были вынужденными или добровольными участниками политического проекта Государства Израиль, поддерживая идеологию сионизма. Например, Михаил Генделев «не упускал случая подчеркнуть, что не является русским поэтом, но израильским, пишущим по-русски» (Сошкин, 2017), а Науму Вайману, в отличие от Александра Гольдштейна, не был чужд еврейский национализм в его сионистской версии. В одном из интервью Наум Вайман признавал, что «я был сионист. И, надо сказать, им и остался. Такой убежденный консерватор – в том смысле, что считаю... ну, не то что люди вообще, а евреи, в частности, должны жить в своем национальном государстве. Если оно есть, надо в нем жить и всячески обустривать и защищать. Это ключ к нормальной жизни. Существование еврея вне его национального государства, как показывает история, не нормальное, я даже не говорю о том, что оно трагичное во многих случаях. И я это вижу по тем евреям, которые остались в России сегодня и каким-то образом функционируют. Их позиция не то, что лживая, они сами с собой пытаются быть искренними, но я определяю их позицию как неестественную. А здесь я себя чувствую естественно» (Кудрявцева, 2014).

С другой стороны, Наум Вайман оценивает потенциал сионизма скептически, полагая, что «биология победила идеологию. Сионизм как идеология борьбы и порыв воли умер. Оползень резвящихся р***** накрыл последнюю крепость европейского политического романтизма... надоело переживать за евреев. Такое же говно, как и все другие» (Вайман, 2000, стр. 71).

Разочарование в сионизме стало следствием различного восприятия Израйля политическими элитами и репатриантами из СССР, хотя все они в той или иной степени были еврейскими политическими националистами: если те лидеры и интеллектуалы, которые принимали непосредственное участие в создании Израйля как государства воспринимали его как убежище для евреев после Холокоста, то бывшие советские евреи могли иметь более романтические убеждения, полагая, что надо строить не убежище, а национальное государство со всеми вытекающими последствиями, негативно оценивая попытки властей вести диалог с арабами.

Сионизм одних русскоязычных писателей Израйля вызывал непонимание и иронию со стороны других: например, Михаил Генделев определял таких авторов как «пылких сионистов», чья «литературная кошерность не знает предела» (2017b, стр. 319).

Представители израильской литературы на русском языке, которые репатриировались в Израиль в конце 1980-х годов, были не столь радикальны и последовательны в поддержке и принятии идей и ценностей израильского национализма, потому что сами стали свидетелями роста периферийных региональных национализмов в союзных республиках и не приняли новые национальные государства или те страны, которые динамично национализировались.

Если те авторы, которые переехали в Израиль в 1970-е, сами приняли участие в его строительстве как национального государства, то более поздние репатрианты, наоборот, бежали от национализма и не имели никаких иллюзий относительно национализма, не видя разницы между грузинским, азербайджанским или израильским национализмами, воспринимая их как еще одну версию авторитарной идеологии и попытку подавления и подчинения индивида и творческой свободы национальному государству. Александр Гольдштейн не был единственным еврейским интеллектуалом, кто пытался подвергнуть историю Израиля не только ревизии, но и даже деконструкции некоторых ее мифов. Эйтан Финкельштейн в своем романе «Пастухи фараона» крайне критически отзывается об официальной, сугубо событийной и позитивистской, версии истории Израиля, подчеркивая, что «вызубренная наизусть история нашего государства в действительности полна белых пятен и неразгаданных тайн, соткана не только из фактов, но и из мифов и легенд. И еще я понял, что закончились, навсегда ушли те очень важные и очень загадочные времена. Что-то изменилось» (2006, стр. 12).

Еврейские интеллектуалы в этой ситуации были вынуждены констатировать, что культура памяти, с одной стороны, и историческая память, с другой, в их официальных советской или израильской версиях развивались как культуры вытеснения, замалчивания и игнорирования неудобных и неприятных воспоминаний, с их заменой мифологизированными, унифицированными и кодифицированными версиями памяти.

ФАНТОМНЫЕ БОЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: (НЕ)ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ РОССИИ

Метаморфозы памяти и трансформации идентичности отразил в своей прозе и Зиновий Зиник: один из его героев, который репатриировался в Израиль в достаточно преклонном возрасте, не только пополняет ряды «перемещенных лиц», эмигрантов, которые сталкиваются со сложностями адаптации и трудностями интеграции в

новое общество, но и страдает амнезией, и ему кажется, что буквально вчера он был молод, а репатриация на родину предков забрала у него несколько десятилетий жизни, хотя он их провел в СССР в борьбе за право выехать в Израиль.

Герои израильских авторов, которые писали на русском языке, нередко были маргинальными фигурами в том смысле, что сочетали различные идентичности, будучи «евреями в религии и русскими в поэзии». Зиновий Зиник констатировал, что многие репатрианты оказывались неспособными примирить свои старые советские идентичности и версии еврейства с израильскими реалиями. Зиновий Зиник определял эту группу как тех, кто «ментально остался в своем российском прошлом» (2013b, стр. 109). Опасность и угроза такой социальной и культурной амнезии и утраты исторической памяти страшила и пугала многих репатриантов, которые опасались ассимилироваться и потерять свою идентичность. Поэтому Александр Гольдштейн предпочел пренебречь советом Михаила Генделева, который во второй половине 1980-х годов призывал ориентироваться на «описание Израиля изнутри, ощущение Израиля как своей станции писательского предназначения, отказ от системы мирозерцания, где Россия и русская культура – ось вращения вселенной» (Генделев, 2017b, стр. 320). Но не все репатрианты из СССР были готовы к таким радикальным творческим трансформациям и радикальным метаморфозам, хотя некоторые авторы вкладывали в уста своих героев весьма радикальные суждения о русской культуре: «смотри, что издают. Вспомнили, что у них была культура. Только поздно. Они уже окончательно разложились. П***** им... пока они не очистятся, пока не раскаются, пока не покаются... кому н**** их покаяние... не будет у них литературы, не может быть литературы, если нет совести. После 1937 у них поэзия кончилась» (Вайман, 2012, стр. 35).

Некоторые авторы еврейского происхождения так и не смогли оторваться от русской культурной традиции классической литературы. Леонид Цыпкин, хотя он не успел эмигрировать и умер в СССР, имел гипертрофированный интерес к фигуре Федора Достоевского и стал одним из немногих еврейских писателей, кто писал о русском классике, хотя тот и был антисемитом. Социализация репатриантов в контекстах русской культуры предопределила многочисленные трудности тех, кто смог репатрироваться в Израиль. Зиновий Зиник тоже описывает многочисленные трудности и даже провалы интеграции, когда репатрианты не смогли найти своего места в обществе Израиля, предпочитая создавать «своеобразный московский Париж на Ближнем Востоке, алкогольный полустанок русской культуры... российская групповщина на библейской территории»

(2013с, стр. 454), которая фактически была советской, советизированной версией русской культуры и идентичности, что стимулировала многочисленные интеллектуальные спекуляции о советском историческом и политическом опыте. Советский опыт молчания и исчезновения, когда в формальной дружной семье советских народов «молчали эвенки, якуты и манси, молчали вепсы, меря, чудь, корейцы с Дальнего Востока, и корейцы ташкентские, непререкаемый Дагестан, месхетинские турки, татары Поволжья, узбеки ферганские и наманганские, таджики с Памира и Бадахшана, гуцульщина Закарпатья, молдавщина Приднестровья, всё Закавказье, включая татов-мусульман и татов-иудеев, молчала Белая, Великая и Малая Русь» (Гольдштейн, 2004а, стр. 273), предшествовал процессам пост-, которые начали радикально менять и размывать Запад как культурный ориентир израильских интеллектуалов. Не все израильские интеллектуалы принимали и понимали этот ориентир на Россию с ее русской культурой и литературой. Например, Михаил Генделев был среди наиболее последовательных критиков этой позиции, полагая, что в России «человек любит, умирает и совершает поступки по просроченным рецептам русской литературы... Израиль же заставлял русского человека делать все то же самое, но никакими рецептами его не снабжает... те, что были вывезены из России, пропали вместе с багажом или выцвели на израильском солнце» (Сошкин, 2017, стр. 440-441).

Александр Гольдштейн этой ситуации в полной мере не понимал и устами своих героев декларирует всеобщий кризис и упадок идентичностей, их размывание, вытеснение и маргинализацию национальных чувств «русские люди, послушайте... русские люди, кладбище ваше в упадке, буквы истерлись, покосились кресты... забыли, кто под каким камнем лежит... оборотитесь на церковь... что вы с ней сделали, как допустили... картофельный склад» (2004а, стр. 302). Хотя писатель сам не был израильским националистом, воспринимая сионизм и официальные версии национализма, основанные на иудаизме если не негативно, то отстранённо и с отчуждением, полагая, что ценности и принципы секулярной европейской культуры важнее мифов нации.

ЛИТЕРАТУРИЗАЦИЯ ИЗРАИЛЬСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Если Александр Гольдштейн не был израильским националистом и стремился деконструировать националистические мифы и стереотипы, то Эйтан Финкельштейн, наоборот, в своей прозе

фиксировал примат лингвистического и этнического измерений в национализме («очень жаль евреев, не знающих ни одного еврейского языка» (2006, стр. 335)), а также новелизировал линейные версии истории израильского национализма: «заселение страны началось в конце прошлого века, когда молодые люди из Харькова и Одессы, предав огню свои университетские дипломы, отправились работать батраками в дикую, пустынную Палестину. От школьных учителей он узнавал, что четыре первых президента Израиля были выходцами из России, причем отец-основатель еврейского государства Давид Бен-Гурион когда-то носил фамилию Грин и бегал в коротеньких штанишках по городу Плонску. Уже не из школы и не от дедушек и бабушек, но из справочников и энциклопедий каждый израильтянин мог узнать, что легендарный Иосиф Трумпельдор отличился не только в борьбе с арабами, но был и героем Русско-японской войны, полным георгиевским кавалером... русские корни еврейского государства пробивались на поверхность на каждом шагу, однако наше общество всегда старалось не замечать русского начала своей истории» (2006, стр. 21).

В прозе Эйтана Финкельштейна доминировала линейная история национализма с попытками кодификации националистического воображения, романтизацией и мифологизацией, изобретением национального пантеона, и поэтому национализм фигурировал как идеологически выверенный и романтизированный нарратив, тогда как Александр Гольдштейн был активен в дискурсивных практиках воображения и изобретения национализма, что не подразумевало написание его линейной истории, но предусматривало ревизию и деконструкцию. С другой стороны, мир Александра Гольдштейна – это Запад и Европа, но Европа надломленная, которая утратила склонность к агрессии, Европа уставших наций (2004а, стр. 174), и это уже не тот «индустриальный Запад, который терзал крестьянский Восток» (стр. 240).

Именно в пространствах этой Европы, несмотря на прощание с ней, («доброй ночи, Европа, время нам распрощаться» (стр. 177), Александр Гольдштейн культурно и ментально локализовал современный ему Израиль, где «евреи, как всюду, изменились за поколение» (стр. 214) и который, как и Запад, стал утрачивать свою идентичность, мутируя в общество профессионального и массового потребления. Александр Гольдштейн, хотя и стал одним из лидеров израильской прозы на русском языке, не смог эффективно интегрироваться в израильское общество потому, что сохранял преимущественно русскую идентичность и предпочитал видеть себя в ее пространствах, но не в пределах израильской литературы.

Александр Гольдштейн не смог пойти по пути Михаила Генделева, который указывал на важность «разучиться судить Израиль по законам Руси советской» и необходимость «судить Израиль по законам Израиля, потому что другим законам он не подчиняется» (2017с, стр. 334-335).

Если евреи в прозе Александра Гольдштейна – представители культуры и поколения пост-, то Эйтан Финкельштейн, наоборот, фиксировал проявления романтического национализма, который сочетал проявления политического и этнического дискурсов. Эйтан Финкельштейн полагал, что Бен-Гурион стал отцом-основателем этого одновременно романтического и современного израильского национализма, подчеркивая, что «с неукротимой энергией он боролся не только за гегемонию рабочего класса в сионистском движении и в органах зарождающегося государства, но и вел войну против языка идиш, против традиций, завезенных в Палестину из диаспоры. Идеологическая догма Бен Гуриона, согласно которой галут – лишь рабство и унижение, а галутный еврей – существо жалкое, если не презренное, была принята нашим обществом за истину и сделалась частью нашего сознания... хотел наш еврейский Ленин создать нового человека: не торговца, но крестьянина, не талмудиста, но воина. Этот супермен, которого в дальнейшем нарекли “сабра”, не должен был помнить об унижительном прошлом своего народа; он должен был знать одну родину – библейские холмы, один язык — библейский, в его душе должен был гореть один огонь, тот самый, который зажгли в борьбе с римлянами братья Маккавеи» (2006, стр. 22).

Эйтан Финкельштейн, предлагая такие нарративы, не был национальным романтиком потому, что его националистический дискурс фактически имеет много общего с модернистскими и конструктивистскими тактиками и стратегиями восприятия национализма. Эйтан Финкельштейн только имитировал романтический национализм с его склонностью воображать линейные истории, потому что фактически занимался изобретением национальных традиций, предлагая пантеон отцов-основателей нации и идеологически мотивированное восприятие Израиля как одновременно воображенного сообщества и изобретенной традиции, которая имела исторические, лингвистические, территориальные, географические и политические формы, проявления и измерения.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЕ ИЗРАИЛЬСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В РУССКОЙ ПРОЗЕ ИЗРАИЛЯ: МЕЖДУ ОТРИЦАНИЕМ И ПРИЗНАНИЕМ

Александр Гольдштейн, как израильский интеллектуал, полагал, что такая Европа не имеет будущего и предрекал ей правый поворот в форме «десятка архиправых правительств», которые получают власть под влиянием миграции "азиатской и африканской массы"» (2004а, стр. 176). Александр Гольдштейн, с его постколониальным и постнациональным языком, склонностью подчеркнута интеллектуально рефлексировать о европейском культурном опыте (2009) и стремлением избегать этнических стереотипов, пропуская их через универсальные фильтры мировой культуры, не смог вписаться в израильские литературные и культурные контексты, потому что игнорировал ценности и принципы этничности, которые были важны для общества Израиля, склонного к политическому этноцентризму и игнорированию нееврейского исторического присутствия (Генделев, 2017а, стр. 340).

Некоторые постсоветские репатрианты имели идентичность, которая сформировалась в СССР как советская форма умеренного европеизма. Поэтому они воспринимали, воображали и изобретали Запад/Европу как политический и культурный идеал, неизбежно проецируя все эти представления на Израиль, где политические и интеллектуальные элиты к началу 1990-х годов уже успели достичь консенсуса относительно израильской идентичности и политической нации, синтезируя ценности этничности и религиозности с принципами политического национализма и интеллектуальным наследием сионизма. Израиль не удовлетворял некоторых русскоязычных интеллектуалов тем, что не смог предложить проект национальной консолидации для израильской политической нации: «еврейский народ в лице своих элитарных писателей и поэтов, которые писали по-немецки, по-польски, по-русски и являлись частью местных элит, не сказал: вот, есть у нас сионизм, давайте начнем строить общую израильскую культуру. Этого не произошло» (Врубель-Голубкина, Гольдштейн, Шаус, & Гробман, 1999).

Маргинализация была также следствием ориентира на Россию, страну, которая «забрыцала гнилыми костями» (Вайман, 2012, стр. 404), и выбора языка творчества; и некоторые писатели осознавали этот шанс, вкладывая в уста своих героев весьма критические высказывания о русском языке как языке литературы: «Мы не русские, и мы не израильтяне... мы хазары.... Хазары! И только это останется! Под Тургенева мне что ли косить! Под Тургенева? Я что, о****

совсем? Я же не русский, не русский и не хочу писать по-русски. Не пиши по-русски, это глупо. Только один человек в Израиле пишет по-русски. Это Гольдштейн, но он не человек, он нелюдь, они ископаемое» (2012, стр. 346).

Репатрианты начала 1990-х годов в этой ситуации автоматически оказались исключенными из процессов формирования и развития идентичностей в их официальных или массовых версиях. Поэтому Александр Гольдштейн в романе «Помни о Фамагусте» предстает одновременно как жертва постнационального мира, певец империи и ее отрицатель, который столь же решительно отрицает национальное государство (2004а, стр. 460), что стимулировало противоречивое отношение к нему и его текстам среди некоторых интеллектуалов Израиля, которые писали на русском языке. Некоторые из героев романа Наума Ваймана «Щель обетованья» поэтому весьма скептически отзываешься об Александре Гольдштейне: «Ты пойми, всё это никого не интересует! Он просто псих, который измучился от неизвестности, он займет место только в уголовной хронике... кровавый сладострастник, тянет его на ароматы разложения, но робкий. Часто оправдывается, огрызаясь... вот Сашенька Гольдштейн... у него же глаза мечутся как мыши, которым на хвост наступили... с ним же невозможно разговаривать! Я ему говорю, Саш, что ты, как кусок н****, в глаза не смотришь... Гольдштейн вообще не производит впечатление умного человека» (2012, стр. 37), и нередко определяет его речи как «п****» (2012, стр. 44), весьма высоко оценивая его вклад в развитие и сохранение русской идентичности в Израиле, хотя и признавая, что эта идентичность не совсем и не вовсе русская: «Такую чужестранную прозу на русском языке, сочную и перекрученную, как крылья серафимов на фресках раннего Возрождения, трудно было себе представить. О ней только грезилось. Вдохновенно-скорая рука ткала эту гигантскую шпалеру, "обращение к свидетелю": помни о матери своей, о погибшей Империи» (2003b).

Александр Гольдштейн в этой интеллектуальной ситуации был транснационален или постнационален, хотя израильский интеллектуальный дискурс знал попытки актуализации принципов и ценностей национализма и идентичности. Эйтан Финкельштейн, например, пытался предложить литературное переосмысление национализма как современного проекта: если академическая историография предлагает научное осмысление национализма как дискурса и тех нарративов, которые его формируют, то Эйтан Финкельштейн фактически пытался новелизировать модернистские версии истории национализма. Герои романа «Пастухи фараона» говорят на языке национализма и политической модернизации,

выбирая между принципами политической нации и лояльностью этнической культуре и религии, настаивая, что «сейчас мы обязаны противостоять соблазну сиюминутных политических лозунгов, которые, словно чума, поражают нашу молодежь. Мне представляется, что нам нужно срочно повысить престиж еврейского образования, ибо лучший бром против политических страстей – изучение нашей истории» (Финкельштейн, 2006, стр. 253), утверждая, что «мы должны учиться у прошлого, прошлое обладает чудесной целительной силой. Причем, помимо утешения, сколько света, ясности, сознательности вносит в наш ум знание прошедшего. Мы чувствуем себя тогда не отрезанными ломтями, а продолжением целого ряда поколений. Мы должны научить нашу молодежь воспринимать прошлое с живостью текущего момента, а современность мыслить исторически» (стр.254), истинно веря в то, что «вы говорите – наше время! Но ведь в наше время на историческую сцену вышла народная масса. Она, а не пророки нынче делает историю... университет станет лабораторией народного национального духа... в наше время и стала ясна эфемерность еврейских жаргонов, эфемерность литературного творчества на чужих языках... Скажите, кто из вас помнит авторов, писавших на ладино, кто вспомнит стихи еврейско-арабских поэтов? Да, и вообще, поднимать национальный дух, пользуясь идиш или русским! Это же нонсенс... Теперь никто не может усомниться, что будущее нашего народа на земле предков» (стр. 254-255); и мучительно выбирая между религиозной этничностью и политически мотивированным идеологическим активизмом: «мы, евреи, нация политическая, следовательно, еврейский университет должен готовить нашу молодежь к борьбе за гражданские права... все вы говорите о новом времени. Но мы не сможем войти в это самое время, пока не выбросим на помойку истории наше старье: допотопный язык и отжившую свой век религию. Мы не сможем войти в новое время, пока не преодолеем буржуазный национализм. Мы требуем светско-демократической школы!» (стр. 255).

Поэтому форматоры современной израильской идентичности были героями его прозы, а в их уста писатель вложил слова, которые вполне могли стать цитатами академического исследования израильского национализма, если еврейские политические активисты их действительно произносили. Александр Гольдштейн в этой ситуации пытался деконструировать некоторые из мифов, которые стали интеллектуальными и культурными основаниями Израиля как политического проекта и нации-государства. Если Александр Гольдштейн деконструировал и демонтировал мифы, то Эйтан Финкельштейн новелизировал их. Например, герои его романа

совершают принципиально важный сакральный и символический акт для европейской идентичности, провозглашая Государство Израиль: «мы, члены Народного Совета, представители еврейского населения Эрец-Исраэль и сионистского движения, собрались в день истечения срока британского мандата на Эрец-Исраэль и в силу нашего естественного и исторического права и на основании решения Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций настоящим провозглашаем создание Еврейского государства в Эрец-Исраэль – Государства Израиль... Государство Израиль будет открыто для репатриации и объединения в нем всех рассеянных по свету евреев» (стр. 330).

Поэтому проза Эйтана Финкельштейна мимикрирует под академический дискурс, имитируя если не научный и академический стиль, но изобилуя симуляцией цитат. Другие авторы, наоборот, чужды этого высокого стиля, полагая, что, если писать об Израиле, то корректнее описывать это государство в категориях «острова погибших кораблей» (Вайман, 2012, стр. 337).

СОСТОЯНИЕ ПОСТ-: НАЦИОНАЛИЗМ В ПОСТНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОЗЕ ИЗРАИЛЯ

Александр Гольдштейн принадлежал к той малочисленной группе интеллектуалов, которые пытались подвергнуть радикальной ревизии мифы сионизма и роли евреев как жертвы их арабских соседей, приняв часть ответственности за политически и этнически мотивированное насилие. Джеймс МакФерсон, президент Американской исторической ассоциации, в 2003 году утверждал, что «ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым данным, за счёт лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной "истины" о событиях прошлого и их значении. Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути "ревизионизм", как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой» (McPherson, 2003).

Ревизионисты от израильской литературы на русском языке, включая Александра Гольдштейна, были менее решительны и последовательны и, как результат, менее успешны в своих попытках подвергнуть радикальной ревизии тот политический и идеологический компромисс, который существовал в израильском обществе по

центральным вопросам истории, которую было необходимо писать и воображать в этноцентричной версии. Смена форм исторического сознания и культурной идентичности, которая стала следствием репатриации, неизбежно повлияла и на семантические структуры прозы, которую Александр Гольдштейн начал писать в Израиле. Проза Александра Гольдштейна в этой интеллектуальной ситуации свидетельствовала, что политические и идеологические мифы становятся жертвами интеллектуальной эрозии и неизбежно подвергаются деконструкции. Другие русскоязычные авторы тоже деконструировали романтические мифы израильского национализма: Наум Вайман, например, радикально декларировал, что «евреи не народ, а сексуальное меньшинство, и их государство также нелепо, как государство гомосексуалистов и лесбиянок... евреи – народ трусливых приспособленцев... еврею чуждо самоотращение... евреи страдают духовной импотенцией» (2000, стр. 76, 110, 185-186).

Тексты Александра Гольдштейна актуализируют различные формы и уровни памяти, но все эти версии коммеморации порождены тоталитарной и позднее авторитарной модернизацией СССР, которая повлияла на социализацию Александра Гольдштейна как советского гражданина. Насильственная модернизация и вынужденные, вдохновлённые и спровоцированные ею, социальные трансформации, о которых Александр Гольдштейн писал в своем романе «Помни о Фамагусте» фактически умертвили естественные исторические формы памяти, представленные традиционными группами, которые были носителями архаичных памятней. Эта политически мотивированная эвтаназия традиционности развязала руки интеллектуалам эпохи постмодерна в их попытках заполнить эти коммеморативные провалы и лакуны, но в прозе Александра Гольдштейна прошлое не умерло – оно материализовалось в гетерогенных культурах памяти, во множественных памятнях, которые формируют нарратив в романе «Помни о Фамагусте».

Кроме этого, опыт русскоязычных авторов Израиля не совпал с социальными ожиданиями и культурными требованиями, которые предъявляло им общество. Тексты Александра Гольдштейна актуализировали роли и значения памяти как множественных гетерогенных ситуаций, и поэтому литература стала воображать и изобретать прошлое иначе: проза в версии Александра Гольдштейна перестала быть прозой гранд-нарративов, став прозой многочисленных гетерогенных следов и теней, отблесков от событий, эта проза не нуждалась в фактах, ей были нужны различные парильные или искаженные воспоминания о факте как событии. Поэтому романы Александра Гольдштейна сами, с одной стороны,

мутировали в коллектив-сингуляры, став совокупностью различных собирательных имен (память о геноциде армян, память о еврейском опыте в Закавказье, память о репрессиях и т.п.), с другой стороны, они стали местами социальных, культурных и исторических памятей потому что его тексты были постмодерновыми паззлами.

Тексты Александра Гольдштейна фактически вне событийны и не знают, что такое событие в представлениях позитивистской историографии или предшествующей русской литературной традиции, которая немало взяла от историографического позитивизма. Поэтому русская проза Израиля оказалась метатекстом, который был склонен больше к интерпретации, чем объяснению, как осмыслению истории и современности и предложению новых идеологических ориентиров. Русские авторы в израильской литературе в своих текстах пытались подвергнуть ревизии исторически возникшие нормы и каноны: русских авторов, в отличие от еврейских, больше интересовали не структуры, институты и отношения, но интимные измерения и формы памяти. Александр Гольдштейн, как типичный западный колонизатор, тщательно фиксировал местные реалии, классифицировал и типологизировал племена и народности: «коммуна подорвал национальный вопрос, революционный космополитизм не сочетался с армянскими фамилиями руководства... потом были турки, которые привнесли стабильный младоосманский акцент и резню армян» (2004а, стр. 157-158), и делал он это на русском языке, в Израиле, как израильский гражданин. Роман «Помни о Фамагусте» олицетворял потенциальный мемориальный переворот в русской литературе Израиля и в израильской политической идентичности, но попытка оказалась явно преждевременной и откровенно неудачной одновременно, потому что израильское общество стремилось потреблять и довольствоваться консенсусными и компромиссными версиями и формами исторической памяти, оформленной в академические нарративы; в то время как проза Александра Гольдштейна фактически стала признанием анархической природы множественных гетерогенных памятей как конструктов.

Роман «Помни о Фамагусте» стал в этой интеллектуальной ситуации классическим постколониальным текстом, написанным автором с пост-идентичностью, которая сочетала рудименты советского наследия, родовые страхи, коллективные боязни и фобии еврейских предков, и культурную рефлексию израильского интеллектуала. Другие миры-пространства, факт существования или умирания которых фиксировал Александр Гольдштейн, были также гетерогенны, возникнув как следствие попыток переноса и трансплантации западных и европейских ценностей колониализма,

которые писатель определил как «индустриальные конвульсии» (2004а, стр. 63), в завоеванные и колонизированные пространства. Идеальным пространством для Александра Гольдштейна и Александра Бараша¹ стало Средиземноморье, которое существовало для него и некоторых других русскоязычных интеллектуалов Израиля только на уровне концепта. Наум Вайман в этом контексте подчеркивал, что «Гольдштейн с Барашем лелеют Средиземноморье, левантийскую Эйкумену, а я ее ненавижу. Я люблю Север, льдистую чистоту, расу голубоглазых, а Левант – это навоз жизни» (Вайман, 2012, стр. 58).

Состояние пост- стало общим и родовым определением социальных и культурных реалий, где нация и национализм стали не более чем проектами среди других проектов, с которыми они конкурировали. Наум Вайман критиковал средиземноморские фантазии израильских авторов, которые писали на русском языке, подчеркивая, что «Сначала герою Бараша открывается Восточное Средиземноморье: Крит, Византия, Финикия, рядом – Эллада, Египет. Это пространство пронизано временем и наполнено, как ветром, бесконечными смыслами погибших культур. Каждое географическое название – имя цивилизации» (2003а).

Наум Вайман скептически оценивает игру коллег с большими нарративами, проповедуя постмодернистскую поэтику гетерогенности миров и пространств, множественности индивидуального опыта, включая идентичность. Эйтан Финкельштейн, в отличие от Александра Гольдштейна, не стремился и не пытался продемонстрировать коллективные представления об Израиле как идеальной изобретенной традиции и вообразенном сообществе. Роман «Лабиринт» Эйдана Финкельштейна стал попыткой текстуально зафиксировать и новелизировать националистический дискурс и историю националистического движения, проанализировав колебания еврейских интеллектуалов между ценностями нации и принципами класса, включая соблазн нескольких национальных и политических проектов – литовского гражданского национализма, советской гражданской политической идентичности, израильского политического и этнического национализма.

Поэтому герой романа «Лабиринт» (Финкельштейн, 2008, стр. 161), литовский еврей, социальная и национальная идентичность

¹ Средиземноморские мотивы в текстах Александра Бараша заметны преимущественно в поэзии. Анализ того, как идентичность и национализм отражаются в русскоязычной поэзии Израиля, не входит в число задач автора этой статьи. Автор ограничиться только упоминанием нескольких, на его взгляд, наиболее показательных текстов, которые фиксируют средиземноморские уровни и формы идентичности. См.: (Бараш, 2009) (2002а) (2002б) (2002с). В документальном фильме Наума Ваймана «Омоним» Александр Бараш читает поэтические тексты с явной средиземноморской идентичностью и поддерживает средиземноморский дискурс. См.: (Вайман, 1999).

которого сформировалась в СССР, заново открывает, воображает для себя еврейскость и конструирует Израиль как образ идеальной родины. Эйтан Финкельштейн демифологизировал израильский национализм, воображая его в одном ряду с другими националистическими проектами, включая литовский и грузинский, и поэтому воображая его в модернистском контексте, лишая тем самым уникальности и неповторимости, вписывая израильский национализм, таким образом, в общую и универсальную неизбежную логику национализма. Александр Гольдштейн в этой ситуации пост- не питал никаких иллюзий относительно СССР, независимого Азербайджана или Израиля. Критик Яков Шаус, комментируя репатриацию Александра Гольдштейна, полагал, что «прежнюю страну Гольдштейн для себя исчерпал. Его не интересовала еще одна литературоведческая диссертация. Он не хотел заниматься советско-гуманитарной схоластикой» (Шаус, 2015).

Это откровенное противопоставление интеллектуала и власти не завершилось и после эмиграции писателя в Израиль, где он вошел в число критиков Израиля как концепта, воспринимая страну как конструкт и десакрализируя примордиальные мифы этничности, заменяя их современными концептами политической нации, что сблизило его с израильскими «новыми историками». Александр Гольдштейн в своих текстах последовательно демифологизировал и десакрализовал Израиль, демонтируя и деконструируя из различных версий идентичностей и форм исторической памяти, потому что Израиль в мире конструктов стал одним из конструктов, не более чем еще одним воображенным сообществом и изобретенной традицией. Другие писатели были склонны не демонтировать, но конструировать различные формы и измерения еврейского политического и исторического опыта в 20 веке.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КЛАССА И ЭТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ СИОНИЗМА В РУССКОЙ ПРОЗЕ ИЗРАИЛЯ

Индивидуальные биографические траектории героев прозы Леонида Цыпкина олицетворяли различные формы и проявления исторического и политического опыта советских евреев – от трагедии холокоста в годы второй мировой войны (Цыпкин, 2005b, стр. 197-309) до реальных и ментальных путешествий советских евреев (2005c, стр. 310-418) в колониальные окраины советской империи как интеллектуалов, которые тщательно фиксировали и подмечали особенности местного культурного колорита, языка и социальных

пространств, систематизируя это в лучших традициях культурных практик британских колонизаторов, которые фактически стали авторами очень похожих текстов о колониальном опыте. Герои Эйтана Финкельштейна представляли другое поколение евреев, которые смогли вернуться на историческую родину, где стали форматорами национального современного государства и нации-государства, полемизируя о путях и векторах развития Израиля как нации и государства: «миллион из России, тысяч триста из Европы, и нас уже два миллиона! И пусть наше государство станет коммунистическим, но мы выстоим, у наших детей появится будущее... Ты не знаешь, кто такие русские евреи. Там каждый второй врач или инженер, каждый третий – доктор наук. Они привезут нам русский язык и советские привычки, они закроют синагоги и откроют консерватории. У нас будет одна партия и много тюрем. Мы пахали землю, рыли колодцы, строили дороги. Мы создали эту страну, а они приедут на все готовое и будут смотреть на нас, как на диких аборигенов. Они не пустят наших детей даже на порог университета!... мы прошли аутодафе и Освенцим, но это лишь укрепило нашу веру и нашу волю. Русские хозрим б'тшува разрушат веру изнутри, а миллион русских олим – это страшнее, чем миллион арабских солдат... у нас еще есть йордим. В одной Америке их тысяч семьсот. Этих людей не нужно учить ивриту, у них есть деньги, и они любят землю, на которой родились. Если мы создадим им условия, они вернуться... Пусть любят Эрец Исраэль издали и присылают сюда деньги. Люди без иврита и без денег нам нужней. По крайней мере, пока учат иврит и становятся на ноги, не будут рыпаться» (2006, стр. 445-446).

Эти дискуссии героев Эйтана Финкельштейна отображают трудности и противоречия политической модернизации и строительства современной современной нации и государства, когда националисты были вынуждены выбирать между самостоятельным национальным проектом и трансплантацией политических и социальных институтов извне – фактически еврейские националисты в своем воображении и изобретении Израиля выбирали между ценностями этнической и политической нации и принципами социального класса, между верностью языку и иудаизму как этнической религии и привлекательностью социального и политического прогресса.

Политические ценности класса и этические идеалы сионизма, которыми могли восторгаться еврейские националисты в начале 20 века, мечтая о независимом Израиле, стали для их потомков, израильских интеллектуалов конца 20 – начала 21 века, не более чем интеллектуальными конструктами, Израиль мутировал и

мимикрировал в еще одну нацию-государство, фабрику смыслов, которые интеллектуалы, писавшие на русском языке, не имели ни возможности, ни желания воспринимать как свои. Поэтому деконструкция как частный случай ревизионизма стал тем универсальным языком, который они начали использовать для расшифровки мира, его десакрализации и понимания тех смыслов, которые предлагали предыдущие поколения националистов-интеллектуалов, которые воображали и изобретали Израиль как проект и как государство.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫВОДЫ

Подводя итоги статьи, во внимание необходимо принимать несколько факторов, которые существенно и значительно влияли на развитие политической и этнической идентичности в рамках того культурного, социального и интеллектуального проекта, которые предлагался в рамках израильской литературы в частности или еврейской литературы в целом на русском языке.

Во-первых, идентичность, которую предлагали еврейские авторы, писавшие на русском языке, имела преимущественно политический или гражданский характер, проблемы еврейства в его этнических и религиозных формах и измерениях их интересовали несопоставимо меньше, чем вопросы и аспекты культурной и политической идентичности. Во-вторых, всех этих авторов можно определить как националистов, но не националистов в традиционном этническом и даже политическом смысле – еврейская и израильская литература на русском языке актуализирует качественно другие формы, измерения и проявления национализма как постнационализма или транснационализма потому, что советские писатели-евреи или израильские писатели, которые писали на русском языке, предлагали синтетический проект и сочетали идеи различных культурных идентичностей, активно оперируя или играя в смыслы русской классической и израильской модерной культуры и идентичности.

В-третьих, эти тексты сами стали фабриками новых смыслов, которые актуализировали как исторические, так и актуальные формы и версии еврейской политической и культурной идентичности – проза Леонида Цыпкина, Александра Гольдштейна, Эйтана Финкельштейна отражает различные формы локальных идентичностей европейского еврейства, от восточноевропейских и закавказских идентичностных проектов как локализованных форм еврейской идентичности в окружении самых разнообразных и неизбежных этнических,

лингвистических и идеологических Других, до израильского проекта как институционализованного проекта национальной политической идентичности нации-государства, до средиземноморской идентичности, которая интегрирует политический, социальный и этнический опыт еврейства в более широкие культурные и интеллектуальные пространства и контексты.

В-четвертых, идентичность, которую фиксируют проанализированные тексты, может быть определена как пост-колониальная, хотя это утверждение относится преимущественно к прозе Александра Гольдштейна, где он, будучи в эмиграции, проживая в Израиле, при помощи русского языка, но не принадлежа формально к русской литературе, систематизировал и переосмысливал национальный, религиозный, языковой и этнический колорит Закавказья как колонии и национальной периферии в имперских контекстах подчинения, подавления, доминирования и господства.

В-пятых, проекты идентичности, которые предлагают проанализированные тексты, имели преимущественно светский и секулярный характер, что свидетельствует о стремлении их авторов развивать и продвигать модерновый политический проект нации-государства, хотя игнорирование религиозных факторов может быть следствием советской социализации представителей израильской литературы на русском языке.

В-шестых, тексты, которые возникли в рамках израильской литературы на русском языке актуализируют роль, значение и потенциал модернистской и конструктивистской парадигмы в изучении национализма потому, что их авторы сознательно и намеренно изобретали, воображали и конструировали различные идентичности как политические, социальные или культурные проекты: поэтому, интеллектуалы и писатели, чьи тексты были проанализированы в этой статье, стали такими же форматорами и отцами-основателями пост-модерной израильской идентичности в ее русском лингвистическом измерении, как политические и государственные отцы Государства Израиль.

Если политики институционализировали идентичность как проект, то интеллектуалы, чьи тексты проанализированы в этой статье, фактически обслуживали реализацию этого проекта, содействуя его легитимации и продвижению или, наоборот, настаивали на его ревизии, сомневаясь в универсальности и неизбежности, как наций, так и наций-государств.

Список литературы

- Dieckhoff, A. (2002). *Invention of a Nation: Zionist Thought and the Making of Modern Israel*. Columbia University Press.
- Fuks, B. B. (2008). *Freud and the Invention of Jewishness*. L.: Agincourt Press.
- Karsh, E. (1996). Rewriting Israel's History. *Middle East Quarterly*(3:2), 19-29.
- Karsh, E. (1999). Benny Morris and the Reign of Error. *Middle East Quarterly*(6:1), 15-28.
- Kimmerling, B. (1974). Anomie and Integration in Israeli Society and the Salience of the Arab Israeli Conflict. *Studies in Comparative International Development*(9:3), 64-89.
- McPherson, J. (2003, September). Revisionist Historians. *Perspectives on History*. Retrieved from <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/september-2003/revisionist-historians>
- Morris, B. (1988). *The Birth of the Palestinian Refugee Problem, 1947–1949*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Morris, B. (1993). *Israel's Border Wars 1949–1956: Arab Infiltration, Israeli Retaliation, and the Countdown to the Suez War*. Oxford: Clarendon Press.
- Morris, B. (1994). *1948 and after; Israel and the Palestinians*. Oxford: Clarendon Press.
- Morris, B. (2001). *Righteous Victims: A History of the Zionist–Arab Conflict, 1881–1999*. NY: Alfred A. Knopf.
- Morris, B. (2004). *The Birth of the Palestinian Refugee Problem Revisited*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pappé, I. (1994). *The Making of the Arab-Israeli Conflict, 1947–1951*. L.-NY: I.B. Tauris.
- Pappé, I. (2006). *The Ethnic Cleansing of Palestin*. L.-NY.: Oneworld.
- Pappé, I. (2010). *Out of the Frame: The Struggle for Academic Freedom in Israel*. L.: Pluto Press.
- Pappé, I. (2011). *The Forgotten Palestinians: A History of the Palestinians in Israel*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Pappé, I. (2012). *The Bureaucracy of Evil: The History of the Israeli Occupation*. Oxford: Oneworld Publications.
- Pappé, I. (2014). *The Idea of Israel: A History of Power and Knowledge*. NY: Verso.
- Ram, U. (1995). Zionist Historiography and the Invention of Modern Jewish Nationhood: The Case of Ben Zion Dinur. *History and Memory*(7:1), 91-124.

- Sand, S. (2008). *The Invention of the Jewish People*. NY – L.: Verso.
- Sand, S. (2014). *The Invention of the Land of Israel: From Holy Land to Homeland*. L. – NY.: Verso.
- Segev, T. (2006). *1967: Israel, the War, and the Year That Transformed the Middle East*. NY: Metropolitan Books.
- Shapira, A. (29 November 1999 г.). The failure of Israel's "New Historians" to explain war and peace. The Past Is Not a Foreign Country. *New Republic*.
- Shlaim, A. (2004). The War of the Israeli Historians. *Annales*(59:1), 161-167.
- Shlaim, A. (2007). *The War for Palestine: Rewriting the History of 1948*. Cambridge University Press.
- Shlaim, A. (2009). *Israel and Palestine: Reappraisals, Revisions, Refutations*. NY: Verso.
- Whitelam, K. W. (1997). *Whitelam, The Invention of Ancient Israel: The Silencing of Palestinian History*. NY.: Routledge.
- Бараш, А. (2002а). Дорога на Гераклион. In А. Бараш, *Средиземноморская нота. Стихотворения*. Иерусалим – М.: Гешарим – Мосты культуры. Retrieved from <http://www.vavilon.ru/texts/prim/barash1.html>
- Бараш, А. (2002b). Звезда Иордана. In А. Бараш, *Средиземноморская нота. Стихотворения*. Иерусалим – М.: Гешарим – Мосты культуры. Retrieved from <http://www.vavilon.ru/texts/prim/barash1.html>
- Бараш, А. (2002с). Источник в винограднике. In А. Бараш, *Средиземноморская нота. Стихотворения*. Иерусалим – М.: Гешарим – Мосты культуры. Retrieved from <http://www.vavilon.ru/texts/prim/barash1.html>
- Бараш, А. (2004). Русско-ивритские литературные связи в режиме real time. *Новое литературное обозрение*(68). Получено из <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/bara21.html>
- Бараш, А. (2009). Левант. In А. Бараш, *Итнерарий, Книга стихов*. М.: Новое литературное обозрение. Retrieved from <http://www.vavilon.ru/texts/prim/barash2.html>
- Вайман, Н. (1999). *Омоним*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=oWcJeh5DDHM>
- Вайман, Н. (2000). *Ханаанские хроники. Роман в шести тетрадах*. СПб: Инапресс.
- Вайман, Н. (2003а). Дом в центральной болевой точке (Рец. на кн.: Александр Бараш. Средиземноморская нота. М. – Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2002). *Новое литературное*

- обозрение(62). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/62/vaim.html>
- Вайман, Н. (2003b). Эпическая галлюцинация в присутствии статуй (Рец. на кн.: Александр Гольдштейн. Помни о Фамагусте (отрывок из романа) // Зеркало. 2002. № 19/20). *Новое литературное обозрение*(60). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/naumvai.html>
- Вайман, Н. (2012). *Щель обетованья (второй том «Ханаанских хроник»)*. Роман. Москва: Новое литературное обозрение.
- Вайскопф, М. (2017a). Каменные воды. В М. Генделев, *Стихи. Проза. Поэтика. Текстология* (стр. 396-415). Москва: Новое литературное обозрение.
- Вайскопф, М. (2017b). Теология Михаила Генделева: опыт аналитического некролога. В М. Генделев, *Стихи. Проза. Поэтика. Текстология* (стр. 462-475). Москва: Новое литературное обозрение.
- Врубель-Голубкина, И., Гольдштейн, А., Шаус, Я., & Гробман, М. (1999). В поисках утраченного статуса. Круглый стол “Зеркала”. *Неприкосновенный запас*(3). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/1999/3/kruglyi-pr.html>
- Генделев, М. (2017a). Вид на крепость в ясную погоду. В М. Генделев, *Стихи. Проза. Поэтика. Текстология*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Генделев, М. (2017b). Литературный пасьянс русского Израиля. В М. Генделев, *Стихи. Проза. Поэтика. Текстология* (стр. 316). Москва: Новое литературное обозрение.
- Генделев, М. (2017c). Эта легкая музыка сфер. В М. Генделев, *Стихи. Проза. Поэтика. Текстология* (стр. 334-335). Москва: Новое литературное обозрение.
- Гольдштейн, А. (2004a). *Помни о Фамагусте*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Гольдштейн, А. (2004b). Словопрения об успехе нехороши. *Критическая Масса*(2). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/km/2004/2/gol3.html>
- Гольдштейн, А. (2009). *Памяти Пафоса. Статьи, эссе, беседы*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Гольдштейн, А. (2011). *Расставание с Нарциссом. Опыты поминальной риторики*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Зиник, З. (2013a). Второе гражданство. В З. Зиник, *Третий Иерусалим. Роман. Повести. Эссе. Письма* (стр. 5-26). Москва: Новое литературное обозрение.

- Зиник, З. (2013b). Главпочтамт, до востребования. В З. Зиник, *Третий Иерусалим. Роман. Повести. Эссе. Письма*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Зиник, З. (2013c). Иерусалимский квартет. В З. Зиник, *Третий Иерусалим. Роман. Повести. Эссе. Письма*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Зиник, З. (2013d). Извещение. В З. Зиник, *Третий Иерусалим. Роман. Повести. Эссе. Письма* (стр. 27-102). Москва: Новое литературное обозрение.
- Зиник, З. (2013e). Перемещенное лицо. В З. Зиник, *Третий Иерусалим. Роман. Повести. Эссе. Письма* (стр. 125-430). Москва: Новое литературное обозрение.
- Криксунов, П. (2017). Пунктир о Генделева. В М. Генделев, *Стихи. Проза. Поэтика. Текстология* (стр. 537-557). Москва: Новое литературное обозрение.
- Кудрявцева, К. (2014, Октябрь 10). А вы как к евреям относитесь?... Интервью с Наумом Вайманом. *Чайка*. Retrieved from <https://www.chayka.org/node/6145>
- Оробий, С. (2013). Проза Орфея: феномен Александра Гольдштейна. *Новое литературное обозрение*(124). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/124/25o.html>
- Паттерсон, Д. (2017). Изгнанник в Земле обетованной: поэзия Михаила Генделева. В М. Генделев, *Стихи. Проза. Поэтика. Текстология* (стр. 416-435). Москва: Новое литературное обозрение.
- Сошкин, Е. (2017). Лепрозорий для незрячих: Михаил Генделев и проект «Русскоязычная литература Израиля». В М. Генделев, *Стихи. Проза. Поэтика. Текстология* (стр. 436-461). Москва: Новое литературное обозрение.
- Фанайлова, Е. (2006, Декабрь 10). Памяти писателя. Александр Гольдштейн: от книги «Расставание с Нациссом» до книги «Спокойные поля». *Радио Свобода*. Retrieved from <https://www.svoboda.org/a/366618.html>
- Финкельштейн, Э. (2002, январь 18). Навет и ответ. Рецензия на книгу Семена Резника «Растление ненавистью». *Чайка*. Retrieved from <https://www.chayka.org/node/3816>
- Финкельштейн, Э. (2006). *Пастухи фараона. Роман-эраша*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Финкельштейн, Э. (2008). *Лабиринт*. Москва: Новое литературное обозрение.

- Цыпкин, Л. (2005а). Лето в Бадене. В Л. Цыпкин, «*Лето в Бадене*» и другие сочинения (стр. 25-198). Москва: Новое литературное обозрение.
- Цыпкин, Л. (2005b). Мост через Нерочь. В Л. Цыпкин, «*Лето в Бадене*» и другие сочинения (стр. 197-309). Москва: Новое литературное обозрение.
- Цыпкин, Л. (2005с). Норартакир. В Л. Цыпкин, «*Лето в Бадене*» и другие сочинения (стр. 310-418). Москва: Новое литературное обозрение.
- Шаус, Я. (2015). *Без Саши*. Retrieved from <http://www.yacovshaus.com/2015/07/Goldshtein.html>
- Эпштейн, А. (2002). Арабо-израильский конфликт и его влияние на израильское общество. *Континент*(11). Получено из <http://magazines.russ.ru/continent/2002/111/epsht.html>
- Эпштейн, А. (2009). Между стенами: попытка коллективного портрета израильской нации. *Неприкосновенный запас*(4). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ep9.html>

THE RUSSIAN PROSE IN THE CONTEXTS OF ISRAELI IDENTITY: CULTURAL FRONTIER OR THE CASE OF MARGINAL NATION-BUILDING

Kyrchanoff, M. W.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10007>

Kyrchanoff Maksym Walerevich, Voronezh State University, 394000, Voronezh, Pushkinskaia 16.

E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract

The author analyzes the problems of history of Israeli prose in Russian. The literature of Israel develops as a heterogeneous literature, because the country became home to Jews who came from different European countries, bringing with them their literary traditions and other national languages that were different from Hebrew. Russian literature of Israel or literature in Russian language is an integral element of modern heterogeneous and partially multicultural Israel, despite the tendencies of gradual nationalization of political and cultural spheres existing in modern Israeli society. It is assumed that Russian writers of Israel contributed to the formation and development of its political identity. The author believes that Israeli writers who immigrated to Israel from the USSR could be Zionists or they were neutral towards political ideology. It is assumed that Israeli prose in Russian, on the one hand, became a form of intellectual

situations of postcoloniality and postnationality. On the other hand, the author points out that Israeli literature in Russian became part of the cultural frontier because it belongs to Russian and Israeli cultures and identities simultaneously. Actually, the Russian authors of Israel in these intellectual and cultural situations became incomprehensible to modern Russian readers because they perceive Russian realities as alien and foreign ones. It is logical to assume that Russian literature in Israel will exist for a few decades and become part of the literary history of Israel.

Keywords

History of literature, Israel, emigration, integration, nationalism, identity, the Russian language, Hebrew, transculturality

References

- Dieckhoff, A. (2002). *Invention of a Nation: Zionist Thought and the Making of Modern Israel*. Columbia University Press.
- Fuks, B. B. (2008). *Freud and the Invention of Jewishness*. L.: Agincourt Press.
- Karsh, E. (1996). Rewriting Israel's History. *Middle East Quarterly*(3:2), 19-29.
- Karsh, E. (1999). Benny Morris and the Reign of Error. *Middle East Quarterly*(6:1), 15-28.
- Kimmerling, B. (1974). Anomie and Integration in Israeli Society and the Salience of the Arab Israeli Conflict. *Studies in Comparative International Development*(9:3), 64-89.
- McPherson, J. (2003, September). Revisionist Historians. *Perspectives on History*. Retrieved from <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/september-2003/revisionist-historians>
- Morris, B. (1988). *The Birth of the Palestinian Refugee Problem, 1947–1949*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Morris, B. (1993). *Israel's Border Wars 1949–1956: Arab Infiltration, Israeli Retaliation, and the Countdown to the Suez War*. Oxford: Clarendon Press.
- Morris, B. (1994). *1948 and after; Israel and the Palestinians*. Oxford: Clarendon Press.
- Morris, B. (2001). *Righteous Victims: A History of the Zionist–Arab Conflict, 1881–1999*. NY: Alfred A. Knopf.
- Morris, B. (2004). *The Birth of the Palestinian Refugee Problem Revisited*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pappé, I. (1994). *The Making of the Arab-Israeli Conflict, 1947–1951*. L.-NY: I.B. Tauris.
- Pappé, I. (2006). *The Ethnic Cleansing of Palestin*. L.-NY.: Oneworld.

- Pappé, I. (2010). *Out of the Frame: The Struggle for Academic Freedom in Israel*. L.: Pluto Press.
- Pappé, I. (2011). *The Forgotten Palestinians: A History of the Palestinians in Israel*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Pappé, I. (2012). *The Bureaucracy of Evil: The History of the Israeli Occupation*. Oxford: Oneworld Publications.
- Pappé, I. (2014). *The Idea of Israel: A History of Power and Knowledge*. NY: Verso.
- Ram, U. (1995). Zionist Historiography and the Invention of Modern Jewish Nationhood: The Case of Ben Zion Dinur. *History and Memory*(7:1), 91-124.
- Sand, S. (2008). *The Invention of the Jewish People*. NY – L.: Verso.
- Sand, S. (2014). *The Invention of the Land of Israel: From Holy Land to Homeland*. L. – NY.: Verso.
- Segev, T. (2006). *1967: Israel, the War, and the Year That Transformed the Middle East*. NY: Metropolitan Books.
- Shapira, A. (29 November 1999 г.). The failure of Israel's "New Historians" to explain war and peace. The Past Is Not a Foreign Country. *New Republic*.
- Shlaim, A. (2004). The War of the Israeli Historians. *Annales*(59:1), 161-167.
- Shlaim, A. (2007). *The War for Palestine: Rewriting the History of 1948*. Cambridge University Press.
- Shlaim, A. (2009). *Israel and Palestine: Reappraisals, Revisions, Refutations*. NY: Verso.
- Whitelam, K. W. (1997). *Whitelam, The Invention of Ancient Israel: The Silencing of Palestinian History*. NY.: Routledge.
- Barash, A. (2002a). Road to Heraklion. In A. Barash, *Mediterranean Note. Poems*. Jerusalem - M.: Gesharim - Bridges of Culture. Retrieved from <http://www.vavilon.ru/texts/prim/barash1.html>
- Barash, A. (2002b). Star of Jordan. In A. Barash, *Mediterranean Note. Poems*. Jerusalem - M.: Gesharim - Bridges of Culture. Retrieved from <http://www.vavilon.ru/texts/prim/barash1.html>
- Barash, A. (2002c). Source in the vineyard. In A. Barash, *Mediterranean Note. Poems*. Jerusalem - M.: Gesharim - Bridges of Culture. Retrieved from <http://www.vavilon.ru/texts/prim/barash1.html>
- Barash, A. (2004). Russian-Hebrew literary communication in real time. *New Literary Review* (68). Obtained from <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/bara21.html>
- Barash, A. (2009). Levant. In A. Barash, *Itenerium, Book of Poems*. M.: New Literary Review. Retrieved from <http://www.vavilon.ru/texts/prim/barash2.html>

- Wyman, N. (1999). *Homonym*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=oWcJeh5DDHM>
- Wyman, N. (2000). *Canaan Chronicles. A novel in six notebooks*. SPb: Inapress.
- Wyman, N. (2003a). The house is in the central sore point (Rec. On the book: Alexander Barash. Mediterranean note. M. - Jerusalem: Bridges of Culture - Gesharim, 2002). *New Literary Review* (62). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/62/vaim.html>
- Wyman, N. (2003b). Epic hallucination in the presence of statues (Ret. On the book: Alexander Goldstein. Remember Famagusta (excerpt from the novel) // *Mirror*. 2002. № 19/20). *New Literary Review* (60). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/naumvai.html>
- Wyman, N. (2012). *Promise Gap (second volume of the Canaan Chronicles)*. Novel. Moscow: New Literary Review.
- Weisskopf, M. (2017a). Stone water. In M. Handel, *Poems. Prose. Poetics. Textual science* (pp. 396-415). Moscow: New Literary Review.
- Weisskopf, M. (2017b). Theology of Michael Gendeleev: the experience of an analytical obituary. In M. Handel, *Poems. Prose. Poetics. Textual science* (pp. 462-475). Moscow: New Literary Review.
- Vrubel-Golubkina, I., Goldstein, A., Schaus, J., & Grobman, M. (1999). In search of lost status. Round table "Mirrors". *Immediate reserve* (3). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/1999/3/kruglyi-pr.html>
- Handel, M. (2017a). View of the fortress in clear weather. In M. Handel, *Poems. Prose. Poetics. Textual*. Moscow: New Literary Review.
- Handel, M. (2017b). Literary Solitaire Russian Israel. In M. Handel, *Poems. Prose. Poetics. Textual science* (p. 316). Moscow: New Literary Review.
- Höndeleev, M. (2017c). This light music of the spheres. In M. Handel, *Poems. Prose. Poetics. Textual science* (pp. 334-335). Moscow: New Literary Review.
- Goldstein, A. (2004a). *Remember Famagusta*. Moscow: New Literary Review.
- Goldstein, A. (2004b). Words about success are bad. *Critical Mass* (2). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/km/2004/2/gol3.html>
- Goldstein, A. (2009). *In memory of Paphos. Articles, essay, conversations*. Moscow: New Literary Review.
- Goldstein, A. (2011). *Parting with Narcissus. Experiences commemorative rhetoric*. Moscow: New Literary Review.
- Zinik, Z. (2013a). Second citizenship. In Z. Zinik, *Third Jerusalem. Novel. Tale. Essay. Letters* (p. 5-26). Moscow: New Literary Review.
- Zinik, Z. (2013b). Post office, on demand. In Z. Zinik, *Third Jerusalem. Novel. Tale. Essay. Letters*. Moscow: New Literary Review.

- Zinik, Z. (2013c). Jerusalem quartet. In Z. Zinik, *Third Jerusalem. Novel. Tale. Essay. Letters*. Moscow: New Literary Review.
- Zinik, Z. (2013d). Notice. In Z. Zinik, *Third Jerusalem. Novel. Tale. Essay. Letters* (p. 27-102). Moscow: New Literary Review.
- Zinik, Z. (2013e). Displaced person. In Z. Zinik, *Third Jerusalem. Novel. Tale. Essay. Letters* (pp. 125-430). Moscow: New Literary Review.
- Kriksunov, P. (2017). Dotted line on Handel. In M. Handel, *Poems. Prose. Poetics. Textual science* (pp. 537-557). Moscow: New Literary Review.
- Kudryavtseva, K. (2014, October 10). And how do you feel about Jews? ... Interview with Naum Wyman. *Gull*. Retrieved from <https://www.chayka.org/node/6145>
- Orobiy, S. (2013). Prose of Orpheus: the phenomenon of Alexander Goldstein. *New Literary Review* (124). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/124/25o.html>
- Patterson, D. (2017). Exile in the Promised Land: the poetry of Michael Höndele. In M. Handel, *Poems. Prose. Poetics. Textual science* (pp. 416-435). Moscow: New Literary Review.
- Soshkin, E. (2017). Leperozoria for the blind: Mikhail Gendelev and the project "Russian-language literature of Israel." In M. Handel, *Poems. Prose. Poetics. Textual science* (pp. 436-461). Moscow: New Literary Review.
- Fanaylova, E. (2006, December 10). In memory of the writer. Alexander Goldstein: from the book "Parting with Nazis" to the book "Quiet Fields". *Radio Liberty*. Retrieved from <https://www.svoboda.org/a/366618.html>
- Finkelstein, E. (2002, January 18). Sovereign and answer. Review of the book Seed Reznik "Violence". *Gull*. Retrieved from <https://www.chayka.org/node/3816>
- Finkelstein, E. (2006). *Pharaoh's shepherds. Roman jumble*. Moscow: New Literary Review.
- Finkelstein, E. (2008). *Labyrinth*. Moscow: New Literary Review.
- Tsyppkin, L. (2005a). Summer in Baden. In L. Tsyppkin, "*Summer in Baden*" and other works (pp. 25-198). Moscow: New Literary Review.
- Tsyppkin, L. (2005b). Bridge over Neroch. In L. Tsyppkin, "*Summer in Baden*" and other works (pp. 197-309). Moscow: New Literary Review.
- Tsyppkin, L. (2005c). Norartakir. In L. Tsyppkin, "*Summer in Baden*" and other works (pp. 310-418). Moscow: New Literary Review.
- Schaus, J. (2015). *Without Sasha*. Retrieved from <http://www.yacovshaus.com/2015/07/Goldshtein.html>

- Epstein, A. (2002). Arab-Israeli conflict and its impact on Israeli society. *Continent* (11). Obtained from <http://magazines.russ.ru/continent/2002/111/epsht.html>
- Epstein, A. (2009). Between the walls: an attempt at a collective portrait of the Israeli nation. *Immediate reserve* (4). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ep9.html>

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ АВСТРАЛИИ: В ПАМЯТЬ О ДЕБОРЕ РОУЗ

Якушенков, С. Н.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10008>

Якушенков Сергей Николаевич, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» Астрахань, 414056, ул. Татищева 20А.

E-mail: shuilong@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена памяти известного австралийского антрополога Д. Б. Роуз. Жизненный путь Роуз представляет собой лучший пример современного антрополога, полностью посвятившего себя служению науке и служению всему живому на земле. Хоть Дебора Б. Роуз и родилась и училась в США, так получилось, что, в силу своих академических интересов, она связала свою жизнь с другим континентом – Австралией. Изучая жизнь коренных австралийцев, постигая их образ жизни, стараясь понять их картину мира, она невольно проникалась глубиной познания окружающего их мира.

Являясь носителем культурных ценностей двух миров, она очень остро чувствовала ту пропасть, которая отделяет эти две картины мира. У коренных австралийцев она научилась бережному отношению к окружающей природе, которую они воспринимали как нечто, имеющее сознание. Это, в конечном итоге, заставило ее пройти сложный путь от ученого гуманитарной направленности до ученого, не делающего различия между миром людей и миром природы. Она защищает права аборигенов, но борется и за сохранение исчезающих биологических видов. Роуз поражает своей работоспособностью: множество разнообразных монографий, авторских и тех, где она выступала соавтором и редактором, огромное количество статей, интервью, руководство магистрантами и аспирантами, создание и участие в работе многочисленных фондов и общественных организаций, занимающихся охраной окружающей среды, редакционная работа в академических журналах и многое, многое другое. И, конечно, одной из центральных тем в ее исследованиях была тема австралийского фронта. Правда, интересовалась она и другими фронтными кейсами, в том числе американским и русским. Умерла Дебора Роуз 22 декабря 2018 г., но ее дела, ее слова, ее мысли живут в наших сердцах.

Ключевые слова

Дебора Бёрд Роуз, биография, некролог, австралийские аборигены, фронт

*Death is so entirely integral to
the experience of life on earth*

© Debora Bird Rose

«Смерть так неразрывно связана с жизнью на земле», – эта фраза принадлежит Деборе Бёрд Роуз. С прискорбием сообщаем, что она ушла из жизни 22 декабря 2018 г.

Мы не могли обойти вниманием этот прискорбный момент и не рассказать нашим читателям об этой удивительной женщине. Почему именно о ней? Она не была членом нашего редакционного совета, она не была одним из наших авторов. Но она была профессионалом, который очень много сделал для изучения фронта. Она была ведущей фигурой во фронтальных исследованиях. К сожалению, мало известной в нашей стране. Она была замечательным антропологом, занимавшимся изучением культур аборигенного населения Австралии, она сделала много для защиты прав коренного населения этой страны. Осмелимся предположить, что, вероятно, близкое знакомство с традиционной культурой аборигенного населения изменило ее картину мира, и последнее время она посвящала много времени изучению и защите вымирающих видов: животных, насекомых, растений (Rose, 2011) (Rose, Doogen, & Chrule, 2017).

Своим некрологом мы хотели бы почтить память этой удивительной женщины и, хотя бы чуть-чуть восполнить информационную пустоту о ней, которая существует в русскоязычной научной литературе. Мы делаем это с прискорбием, так как чувствуем за собой определенную вину, что не рассказали о ней раньше, что не познакомили много раньше своих читателей с ней и ее работами. Мы уже давно собирались написать ей и пригласить к сотрудничеству с нами, но повседневная круговерть все отодвигала этот момент; и, когда приглашение было, наконец, отослано, в ответ пришло письмо от ее мужа – известного австралийского поэта и переводчика Питера Бойля. Он известил нас о том, что Дебора Роуз умерла накануне Рождества 2018 г. В письме была еще и приписка, что она очень интересовалась проблемами фронта в других странах, в том числе и в России...

Так мы потеряли и вновь нашли Дебору Роуз. Но, чтобы не терять ее снова, мы и решили написать этот некролог, сделав его фронтальным, т. е. разместить его на стыке разных стилей, жанров и академически-бытовых смыслов.

Легко писать официальные некрологи. Если вы не знаете, как, зайдите в интернет, там есть масса сайтов, которые снабдят вас сотней самых различных образцов. Сложно писать некрологи, когда уходят

друзья. Не хочется писать официально, и слова тонут в эмоциях, чувствах, воспоминаниях. А если приходится писать некролог на человека, с которым ты не был знаком, каким должен он быть? Ну, а если этот человек был твоим единомышленником? Но ты с ним не был знаком, и жил он на другом конце света – в Австралии – там, где «ходят вверх ногами». А значимо ли это, где жил человек, если он твой единомышленник? Ведь тогда не важно, где вы жили, так как ваши сердца бились в унисон, ваши мысли соприкасались, и вы превращались в единый планетарный организм, пульсирующий в одном ритме. И тогда, когда умирает какой-то единомышленник, то как бы умирает часть этого организма.

Когда мы начинали писать это некролог, то думали обо всем этом. Вновь просматривали ее книги, перечитывали ее статьи, еще раз познакомились с ее биографией. Пересмотрели видео с ней. Мы вновь обретали ее, мы шли с ней по австралийской земле, шепча: «Смерть настолько неразрывно связана с жизнью на Земле, за исключением некоторых одноклеточных организмов, что мне приходится постоянно задаваться вопросом: Что же такого неправильного в этих смертях, которые окружают нас в эту эпоху, которую мы начинаем называть антропоценом? Как получается, что, когда я кладу любимого человека в могилу, я почитаю смерть, и когда я иду по бесплодной, размытой, ошпаренной земле, обходя скелеты животных и остатки стволов деревьев, я думаю, что смерть бесчестна? Как я писала однажды, когда меня особенно огорчала вся эта смерть: равновесие между жизнью и смертью нарушено, и безжалостный каскад нагромождает трупы на земле живых» (Rose, n.d.).

Повторяя за ней эти слова, мы невольно осознаем, что не умеем писать официальные некрологи, да и не хотим это делать. В то же время, когда мы начинали писать его, мы понимали, что перед нами стоит важная задача познакомить читателей с этим удивительным человеком, дать им возможность хоть немного узнать о нем и, возможно, пробудить желание узнать больше.

Дебора Бёрд Роуз родилась в 1946 г. в Сиэтле, штат Вашингтон, но затем её семья переехала в штат Делавэр, где она начала работать и учиться в университете штата на кафедре антропологии, а в 1973 году она защитила работу на степень бакалавра искусств в области антропологии, получив диплом с отличием.

С 1973 по 1974 год Роуз была координатором женского Образовательного Центра, преподавала в женском Ресурсном центре в Ньюарке, штат Делавэр, а затем она переехала в Пенсильванию и продолжила учебу в частном гуманитарном женском колледже в Брин-Мор (Bryn Mawr College), штат Пенсильвания, где и получила степень

магистра в 1977 г. Именно учеба в Брин-Мор не только оформила ее как антрополога, но и круто изменила ее судьбу.

В 1980 г. она начинала работу над докторской диссертацией в этом университете и получила грант от Национального научного фонда (National Science Foundation) для полевых исследований среди аборигенов Северных территорий в Австралии. Двадцать два месяца она жила среди аборигенов, записывая их рассказы о своей жизни. В результате её взгляд на окружающий мир кардинальным образом изменился. Это очень хорошо заметно по названиям её ранних работ: «Сага о капитане Куке: мораль в аборигенном и европейском законе (The Saga of Captain Cook: Morality in Aboriginal and European Law)» (Rose, 1984), «Аборигенная идентичность vs христианская идентичность (Aboriginal Identity vs Christian Identity)» (Rose, 1985), «Воспоминания» (Rose, 1989) и многим другим.

Роуз пыталась понять картину мира коренных австралийцев, научиться понимать окружающий мир также, как и они: «Аборигены во многих частях Австралии научили меня считать страну сущностью, обладающей сознанием. Место – это один из видов воплощения бытия, и все встречи живых существ фиксируются в нем. Знаки этих встреч – это воспоминания; они могут затуманиваться, но, вероятно, никуда не исчезают. Мы, люди, строим свою жизнь на основе наших культур и наших действий. Разные культуры, разные действия – разные следы. Контрасты между конкретностью места и неуловимым качеством подписей нашей жизни нигде не бывают более яркими, чем на фронтире, где межкультурные встречи производят плотный и провокационный материал и доставшиеся нам образы» (Rose, 1998, p. 17).

Но она четко понимала, что современные аборигены – это уже продукт встречи культур. Поэтому большое внимание она уделяла тому, как соприкасаются эти два мира: мир коренных австралийцев и мир белого человека. Именно этим проблемам посвящено огромное количество ее работ (Rose, 1996; Rose, 1997; Rose, 2000; Rose, 2004).

Важно отметить, что деятельность Д. Роуз не замыкалась только на полевых исследованиях аборигенной культуры. Исследовательница была активным защитником аборигенных прав на землю, отстаивала и другие права. С 1981 г. она участвовала на стороне коренного населения Северных территорий Австралии в более чем 20 случаях защиты их прав на землю и ресурсы. Как писала сама Роуз, она лично посетила многие места, ознакомилась со священными объектами и местами аборигенов, пересекла эту территорию на грузовиках, повозках, вертолетах и даже пешком, пробираясь через непроходимые заросли, пустыни и топи. Ей приходилось спать под открытым небом, в

полной мере впитывая новую для нее родину – Австралию – всем своим нутром.

Конечно, эта жизнь «на земле», это соприкосновение с истинной природой оставило свой отпечаток на восприятии мира её как учёного, но вместе с тем, видимо, где-то под бескрайним небом Австралии родился и философ. В работах Д. Роуз видится удивительное сочетание взгляда полевого этнографа и европейского философа, пытающегося ощутить пульсацию жизни в целом (Rose, 2000). Сложно сказать, было ли это чертой её характера, или явилось результатом общения с хранителями традиций среди аборигенов, но поэтика её языка сохраняет и научный стиль академического изложения, и некую плавность и напевность традиционного сказительства. Но не чуждалась она и теоретических рассуждений по множеству вопросов. Она была увлечена идеями М. Бахтина и Вальтера Беньямина (Rose, 2002; Rose, 2006); постоянно анализировала вопросы фронтальной теории (Rose, 1997; Rose, 1998; Rose, 1997). Вместе с австралийским антропологом Ричардом Дэвисом она издала коллективную монографию «Перемещая фронт: эссе о мистичности глубинки» («Dislocating the frontier: essaying the mystique of the outback») (Rose & Davis, 2005).

Читая работы Д. Роуз, невольно задаешься вопросом: чем вызван ее резкий переход от антропологии к экологии? Явился ли он результатом общей тенденции интереса антропологов и историков к проблемам взаимодействия общества и природы, проблемам окружающей среды? Или это результат её активных контактов с коренными жителями Австралии? Как нам кажется, не следует искать точного ответа на этот вопрос. В видении мира учёного хорошо заметна забота о всем живом и глубокая ответственность за происходящее в мире. Ее поэтический дар, пусть и выраженный в академической прозе, хорошо демонстрирует ритм ее души, ее желание взять на себя ответственность за весь мир: «Каждый пишет, как он что он слышит, // Каждый слышит, как он дышит, // Как он дышит, так и пишет, \\ Не стараясь угодить». О таких, как она, пел Булат Окуджава.

Д. Роуз была основателем или активным членом множества общественных организаций и фондов, занимающихся проблемами сохранения исчезающих видов. Вот лишь некоторые из них: Ecological Humanities (один основателей); Extinction Studies Working Group (один из основателей); Kangaloon – Creative Ecologies (основатель) и многие другие.

Она была главным редактором или входила в редакционный совет нескольких академических журналов, издавала книги, сотрудничала с ведущими мировыми издательскими домами.

Трудно понять, как могла она все это успевать и где находила столько свободного времени и сил.

И вот, Деборы Роуз уже больше нет. Хотя, почему нет?!!! Ведь осталась память в сердцах многих, кто её знал, остались многочисленные книги, статьи, интервью, многие из которых вы можете найти в Сети, созданные ею общественные организации и фонды. Но главное, если верить коренным австралийцам, она оставила глубокий след, пройдя по всем Северным территориям. А это значит, что она осталась там, в этой стране, которую она любила и которую пыталась сохранить.

Мы выражаем глубокое соболезнование всем её родным и друзьям, скорбим вместе с ними об утрате близкого человека. И хотели бы сказать так: в записных книжках перуанского писателя и поэта Сесаря Вальехо, (стихи которого, между прочим, переводил на английский муж Деборы – поэт и переводчик Питер Бойль), есть рассказ о том, что однажды один из основателей движения дадаизма и сюрреализма Филипп Супо (Philippe Soupault) шел по улицам Парижа, стучался в двери домов и спрашивал: «Здесь живет Филипп Супо?» Наконец, в одном из домов открылась дверь и человек ответил ему: «Да, заходите. Здесь живет Филипп Супо».

И мы тоже скажем Питеру Бойлю: Да! Дебора Роуз живет здесь.

Список литературы

- Rose, D. B. (1984). The Saga of Captain Cook: Morality in Aboriginal and European Law. *Australian Aboriginal Studies*(2), 24-39.
- Rose, D. B. (1985). Aboriginal Identity vs Christian Identity. *Australian Aboriginal Studies*(2), 58-61.
- Rose, D. B. (1989). Remembrance. *Aboriginal History*(13), 135-148.
- Rose, D. B. (1996). Land Rights and Deep colonizing: the Erasure of Women. *Aboriginal Law Bulletin*, 3(85), 6-13.
- Rose, D. B. (1997). Dark times and excluded bodies in the colonisation of Australia. In G. Gray, & C. Winter (Eds.), *The Resurgence of Racism: Howard, Hanson and the Race Debate* (pp. 97-116). Monash Publications in History, Monash University.
- Rose, D. B. (1997). The Year Zero and the North Australian frontier. В D. B. Rose, & A. F. Clarke (Ред.), *Tracking knowledge in Northern Australian landscapes : studies in indigenous and settler ecological*

- knowledge systems* (стр. 19-36). Brinkin, NT: The Australian National University, North Australia Research Unit.
- Rose, D. B. (1998). Signs of Life on a Barbarous Frontier: Intercultural Encounters in North Australia. *Humanities Research*(2), 17-36.
- Rose, D. B. (2000). *Dingo Makes Us Human: Life and Land in an Australian Aboriginal Culture*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Rose, D. B. (2000). To Dance with Time: A Victoria River Aboriginal Study. *The Australian Journal of Anthropology*, 11(2), 287-296.
- Rose, D. B. (2002). Dialogue with Place: Toward an Ecological Body. *Journal of Narrative Theory. Benjamin & Bakhtin: New Approaches - New Contexts* , 32(3), 311-325.
- Rose, D. B. (2004). *Reports from a Wild Country: Ethics for Decolonisation*. Sydney: UNSW Press.
- Rose, D. B. (2006). What If the Angel of History Were a Dog? *Cultural Studies Review*, 12(1), 67-78.
- Rose, D. B. (2011). *Wild Dog Dreaming: Love and Extinction*. Charlottesville, London: University of Virginia Press.
- Rose, D. B. (n.d.). *Double Death*. Retrieved 01 25, 2019, from Deborah Bird Rose. Love at the Edge of Extinction: <http://deborahbirdrose.com/144-2/>
- Rose, D. B., & Davis, R. (Eds.). (2005). *Dislocating the frontier : essaying the mystique of the outback*. Canberra: ANU E Press.
- Rose, D. B., Dooren, , T., & Chrule, M. (2017). *Extinction Studies: Stories of Time, Death, and Generations*. New York: Columbia University Press

THE LIFE, GIVEN TO AUSTRALIA: IN MEMORIAM DEBORAH BIRD ROSE

Yakushenkov, S.N.

<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10008>

Yakushenkov Serguey Nickolayevich, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia, Tatischeva Str., 20A

E-mail: shuilong@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the life of the famous Australian anthropologist Deborah Bird Rose. Rose is the best example of a modern anthropologist who has devoted herself entirely to the service of science and the preservation of living being on earth.

Although Deborah was born and educated in the United States, it turned out that due to her academic interests she connected her life with another continent – Australia. Studying the life of the natives Australians, comprehending their way of life, trying to understand their picture of the world, she involuntarily imbued with the depth of knowledge of the world around them.

Being the bearer of the cultural values of the two worlds, she felt very keenly this gap that separates these two pictures of the world. From her Native informants and friends, she learned to take care of the surrounding Nature, which they perceived as something with consciousness. This ultimately forced her to go through a difficult path from a humanitarian scientist, to a scientist who does not make a distinction between the world of People and the world of Nature. She protected aboriginal rights, but also fought for the preservation of endangered species. Her ability of hardworking surprises us: a wide variety of monographs, as an author and those where she was an author and an editor, a long list of articles, interviews, supervision of undergraduates and graduate students, the foundation and participation in the work of numerous funds and public organizations involved in environmental protection, editorial work in academic journals and much more. And of course, one of the Central themes in her research was the Australian frontier. However, she was interested in other frontier cases, including American and Russian. Deborah rose died December 22, 2018, but her deeds, her words, her thoughts live in our hearts.

Keywords

Deborah Bird Rose, biography, obituary, the Native Australians, Australian frontier

References

- Rose, D. B. (1984). The Saga of Captain Cook: Morality in Aboriginal and European Law. *Australian Aboriginal Studies*(2), 24-39.
- Rose, D. B. (1985). Aboriginal Identity vs Christian Identity. *Australian Aboriginal Studies*(2), 58-61.
- Rose, D. B. (1989). Remembrance. *Aboriginal History*(13), 135-148.
- Rose, D. B. (1996). Land Rights and Deep colonizing: the Erasure of Women. *Aboriginal Law Bulletin*, 3(85), 6-13.
- Rose, D. B. (1997). Dark times and excluded bodies in the colonisation of Australia. In G. Gray, & C. Winter (Eds.), *The Resurgence of Racism: Howard, Hanson and the Race Debate* (pp. 97-116). Monash Publications in History, Monash University.
- Rose, D. B. (1997). The Year Zero and the North Australian frontier. In D. B. Rose, & A. F. Clarke (Eds.), *Tracking knowledge in Northern Australian landscapes : studies in indigenous and settler ecological knowledge systems* (pp. 19-36). Brinkin, NT: The Australian National University, North Australia Research Unit.
- Rose, D. B. (1998). Signs of Life on a Barbarous Frontier: Intercultural Encounters in North Australia. *Humanities Research*(2), 17-36.

- Rose, D. B. (2000). *Dingo Makes Us Human: Life and Land in an Australian Aboriginal Culture*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Rose, D. B. (2000). To Dance with Time: A Victoria River Aboriginal Study. *The Australian Journal of Anthropology*, 11(2), 287-296.
- Rose, D. B. (2002). Dialogue with Place: Toward an Ecological Body. *Journal of Narrative Theory. Benjamin & Bakhtin: New Approaches-New Contexts* , 32(3), 311-325.
- Rose, D. B. (2004). *Reports from a Wild Country: Ethics for Decolonisation*. Sydney: UNSW Press.
- Rose, D. B. (2006). What If the Angel of History Were a Dog? *Cultural Studies Review*, 12(1), 67-78.
- Rose, D. B. (2011). *Wild Dog Dreaming: Love and Extinction*. Charlottesville, London: University of Virginia Press.
- Rose, D. B. (n.d.). *Double Death*. Retrieved 01 25, 2019, from Deborah Bird Rose. Love at the Edge of Extinction: <http://deborahbirdrose.com/144-2/>
- Rose, D. B., & Davis, R. (Eds.). (2005). *Dislocating the frontier : essaying the mystique of the outback*. Canberra: ANU E Press.
- Rose, D. B., Dooren, , T., & Chrule, M. (2017). *Extinction Studies: Stories of Time, Death, and Generations*. New York: Columbia University Press

ISSN: 2500-0225

18+

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

№1 (13)

2019

ISSN: 2500-0225

18+

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-Journal

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

№1 (13)

2019